

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

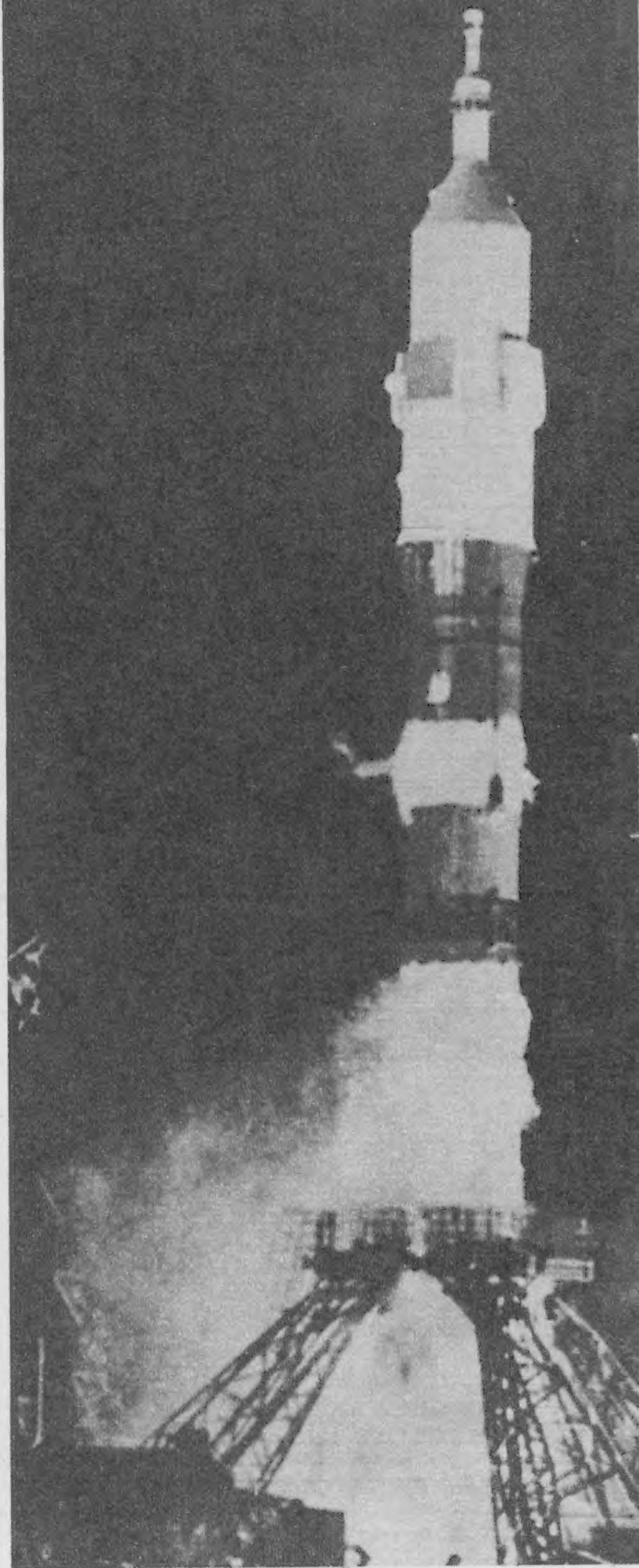
№ 13 МАРТ 1981

Международный экипаж космического корабля «Союз-39» — командир корабля, Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР В. А. Джанибеков (справа) и космонавт-исследователь гражданин МНР Жугдэрдэмидийн Гуррагча во время предполетных тренировок в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

Фото А. Пушкарёва (ТАСС)

Во время старта космического корабля «Союз-39» на космодроме Байконур.

Телефото В. Кузьмина и А. Пушкарёва (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 13 (2802)

28 МАРТА 1981

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1981

На борту космического комплекса вновь работает международный экипаж — товарищи Ковалёнок, Савиных, Джанибеков и Гуррагча.

Снимок получен по телекосмической связи (ТАСС).

В Звездном городке у памятника Ю. А. Гагарину.

Фото А. Пушкарёва (ТАСС)

«ЗОЛОТОЙ СОЁМБО» НАД ПЛАНЕТОЙ

Вечером 22 марта космос принял первого космонавта Монгольской Народной Республики. На борту корабля «Союз-39» на околоземную орбиту устремился флаг с изображением «золотого соёмбо» в верхнем углу — государственный флаг Монголии.

Знак соёмбо — древний символ свободы и независимости монгольского народа. Этот знак был вышит на красных знаменах изродной революции, победившей шестьдесят лет назад в Монголии. Этот знак — национальная эмблема народного государства.

Программа экспериментов, предписанная экипажу Владимир Джанибеков — Жугдэрдэмидийн Гуррагча, составлена совместно советскими и монгольскими специалистами, что является естественным следствием и убедительным подтверждением силы государства, уверенно создающего материально-техническую базу социалистического общества. С 1965 года при Академии наук Монгольской Народной Республики работает Совет по исследованию космического пространства в мирных целях для руководства и координации

работ в этой области. Исследования, связанные с космическими полетами, ведутся в институтах физики и техники, геологии, ботаники, географии, химии и в других научных организациях Монголии.

Ровно три года готовился в нашем Центре подготовки космонавтов Жугдэрдэмидийн Гуррагча. Он родился в семье многодетного арата в местечке Рашант, в таком маленьком и далеком, что, как сам говорит, не найти даже на самой подробной карте. Как все его сверстники, в школу ездил верхом на лошади. И

ребячьим играм после занятий — скачки. И потом опять домой — в седле.

Все его деды и прадеды пасли скот. Когда наступали каникулы, Гуррагча помогал отцу.

Доброй судьбе было угодно, что Советский Союз он стал узнавать с детства. Класе в пятом учился Гуррагча, когда неподалеку от селения остановилась экспедиция советских ученых. Тогда-то восприимчивый мальчонка стал жадно впитывать русскую речь, петь русские песни, любовь к которым во все последующие годы росла и наполнилась особым смыслом.

Десять лет назад двадцатитрехлетний военнослужащий Монгольской народной армии впервые приезжает в нашу страну — слушателем Военной школы младших авиационных специалистов. Затем — год работы на родине и вновь учеба в Советском Союзе, на этот раз в Военной-воздушной академии. Вскоре после ее окончания Гуррагча опять в учебном классе: начался «космический» этап жизни капитана Монгольской народной армии.

Как же он волновался, когда впервые вошел в комплексный тренажер — живую наземную модель космического корабля. Сел в кресло и сразу окунулся в стихию мечты — ранней и долгой, выношенной: это корабль, за иллюминатором космос, любое неверное движение — и полет сорван. Корабль — царство автоматики. Для него, новобранца космического отряда, оно было и сказочным царством, ему еще предстояло привыкать к мысли: «Я — космонавт, первый космонавт своего государства». На какое-то мгновение Гуррагче стало страшно. Он долго сидел, не решаясь к чему-либо прикоснуться. Пройдет много времени, и всю длинную цепь предполетных экзаменов он сдаст на «отлично». Но пока Гуррагча знал лишь то, что требования к советским и зарубежным космонавтам абсолютно одинаковы. Потому что одинаково строг ко всем сам космос. Будет трудно, Гуррагча знал это.

Но было и то, что упрощало дело. Это прежде всего хваткий ум, отличная память, прекрасная инженерная подготовка, что, правда, факторы взаимосвязанные, один в другой переходящие. И, наконец, — он сразу понял это — отличный командир экипажа достался ему.

Владимир Джанибеков — один из немногих космонавтов, кто получил достаточную известность задолго до своего первого полета, будучи включенным в группу подготовки по программе «Союз» — «Аполлон». Однако счет космическим виткам открыл по другой программе. В январе 1978 года ему и Олегу Макарову выпало открыть «навигацию» кораблей посещения к станции «Салют-6». Здесь уместно напомнить, что «Салют-6» стал началом нового поколения долговременных орбитальных станций. Так наличие двух стыковочных узлов впервые позволило работать в космической лаборатории одновременно двум экспедициям — основной и гостевой. Джанибеков воз-

главил экипаж самой первой экспедиции посещения.

Кратковременность экспедиции — словно бег на короткую дистанцию: быстрый разгон и высокий темп от начала и до конца. Пристыковался, открыл дверь, поздоровался и — работой. А невесомость в первые дни требует особенно деликатного к себе отношения — адаптация, все в организме перестраивается. Основному экипажу в этом отношении легче, есть время перевести дух, передохнуть. А «гостям» хотя и положено, да не очень. В общем, «ножницы». Экипажу «Союза-27», который возглавлял Джанибеков, предстояло выработать особый режим, ритм, методы работы экспедиции посещения долговременных станций. Опыт экипажа оказался бесценен.

Помню, бортинженер основной экспедиции станции «Салют-6» — экспедиции, принимавшей первых гостей, Георгий Михайлович Гречко рассказывал:

— Прилетел он к нам и сверх своей штатной программы занялся ремонтом и наладкой буквально всего, до чего у нас руки не доходили. Говорю ему: «Хватит, Володя». Так он дожидается, когда мы уснем, и тихонько работает себе в закутке. Я ему опять: «Хватит, иди поспи». А он отвечает: «Вам здесь быть долго, а мне нет. Домой вернусь — отосплюсь».

И еще Георгий Михайлович добавил про удивительно счастливое сочетание скромности, интеллигентности Владимира с редким трудолюбием и умением делать буквально все, причем то, что отнюдь не всегда входит в предполетную подготовительную программу, в круг профессиональных навыков космонавтов.

И вот спустя три года и два месяца тридцативосьмилетний полковник Владимир Александрович Джанибеков — командир девятой экспедиции посещения на «Салют-6».

А работал он с Гуррагчей в период подготовки хотя и так, как положено программой, да не совсем. Комплексная тренировка — полная имитация полета, в реальном масштабе времени. Обычно каждый член экипажа следит за своим участком, своими пультами, приборами, у каждого свой круг забот, ответственности, интересов. Но Джанибеков строит дело так, что каждый должен знать и что творится у партнера, а если надо, то сыграть его партию. Стало быть, двойная нагрузка? Не двойная, но заметно повышенная. Зачем? Перестраховка от ошибки партнера? Не в этом дело. А в том, что Джанибеков добивался глубочайшего его проникновения в систему, в суть, в логику работы машины.

Или другое. Нарушение Джанибековым «реального масштаба времени полета». Да, иногда командир это делал, как бы приостанавливал полет, хотя, быть может, так и не положено. Но Джанибеков говорил: «Стоп!» — и корабль «зависал». Начинался незапланированный разбор текущей ситуации. Причем разбирал, анализировал, делал заключения, про-

гнозировал не командир, а космонавт-исследователь, которого Джанибеков тактично и методично приучал к чувству ответственности за любую ситуацию — предвиденную и совсем иную, к активности, к творчеству. Вот, стало быть, что осталось между строк экзаменационных табелей космонавта Гуррагчи.

Три месяца назад у Гуррагчи случилось то, что вполне могло поставить под вопрос его участие в этом полете. Попал в госпиталь. Три недели болезни, когда осталось до старта совсем немного, — срок угрожающий. Джанибеков регулярно посещал друга. Но приходил не успокаивать его. Их дело продолжалось, и они говорили только о нем. Они работали. Потом Владимир уходил, а Гуррагча все работал. Так изо дня в день, все три недели. Потом они снова сели в тренажер, предстояло многое наверстывать. Все это тоже не вошло в протоколы.

...«Союз-39» медленно приближался к станции. Земля провела коррекцию орбиты корабля, измерила ее параметры. Все шло нормально. Заканчивались первые сутки полета Джанибеков — Гуррагча.

Стыковка состоялась вне зоны прямой радиовидимости с территории СССР, и Центр управления полетом получил подтверждение с плавучих станций слежения.

И вот на телеэкранах мы видим, как открывается крышка переходного люка и wpłyвает сияющее тысячей солнц лицо Гуррагчи, который тут же попадает в объятия Коваленка. Все. Самое сложное позади.

Члены международного экипажа произносят торжественные слова приветствия товарищам Л. И. Брежневу и Ю. Цеденбалу.

Советско-монгольский космический экипаж приступил к выполнению совместных исследований и экспериментов на борту орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз Т-4» — «Союз-39». В программе — технологические, медико-биологические и технические эксперименты, фотографирование земной поверхности в интересах исследования природных ресурсов планеты и изучения окружающей среды, продолжение исследований и экспериментов, начатых на станции «Салют-6» международными экипажами в предыдущих полетах.

Работа рассчитана на семь дней. Дружба же — вечна!

«В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде» — этими словами Первого секретаря Центрального Комитета Монгольской народной-революционной партии, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбала открывается раздел книги о братстве и единстве советского и монгольского народов. Еще много книг будет написано об этом. И яркими главами в них станут главы о братстве космическом.

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

Дождоогийн ЦЭДЭВ

КОСМИЧЕСКИМ БРАТЬЯМ

Моя земля — надежная площадка
Для взлета в космос сильных кораблей —
Кружит среди планет.
Моя земля — надежная площадка
Для приземленья звездных кораблей,
Усталых от других планет.

Еще недавно в Звездном городке
Встречались мы. И долгая беседа
Наш волновала ум.
Сегодня же в космическом просторе
Они пронзают звонкие пространства
Любимую звездой.

Та звездная мечта, что стала явью,
Родилась в кабинете Ильича
При встрече Сухэ-Батора.
Поводья золотые той мечты
Вручило звездным братьям поколенья
Огонь и воду испытывавших.

На земле у них — стремени одни,
И штурвал один — в небесах.
Этот подвиг их, озаряя дни,
В песнях будет жить и в делах.

Славьтесь, народов великих дела —
Дружба нам крылья для взлета дала!

Экипаж друзей — гордость всей Земли,
А земля у нас все ж одна.
На лихом коне, в неземной дали
Сын Монголии в стремених.

Славьтесь, народов великих дела —
Дружба для взлета нам крылья дала!

Перевел с монгольского
А. ПАРПАРА.

И ТРУД КАК ПРАЗДНИК...

К коммунистическому субботнику в честь 111-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина на Московском ордена Трудового Красного Знамени комбинате твердых сплавов имени С. П. Соловьева, как и на всех предприятиях страны, готовиться начали загодя. На дворе март, но яркое солнце, чистое синее небо, звонкая капель — все это как бы торопит весну. И настроение у собравшихся на очередное заседание штаба комбината по организации и проведению коммунистического субботника 18 апреля было веселее. Ведь мыслями-то все уже там, в апреле!

Комбинат твердых сплавов — предприятие в стране известное. Первенец советского производства изделий из твердых сплавов в будущем году отметит свой полувековой юбилей. За эти годы пройден путь к вершинам современной технологии. Продукция комбината отвечает сейчас мировым стандартам. Это и металлорежущие инструменты для всевозможных станков, в том числе одно из последних достижений науки и техники — высокоточные непереключаемые пластины и искусственные алмазы для «начинки» бурового инструмента, используемого в нефтяной и газовой промышленности. Тысячами прочных нитей комбинат связан со многими отраслями советской промышленности. Например, изготовленные в день субботника непереключаемые пластины будут установлены на поточных линиях ВАЗа и КамАЗа. Алмазные буровые долота уйдут на нефте- и газопромыслы в Азербайджан, Башкирию, Тюменскую область. Всевозможные изделия из твердых сплавов — на предприятия машиностроения, станкостроения, цветной и черной металлургии. Подобная «география» вызывает естественную гордость рабочих за свое предприятие. На заседании штаба подсчитали, на сколько тысяч рублей разнообразной продукции будет произведено в день субботника на комбинате.

Но есть и иные категории, учет которых не поддается даже сверхсовременным ЭВМ. Это то, что несут в своих сердцах люди, с чем каждый из них придет на субботник.

— Готовимся к субботнику, как к празднику, — говорит заместитель начальника штаба, помощник директора комбината Михаил Александрович Нелидов. — Во всех цехах прошли собрания рабочих, где были высказаны интересные предложения, выражено единодушное желание потрудиться в день субботника как следует. Такое отношение радует.

Активное участие членов штаба — руководителей цехов, отделов, секретарей цеховых парторганизаций, профсоюза, завкома, комитета ВЛКСМ в разработке плана проведения субботника во многом способствовало тому, что план получился продуманный, четкий и очень, что ли, нужный для комбината.

Большинство людей будут трудиться на своих рабочих местах. Но еще в план субботника включены и такие пункты: «Наведение чистоты и порядка во всех зданиях и помещениях»; «Приобретение деревьев и кустарников» — они будут посажены вокруг нового цеха; «Расчистка газонов»... А как же иначе? Ведь комбинат — большой дом для всех, кто здесь работает. Кому приятно, если в доме не прибрано?

Мастер прессовочного участка Геннадий Скобелев сказал, что в день субботника прессовщики будут работать на сэкономленных материалах. Кроме того, каждый будет обслуживать сразу несколько прессов. Это повысит производительность труда.

— Конечно, — добавляет Скобелев, — можно нас и упрекнуть: мол, если в день субботника выкладываетесь, то и в остальные дни так же работайте! Правильно, кое-какие резервы имеются. И мы на пути к их полному использованию. «Экономика должна быть экономной — таково требование времени» — эти слова товарища Л. И. Брежнева, прозвучавшие с трибуны XXVI съезда КПСС, мы расценили как руководство к действию. Но субботник... Это не только праздник труда, это еще и праздник души. Со своего рабочего места видишь всю страну. Словно твой станок работает

В ДЕНЬ ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СУББОТНИКА — МАКСИМАЛЬНУЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ!

В прессовочном цехе. Уточняется план субботника.

Фото Э. Эттингера

в ритме со станком каждого рабочего. Сердце твое бьется в согласии с сердцами всех советских людей! Это особенное чувство, оно как награда. Из-за него-то, думаю, и называется субботник коммунистическим.

— Я на комбинате двенадцать лет, — вступает в разговор прессовщица, депутат Моссовета Ирина Родина, совсем еще молодая женщина, — а отец мой здесь уже тридцать восемь лет! Так верите ли, он — ветеран! — и то волнуется. У нас в цехе в основном молодежь, многие недавно на завод пришли. Но думаю, с ветеранами поспорим. У них опыт, у нас молодость!

...Пройдет совсем немного времени, и рабочие Московского комбината твердых сплавов имени С. П. Соловьева выйдут на коммунисти-

ческий субботник. Цеха радиофицированы, в начале трудового дня по цехам разнесутся звуки Гимна Советского Союза. А потом заработают агрегаты, ровный гул наполнит помещения. Каждый час будут передаваться по трансляции последние новости, экспресс-информация. Как идут дела, какой цех лидирует в соревновании. Будет названо и имя того, кто первым выполнит норму. В конце дня — чествование победителей. Может, это будет депутат Верховного Совета СССР прессовщица Валентина Михайловна Терехова, или Ирина Родина. Дело не в нескольких людях, хотя, конечно, честь им и хвала! Победителями будут все, кто работал на субботнике. На всех предприятиях. По всей стране. Потому что, как очень точно сказал мастер Скобелев, главная награда — особенное чувство, что твое сердце в этот день бьется в согласии с сердцами всех советских людей!

К. ЮРЬЕВ

Никола ИНДЖОВ,
болгарский писатель

«МЫ ВО ВРЕМЕНИ И ВРЕМЯ В НАС»

«Мы во времени и время в нас», — сказал когда-то апостол болгарской свободы Васил Левский. Сейчас, накануне XII съезда Болгарской коммунистической партии, эти слова вызывают особое чувство. Мы оглядываемся назад и пытаемся заглянуть в будущее.

С земли нашей поднялись идеи, которые придали совершенно другие измерения Болгарии, открыли возможности для проявления ее созидательных сил. Парламент народов мира, детская ассамблея «Знамя мира», международные встречи писателей и другие важные встречи, состоявшиеся в прошлом году в Болгарии, показали ее вес в современном мире, ее высокогуманную миссию, дальновидную заботу о будущем. Мы сделали свою родину более авторитетной именно благодаря конкретной деятельности во имя мира, добрососедства и мирного сотрудничества, благодаря усиленной работе у себя дома.

Наш партийный съезд проходит четверть века спустя после Апрельского пленума ЦК БКП, восстановившего ленинские принципы и нормы партийной жизни. Апрельский пленум явился делом людей, беззаветно преданных коммунизму, людей, сохранивших во время тяжелых испытаний чувство исторической ответственности, людей, которые следовали димитровским заветам. Магистральная линия болгарских коммунистов берет свое начало издавна, она началась с той самой вершины Бузлуджа, где в 1891 году была основана партия, она проходит по хребту времени и устремлена в прекрасное будущее, к коммунизму. Воплощением верности революционной традиции партии, ее чистоты и стойкости — вот чем стал Апрельский пленум.

XII съезд партии — событие, которого мы все ожидаем с нетерпением и с великими надеждами. Устами делегатов, которые соберутся на съезде в Софии, будут говорить девять миллионов болгар. Будет подведен итог обсуждения всей страной проекта тезисов XII съезда Болгарской коммунистической партии. Успешно закончилась седьмая пятилетка, несмотря на ухудшившуюся международную экономическую конъюнктуру и некоторые неблагоприятные погодные условия. Продукция машиностроения возросла на 56,2 процента, энергетика — на 35 процентов, металлургии — на 18,1 процента, химической промышленности — на 52,9 процента, сельского хозяйства — на 12 процентов. Реальные доходы на душу населения повысились на 12,7 процента.

Проект тезисов социально-экономического развития Болгарии в восьмой пятилетке (1981—1985 гг.) наметил направить главные усилия на все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа. Запланировано увеличение национального дохода на 25—30 процентов, реального дохода трудящихся, но мне хочется остановиться на духовной жизни народа.

Жизнь эта необозримо богата, наполнена книгами и музыкой, постижением прекрасного и открытиями тайн природы. Однако духовная жизнь не только в этом. Основа ее — мораль современника. Современный же болгарин — это человек плодотворного труда. Носителем революционной морали, продолжателем великих заветов прошлого является наш рабочий класс — созидатель и пропагандист новых, социалистических добродетелей. Болгарский рабочий со своими коммунистическими принципами труда, со своим профессиональным мастерством, со своим диалектическим восприятием времени и человека как личности является человеком новой формации. Это человек нашего сегодняшнего дня. И завтрашнее тоже.

Завтрашнее — так как наступает новое время с новыми, более высокими общественными целями, шире раскрывается эпоха, ставшая вершиной развития нашей тысячелетней державы. Вершиной, так как впервые за тринадцать веков болгарин увидел, как слились воедино исконные идеалы личности и общества. Свобода и коммунизм уже одно целое, долг и призвание — одно целое, патриотизм и интернационализм — одно целое и неотделимы друг от друга. Все это зрелость болгарского народа.

Тысяча триста лет болгарскому государству... Этот исключительный юбилей — средоточие прошлого, настоящего и будущего, он призывает нас к марксистско-ленинскому осмыслению всего того, что создано свободолюбивым и героическим болгарским народом. Сегодня граждане социалистической Болгарии с чувством глубокого удовлетворения, высокой патриотической гордости и неугасающим интернационализмом окидывают взором прошедшие тринадцать веков, изучая пути своей истории и национальной судьбы, и с оптимизмом смотрят в будущее.

В этом огромный смысл нашего настоящего, в этом весь настрой социалистической страны накануне очередного съезда ее коммунистической партии.

Владимир НИКОЛАЕВ

«Пока не поздно», «Время решать», «Время не ждет», «Ядерной угрозе — надежный заслон» — эти и многие другие аналогичные призывы не сходят сегодня со страниц мировой прессы. Новые миролюбивые предложения, выдвинутые на XXVI съезде КПСС, у всех на устах, они вызвали огромный резонанс и положительный отклик как в общественных, так и в политических кругах. И одновременно средства информации сообщают о том, что в США под антисоветскую шумиху нарастают милитаристские настроения. От этой тревожной констатации никуда не уйдешь. Прислушайтесь хотя бы к словам военного обозревателя газеты «Вашингтон пост» Дж. Уилсона: «Огромные масштабы программы в области обороны, предложенной Рональдом Рейганом... создают явное впечатление, что новый президент не удовлетворится чем-то меньшим, чем американское военное превосходство над Советским Союзом». Более чем красноречивое признание! Американский обозреватель, на наш взгляд, ухватил самую суть проблемы: какими бы измышлениями о так называемой «советской угрозе» ни прикрывались милитаристские планы, речь идет именно о стремлении к военному превосходству над нашей страной. Очень опасные мечтания! И абсолютно беспочвенные, беспричинные. Ведь и западные специалисты указывают на то, что в настоящий момент между США и СССР существует примерное равенство в военной силе. «Не пытаться сломать существующее равновесие, не навязывать новый, еще более дорогостоящий и опасный тур гонки вооружений — вот что было бы проявлением подлинной государственной мудрости», — говорил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев.

Разоблачая домыслы о «советской угрозе», «советском военном превосходстве», Л. И. Брежнев сказал: «Военная угроза над США, как и над всеми другими странами мира, действительно нависла. Но ее источник — не Советский Союз, не его мифическое превосходство, а сама гонка вооружений, сохраняющаяся в мире напряженность. С этой подлинной, а не воображаемой угрозой мы готовы бороться — рука об руку с Америкой, с европейскими государствами, со всеми странами нашей планеты. Пытаться победить друг друга в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — это опасное безумие».

Как указывается в докладе Л. И. Брежнева, международная обстановка во многом зависит от политики СССР и США. «Опыт показывает, — говорится в докладе, — что решающее звено здесь — встречи на самом высоком уровне. Это было верным вчера и остается верным сегодня». Остается верным не только с нашей точки зрения. Не случайно американская газета «Крисчен сайенс монитор» писала: «Большинство экспертов во внешнеполитической области согласны в том, что отклонение администрацией Рейгана предложения Брежнева об американско-советской встрече в верхах будет, помимо всего остального, грубейшей ошибкой и в ее взаимоотношениях с общественностью».

Среди нескольких памятных мне зарубежных сувениров я храню один небольшой флажок. Он свидетель советско-американской встречи на высшем уровне, состоявшейся в Вашингтоне в 1973 году. Вместе с группой со-

ветских корреспондентов я освещал это историческое событие в нашей прессе и затем привез флажок в Москву.

Ситуация накануне Вашингтонской встречи была непростая. Во Вьетнаме полыхал огонь войны, бросая зловещие отблески на весь мир, а организаторы американской агрессии никак не хотели признать обреченность своей авантюры. В такой нездоровой атмосфере продолжала набирать скорость гонка вооружений, особенно ядерных, вместо развития международных контактов росла взаимная подозрительность. «Холодная война» все прочнее заковывала нашу Землю в свой ледяной панцирь.

И чем больше накалялась международная обстановка, тем яснее была крайняя, безотлагательная необходимость в советско-американской встрече на высшем уровне. И вот два руководителя двух самых могучих в мире стран, Л. И. Брежнев и Р. Никсон, сели за стол переговоров и достигли соглашения по многим проблемам. Начавшееся претворение этих решений в жизнь сделало разрядку международной напряженности одной из реальных движущих сил современности.

Да, это было веление времени — та встреча и ее итоги. Мы полностью отдавали себе отчет в том, с кем имели дело. Мы знали, что представлял из себя Никсон в течение всей его политической карьеры. Знали и о том, кто его тогда окружал. Но интересы нашего и американского народов, интересы всего человечества требовали принятия конкретных мер по обузданию гонки ядерных вооружений. На весах истории легла судьба мировой цивилизации. В этих условиях и американская сторона не могла не пойти на такую встречу.

Потом я много ездил по Соединенным Штатам, ездил по следам заключенных в 1973 году советско-американских соглашений. Жил под одной крышей с физиками обеих стран на крупнейшем в США ускорителе (гигантской научной установке), где они долгое время дружно работали вместе. Входил в прекрасный мир деятельного сотрудничества медиков в Национальном институте здоровья, где на базе огромного комплекса плечом к плечу работали советские и американские кардиологи, онкологи, специалисты по охране окружающей среды. В Калифорнии был свидетелем такого же тесного сотрудничества между учеными США и СССР, исследующими землетрясения. В Хьюстоне не раз убеждался, как ценили американцы совместную работу с нашими космонавтами. Из Лос-Анджелеса в 1977 году я писал об очередной сессии американо-советского торгового и экономического совета, в которой приняли участие четыреста пятьдесят ведущих американских бизнесменов, представлявших четверть валового национального продукта США.

Сотрудничество между нашими странами, взаимный интерес корнями своими уходят в далекую историю. Еще в XVIII веке «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о «филадельфийских опытах» Франклина, который был первым американским ученым, избранным в члены Петербургской Академии наук. Его опыты комментировал Ломоносов. А вот письмо из Америки в Россию от 1817 года: «Недавнее общее умиротворение представляет миру возможность заняться без помех науками и ремеслами, которые объединяют человечество. Огромный прогресс Вашей страны во всех областях науки указывает, что иностранная держава может стать для нас источником, из которого наш труд получит значительную помощь. Разрешите поэтому нам через Ваше посредничество начать объединять два полушария, общими усилиями способствовать развитию Науки, необходимость чего равным образом ощущается образованными людьми Вашей страны и нашими собственными учеными». И наконец, совсем современное свиде-

тельство: «Советские технологические новинки могут оказаться очень ценными для американских фирм». Это вывод подкомиссии американской палаты представителей, сделанный несколько лет назад.

Да, в каждом конкретном случае сотрудничество между СССР и США было выгодно обеим сторонам, не говоря уже о пользе, которую оно приносило делу мира. Журнал «Буллетин оф атомик сайентистс» писал: «Вклад советских ученых в совместное американо-советское предприятие оказался весьма значительным», а орган американских деловых кругов «Бизнес уик» в одном из своих номеров посвятил сорок две страницы нашей стране как торговому партнеру и американо-советским экономическим отношениям.

Кто не помнит, как потеплело на Земле после Вашингтонской встречи 1973 года! Переговоры Л. И. Брежнева с руководителями других стран еще больше развили и углубили разрядку. Вот ее знаменательные вехи — Париж, Дели, Бонн, Вена. В качестве корреспондента мне посчастливилось быть свидетелем этих эпохальных событий, и я видел, как каждое из них вселяло новые надежды в сердца людей. В 1973 году газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Теперь мы убеждаемся, что встречи в верхах действительно могут создать более безопасную и благоприятную международную обстановку... Переговоры продвинули не только Советский Союз и США, но и весь земной шар вперед в направлении обеспечения длительного и прочного мира». А в 1979 году в Вене были достойно завершены трудные многолетние дискуссии об очередной стадии ограничения стратегических вооружений — ОСВ-2. Тогда, во время подписания советско-американских документов, Л. И. Брежнев сказал, что вступление в силу этого договора открывало возможность начать выработку последующих мер не только по ограничению, но и по сокращению стратегических вооружений. Вот в каком направлении могло бы пойти дальнейшее развитие международной жизни!

В те дни я побывал в гостях у австрийских виноградарей. На фоне двух больших государственных флагов, советского и американского, они вывесили лозунг: «Пусть устремляются к небу виноградные лозы, а не ракеты». Но уже тогда раздавались и другие призывы, они были направлены против ОСВ-2. Прислушаемся к одному любопытному свидетельству: «Отказ сената ратифицировать Договор об ОСВ-2 нанес бы сокрушительный удар всеобщему миру, а другие страны стали бы видеть в нас не миролюбивую страну, а поджигателей войны». Это сказал президент США Картер еще до венской встречи. Сказал — как в воду глядел! И сам лично немало сделал для того, чтобы ухудшить американо-советские отношения. В докладе Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС отмечается, что прежняя администрация в Вашингтоне принялась разрушать то положительное, что с немалым трудом удалось создать в отношениях между СССР и США за предшествующие годы. В результате наши двусторонние связи по ряду направлений оказались отброшенными назад. Такое положение дел наносит ущерб и Соединенным Штатам и Советскому Союзу. Мы таким положением дел озабочены и поэтому первыми предложили новой американской администрации совместно обсудить важные проблемы, представляющие взаимный интерес. Если кто-либо объясняет этот шаг нашей слабостью, а не озабоченностью судьбами мира, тот глубоко заблуждается. Отказ Вашингтона от предложенного диалога может стать палкой о двух концах, и еще неизвестно, кому она сильнее ударит. Стоит вспомнить один совсем свежий урок. Небезызвестный Бжезинский, никогда к нам симпатии не питавший, признал, что одна из грубейших ошибок прошлой администрации заключалась в том, что за четыре года Картер лишь один раз «имел серьезные дискуссии стратегического характера» с Л. И. Брежневым.

Итак, диалог или конфронтация? Выдвинутые на XXVI съезде КПСС конкретные предложения по смягчению международной напряженности направлены на то, чтобы избавить мир от нависшей над ним военной угрозы, от опасного безумия. Во имя этой цели мы и выступаем за то, чтобы продолжить советско-американский диалог.

РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ

ХЛЕБ САМ НЕ РОДИТСЯ

Совсем скоро на наших полях загудят моторы, возвестят о начале сева. К нему механизаторы колхоза ныне подготовились особенно тщательно, — ведь все мы сейчас живем под впечатлением решений XXVI съезда КПСС, который поставил перед нами, работниками сельского хозяйства, новые ответственные задачи. С наименьшими затратами получать больше продукции — главное требование сегодняшнего дня.

В новую пятилетку наш колхоз вступил уверенно. Несмотря на ряд неблагоприятных лет, мы успешно справились с заданием десятой пятилетки по продаже зерна государству. Сев и уборка у нас теперь проходят в оптимальные сроки — это подспорье урожаю. Помогла новая организация труда. В колхозе несколько лет назад по примеру ипатовцев появились посевные и уборочные комплексы. Они дали возможность маневрировать техникой, быстрее проводить полевые работы. Организовали мы также и звено мастеров-наладчиков.

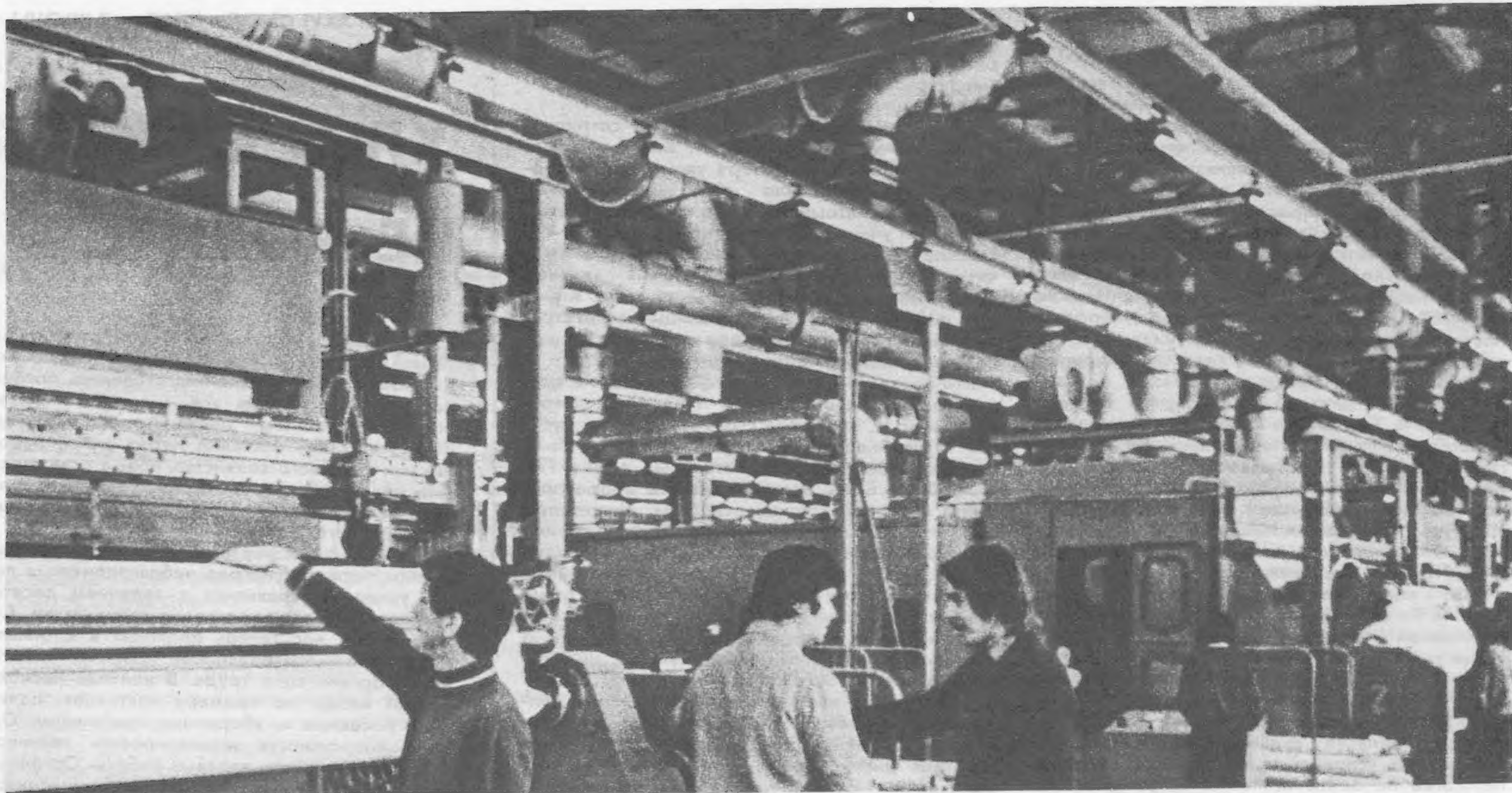
Трудно приживалось новшество, но зато теперь все видят его выгоды. На своих полях мы ведем постоянные испытания новых сортов. Те, которые оправдали себя в наших условиях, сразу идут в производство. Такой поиск тоже дал весомую прибавку.

Если в полеводстве у нас есть определенные достижения, то в животноводстве резервов гораздо больше. В первую очередь надо добиться высоких надоев и привесов. Причину отставания этой отрасли видим — пока еще слаба кормовая база. Но уже сделаны первые шаги к ее укреплению. Закупили дождевальную установку. На площади в триста с лишним гектаров, отведенной под многолетние травы и кукурузу, организовали полив. Урожайность на этом массиве резко поднялась, но, увы, орошаемых площадей пока недостаточно. К тому же не хватает воды на имеющиеся дождевальные установки. Колхозные специалисты обратились в один из проектных институтов Новосибирска. Там пошли навстречу. Буквально на днях получали документацию на строительство небольшого водохранилища. Как только оно вступит в строй, орошаемые площади расширим до тысячи гектаров. А это значит, создадим надежный запас сена и силоса. В конечном итоге на фермах будем получать больше молока и мяса.

Но никакие новшества, никакая самая современная техника не смогут в крестьянстве заменить главного, значащего — хозяйского отношения к земле и к делу. У нас есть немало тружеников, которых с полным правом можно назвать гордостью колхоза. И молодежи у нас в селе остается много: механизаторов в возрасте до тридцати лет более половины. Ребята все грамотные, хорошо знают технику, умеют работать. Но вот тревожит, что иногда они равнодушно проходят мимо бесхозяйственности. И об этом нам, руководителям колхоза, партийной организации тоже надо всерьез думать, думать так же ответственно, как и над решением хозяйственных задач. Не может быть разницы между этими вопросами, потому что они единое целое. Человек с высокой ответственностью, грамотный, толковый специалист, умеющий использовать в своей работе все новое и передовое, — вот каким, по моему мнению, должен быть сегодня труженик села. Его надо воспитывать постоянно, уметь — как и растить хлеб. Именно к этому обязывают нас решения партийного съезда. Мы приложим все силы, чтобы их выполнить.

Н. ШИШКИН,
председатель колхоза имени Куйбышева,
Сузунского района, Новосибирской области

НФРОНТАЦИЯ?

В одном из цехов Сыктывкарской фабрики нетканых материалов.

НАКАЗАНИЕ... ЗА УСПЕХ

Георгий РОЗОВ
Фото автора

Химическая индустрия столь обильно одаривает нас своими плодами, что мы подчас им уже и не рады. Мы стараемся не покупать нейлоновые рубашки и тоскуем о старом, добром хлопке. А он между тем идет на технические нужды — на изоляционные материалы, искусственную кожу, клеенки, переплеты книг... Но нельзя ли использовать синтетику там, где редкостные гигиенические свойства хлопка необязательны, а из сэкономленного таким образом натурального сырья шить рубашки, простыни, вязать носки и чулки? Оказывается, можно.

В Сыктывкаре досрочно достигла проектной мощности первая в Советском Союзе фабрика нетканых материалов. В ласковом просторечии и фабрику и ее продукцию зовут «нетканкой». Делается нетканка довольно просто: лавсан и вискоза загружаются в бункер машины, перемешиваются, расчесываются, ровненько раскладываются на широкой резиновой ленте и поливаются специальной клеящей эмульсией. Остается только высушить массу и намотать,

совсем как бумагу, на барабан. Теперь этот заменитель хлопчатобумажной ткани можно использовать в качестве основы для выработки искусственных кож, клеенок, для замены многих видов марлевых повязок в медицинских учреждениях.

У нетканки перед хлопком есть одно важное преимущество: она чуть не втрое дешевле. Проектная мощность Сыктывкарской фабрики — сто миллионов квадратных метров в год. А работает здесь только тысяча сорок человек. На хлопчатобумажных комбинатах при той же приблизительно мощности заняты обычно чуть ли не в полтора десятка раз больше. Производство нетканки сберегает не только дефицитное натуральное сырье, оно позволяет экономить и трудовые ресурсы. Вот почему XXVI съезд принял программу увеличения производства нетканых материалов.

Однако это все в будущем, хотя и недалеко. А Сыктывкарская фабрика уже дает нетканку, и притом больше, чем от нее ожидали. Первую очередь фабрики сдали в декабре 1979 года. В строительстве здания, монтаже и наладке оборудования участвовали сами рабочие. Многие из них до того были машинистами бумагоделательных машин на Сыктывкарском лесопромышленном комплексе. Я уже упоминал о сходстве технологии производства бумаги и нетканки.

Опытным бумажникам несложно было осваивать новое оборудование, и к моменту, когда государственная комиссия подписывала акт о приемке второй очереди, там уже вовсю работали три агрегата. На освоение проектной мощности новой фабрики давалось пятнадцать месяцев, но молодой коллектив совершил чудо — он сделал это на семь месяцев раньше.

— Ко дню открытия XXVI съезда КПСС работники нашего предприятия обязались дать семьсот пятьдесят тысяч метров нетканки сверх плана, но сумели сделать вдвое больше, — рассказал мне заместитель главного инженера фабрики Валерий Иванович Корякин. — Достигнув таких темпов, мы обратились в Минлегпром СССР с просьбой увеличить нам плановое задание с шестидесяти двух миллионов до семидесяти трех миллионов метров. План нам увеличили, а материальное обеспечение дали только на шестьдесят семь миллионов метров. Но без сырья как прикажете работать? Падает зарплата, растёт текучесть кадров.

Вот такую противоречивую картину нарисовал Валерий Иванович Корякин. Мне очень хотелось встретиться с директором фабрики Владимиром Ивановичем Липатниковым, но его не было в Сыктывкаре. Он пытается, правда, пока без особого успеха, утрясти неурядицы, возникшие из-за досрочного освоения проектной мощно-

сти. Кстати, беды нетканки не исчерпываются только несоответствием плана и его материальным обеспечением. Потребители тоже не готовы принять свалившиеся с неба сверхплановые миллионы метров нетканки. Главный ее покупатель, московское производственное объединение «Союзискож», берет шестьдесят два миллиона метров, но определенной ширины. Остается широкая кромка, годная для текстильно-галантерейной, трикотажной промышленности и для полиграфии. К середине февраля на складах фабрики скопилось шесть миллионов квадратных метров этой кромки.

— Еще две-три недели такой работы, и склады будут доверху забиты, а пожарная охрана закроет фабрику, — подытоживает наш разговор Валерий Иванович Корякин.

История освоения производственных мощностей на Сыктывкарской фабрике нетканых материалов необычна. Мы привыкли радоваться досрочному вводу в строй новых фабрик и заводов. Надо полагать, что «лишние» миллионы метров нетканки не станут обузой для нашей страны, если Министерство легкой промышленности оперативно вмешается в сыктывкарские неурядицы. Коллектив фабрики нетканых материалов сделал доброе дело и в то же время сам себя наказал за хорошую работу. Но ведь при нормальном течении дел за добро не наказывают!

БЕЗ РОМАНТИКИ

С. КАЛИНИЧЕВ

Та новогодняя ночь навсегда осталась у него в памяти. С телевизора еще смотрел циферблат часов Спасской башни, еще не замер отзвук двенадцатого удара, когда в дверь энергично постучали... Пришлось оставить недопитый бокал.

Вообще-то говоря, сельский врач никогда не чувствует себя свободным от работы. Его зовут в любой день, в любое время суток. Болезнь, несчастный случай, смерть, роды — они не отличают будни от праздников и день от ночи. А сельскому врачу сдать дежурство некому...

Через несколько минут Петр Лаврентьевич в праздничном костюме был уже в больнице. Он не заметил, где сбросил пальто, кто подал ему халат... Фельдшер склонилась над мальчиком лет шести, который — вот это он увидел и понял сразу — умирал. Он был, как говорят врачи, в предагональном состоянии.

— Шприц!

— Готов, — ответили ему.

— В область звонили?

— Пытаемся связаться.

Но если бы специалист из областного центра вылетел даже на ракете, он не мог успеть. Потому что между жизнью и смертью оставались считанные минуты. Еще Петр Лаврентьевич запомнил пепельно-серые лица родителей ребенка. Они все понимали и бесцветными шелестящими голосами повторяли:

— Что угодно... Если есть хоть какая-то надежда — поступайте, как знаете.

Об этой ночи можно написать много. Вначале он делал все, чтобы хоть на несколько минут отсрочить роковую развязку, чтобы выиграть время для каких-то действий, для обдумывания нового шага. Где-то шел «Голубой огонек», лилось вино и застольные песни... Через час ребенок был еще жив. Через два — был еще жив... А к пяти часам утра, когда прилетел вертолет с целой бригадой специалистов, жизнь ребенка была вне опасности.

Петр Лаврентьевич Ящук еще молодой врач — восемь лет назад он окончил институт, работал в Ровенской области, а потом обстоятельства заставили перебраться в Васильковский район на Киевщине. Вот уже четыре года он заведует тут Калиновской врачебной амбулаторией.

Это солидный участок — Кожуховка, Даниловка, Багрин... В общем, семь населенных пунктов, если считать и хутор Хлепча. И населения тут почти одиннадцать тысяч человек.

...Бывают случаи, когда вопросы не менее красноречивы, нежели ответы. Так вот, почувствовав, что

меня заинтересовали подробности той новогодней ночи, Петр Лаврентьевич пожал плечами:

— Случай с Алешей не характерен. Главная моя работа не в этом. В принципе я не лечу тяжелых больных. Даже инфарктников мы тут же отправляем в районную больницу. Я главврач сельской амбулатории. В селах у меня есть фельдшерско-акушерские пункты — ФАПы. А в самой амбулатории ежедневно ведут прием два терапевта, детский врач, стоматолог, по определенным дням недели из района приезжают и проводят прием другие специалисты.

— А вам остается только руководить? — спросил я.

Он грустно улыбнулся. У него очень симпатичная, застенчивая улыбка. А когда стесняется богатый баскетбольного роста — это впечатляет... Оказывается, один из двух терапевтов — это он сам. И у него каждый день 20—30, а то и больше больных на приеме, а потом 5—6 вызовов.

— В разгар эпидемии гриппа, когда слег мой второй терапевт, приходилось принимать до семидесяти человек в день. Но и это не главное. Основа всей нашей работы — профилактика. Есть четкий график... Приходит, скажем, срок обследования рабочих птицефабрики или животноводов совхоза — заранее отбираем анализы, приезжает из района рентгеновская установка... А потом целая группа врачей осматривает каждого. Выявили, скажем, раннюю стадию диабета, или гипертонии, или язвенной болезни... Тут же назначаем курс лечения, кладем в районную больницу. А потом совхоз, а в других местах — колхоз покупает человеку путевку в Трускавец, Хмельник, Минводы... В общем, куда надо. Это почти правило.

Но хоть основой своей работы он назвал профилактику, мне это, каюсь, показалось делом скучным. Хотелось услышать драматические случаи борьбы за жизнь

человека, когда сельский врач в пургу и бездорожье спешит на помощь... Петр Лаврентьевич (он даже сидя был на голову выше меня) посмотрел осуждающе.

— Драматизма хватает. Я тут одного парня спасал. Двадцать шесть лет ему. Панкреатит на почве алкоголя. В районе дважды оперировали. Все равно пьет. И я вижу, что он обречен. Кому нужен этот драматизм? А что касается методов лечения, то, как говорится, стараемся не отставать от столиц. Научились успешно лечить язвенную болезнь — только в редких случаях отправляем человека на операцию. У нас сведения почти на нет детская смертность. Она значительно ниже, чем, скажем, в Киеве...

Выполняя поставленную партией задачу улучшения медицинского обслуживания сельских тружеников, на Украине пошли по линии всемерного укрепления районного звена. Райбольница стала основной базой, на которую ориентируется сельский врач: отсюда он получает необходимые консультации, отсюда регулярно выезжают врачи узкого профиля для приема больных на местах, здесь же, в районе, госпитализируются практически все, кто нуждается в стационарном лечении.

В Васильковской центральной районной больнице, которой руководит заслуженный врач республики В. П. Полунеев, есть врачи двадцати шести узких специальностей. Здесь, на месте, проводят любые биохимические анализы, хорошо поставлена рентгенодиагностика и функциональная диагностика, пять прекрасно оборудованных операционных залов, где круглосуточно дежурят опытные хирурги и анестезиологи. Владимир Петрович, который очень многое сделал для организации образцового медицинского обслуживания в районе, назвал мне две убедительные цифры:

— В начале десятой пятилетки мы около двух с половиной процентов больных, которые впервые обращались к нам за помощью, отправляли в областную больницу. А вот в прошлом году этот процент уменьшился до одной сотой доли.

И это понятно. Скажем, акушер-гинеколог родильного отделения Мария Васильевна Даныко не так давно защитила кандидатскую диссертацию. В основу научной работы положен, естественно, многолетний опыт Марии Васильевны и коллектива отделения. Защитила диссертацию и Тамара Алексеевна Белецкая — заведующая клинической лабораторией, и тоже на местном опыте. Честно говоря, некоторым городам в пору бы присылать своих представителей для консультаций в эту районную больницу.

Стройная система медицинского обслуживания в районе с населением 125 тысяч человек включает стационары на 1125 коек, станцию «Скорой помощи», пять врачебных амбулаторий, 32 фельдшерско-акушерских пункта. Но поскольку главный упор делается на профилактику, то и ФАП

не последнее звено в системе. За каждым фельдшером или медсестрой закреплен участок — хутор, улица, часть улицы.

Под особенным наблюдением дети. Скажем, на участке Николая Александровича Петриченко — он работает в селе Кодаки — полторы тысячи детей. И за восемь лет лишь один смертный случай, да и то ребенок родился с пороком сердца, который устранить было невозможно. На участке Владимира Васильевича Шаповала последний случай смерти ребенка был четыре года назад. А участок немалый, около шести тысяч населения, да и самая глубинка — 50 километров от райцентра. Так что драматизм, которого так жаждут пишущие, не хотят признавать лечащие.

Конечно, есть специфика в работе сельского врача.

— Хочу я или не хочу того, но должен знать азы нескольких врачебных специальностей, — говорил мне В. В. Шаповал. — Прибегает человек с инородным телом в глазу — берешься и извлекаешь. Если, конечно, не требуется серьезное хирургическое вмешательство. Или был у меня случай — человеку икроножную мышцу плугом распорол... Чуть ли не пополам. Но кость цела. И хотя я терапевт, а не хирург — чего время зря терять? Положил на стол, обработал, зашил... И сейчас бежит.

Конечно, это не город, где в поликлинике за каждой дверью разные специалисты сидят. Если со всякой мелочью станешь посылать или даже возить людей в район — потеряешь доверие как врач. Петр Лаврентьевич Ящук так и сказал:

— Если больному уже от одного разговора с тобой не становится легче, можешь снимать халат.

Специфика села и в значительных расстояниях. Но в районе больше сорока медицинских автомашин. Так что доставить человека из любой точки в райбольницу — это в пределах часа.

— А поскольку тут практически могут оказать любую помощь и на самом современном уровне, — сказал мне Петр Лаврентьевич, — то я, работая в селе, ощущаю за своей спиной всю мощь нашей медицины.

Эта уверенность во всемогуществе своей районной больницы заставила П. Л. Ящука начать в прошлом году строительство подстанции «Скорой помощи» рядом с амбулаторией.

— Вот когда был драматизм, — смеется Петр Лаврентьевич. — Средства нам отпустили, но где найти строителей, материалы, транспорт и многое другое?.. За лето я похудел на десять кило. Но подстанцию, считай, построили — этой весной сдадим ее комиссии.

Таков он — современный сельский врач, который, с одной стороны, сумел сохранить лучшие черты своего земского предтечи — близость к больному, универсальность навыков, а с другой — приобрел весь арсенал совершенных средств нынешней медицины.

ВИТАЛИЙ ГОРЯЕВ

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Виталий Николаевич Горяев, открывая дверь своей мастерской, слегка пригнулся — привычное движение рослого человека, хотя притолока достаточно высока. Он сед и даже бел, как лунь, с «хемингуэвской» бородой, в обрамлении которой лицо его кажется как бы шире и суровее. Но суровость снимается пристальным взглядом светлых серо-голубых глаз, ясностью своей почти детских.

Родился 1 апреля 1910 года. Значит, сейчас — немногим более семидесяти лет. Жизнь, в которую вошли Октябрьская революция, Великая Отечественная война. Это поколение, называемое людьми тридцатых годов, — отцы нынешних молодых. Хотя молодость — понятие относительное. Как и вообще возраст.

Крупный, с той внутренней статью, что дается только от природы, Горяев наружностью своей внушает, ну, скажем, почтение. Представляется, что должен быть неспешен его говор, движения плавны, выверены и сам он уравновешен, несуетен.

Но тут видишь работы...

Как бы одной линией схвачены человеческие фигуры. Мгновенный росчерк, а выявлено самое характерное. Сущностное. Остальное додумывается, досочиняется зрителем. Легко и с удовольствием. Как в игре, как в театре, к условностям которого приучен.

Оставленное нетронутым пространство белого листа — тоже прием. Границ нет. Они разомкнуты: воображайте, додумывайте дальше. Но власть художника проявляется в том, что он направляет взгляд зрителя, ведет его именно туда, куда задумал. Зрительское восприятие раскрепощено, но организовано авторской волей.

Линия по легкости напоминает паутину — почти неощутимое касание бумаги. Но паутину такую не порвать. В ней прочность, как в гибкой виноградной лозе. При внешней хрупкости — жилистость, мускулистость.

И еще, пожалуй, одна из важнейших примет этих работ: их ритмичность. И ритм тут особенный, тугой, пульсирующий. Рисунок как бы распирается бурлящим в нем движением: женщина присела на скамейку, но вот, кажется, сейчас, на глазах она встанет, стремительно обернется — жизнь ни на мгновение не замирает, а длится, длится... И движет ею художником услышанный ритм.

Ритмическая основа, собственно говоря, присутствует в каждом подлинном произведении искусства: она насыщает его, как кровеносные сосуды питают человеческий организм. Но если в музыке, в поэзии ритм рождается в развитии, то в изобразительном искусстве он — данность, заключенная в формы гармонической целостности, в найденной соразмерности.

Узколицая девушка с прямой темной челкой глядит прямо на нас, и вместе с тем взгляд ее невидим, отрешен. Раздумье юности — так можно было бы назвать эту работу. Угловатые плечи, руки с длинными пальцами; она сидит, опершись локтями о стол, прижав к щекам ладони, а в лице — сосредоточенность и растерянность, слышится как бы вопросительная интонация: будущее — что принесет оно?

Позади девушки твердые чистые листы ватмана. Начало жизни, как белый лист бумаги, — может, такую метафору предлагает нам художник? Но поразительно, какими скупыми средствами, как точно поймал он то состояние, когда углубленность, погруженность в себя сочетается с чутким, настороженным вслушиванием в жизнь, столь характерным для юности.

Горяев в цветовых решениях своих картин бывает контрастен, гротесков, порой даже плакатен, но эту свою вещь он строит на глубоких земляных тонах, усиливающих трепетность звучания темы — формирования, постепенного раскрытия человеческой личности.

Ребенок проснулся в своей кровати. Рука откинута, доверчиво протянута ладошка, волосы встопырены, одеяло смято, но из этих разбросанных линий прорастает стройная, завершенная композиция: мир ребенка — хрупкий, светлый и требующий величайшей осторожности.

Портрет матери. Фигура пожилой женщины кажется совсем хрупкой в соприкосновении с дымчато-серой глыбой: жизнь, судьба давит на женские плечи? А может, как раз опора-то именно в женщине, и это на ее плечах держится груз жизни, судьбы? Да, трудная у нее ноша. Что пришлось пережить? Фон картины позволяет угадать трагическое; горячий красный цвет вливается в льдистую, колкую голубизну и растекается темным пятном. Скорбит излом бровей, горестно сомкнуты губы, руки сцеплены. И все же как мужественна эта женщина, мать, с какой мудростью осознает она ту тяжесть, что призвана была нести.

...Две женщины сидят на диване, обнявшись, склонившись головами друг к другу. Черты лица размыты, по сути, и нет никаких черт, но ясно, что одна из них утешает, а другая горестно жалуется, и это состояние, настроение, индивидуальность каждой прорастают из сплетения упругих плавных линий, образующих как бы клубок — мягкий, женственный, укромно-интимный. Овальная спинка дивана незаметно, тягуче переплавляется в покатые женские плечи, и дальше нить спус-

кается к руке, к бедру, к округлому колену уже другой женщины, пропадает за пределами листа — и там длится, там живет, там дышит.

Легко, почти небрежно — и абсолютно взвешено, продумано. Линия — как обнаженный нерв. Минимум средств, но нетронутое пространство белого листа насыщено электрическими зарядами... Вот чем объединяются эти работы — и тематически разрозненные, и выстроенные в циклы — состоянием неудовлетворенного, нетерпеливого поиска. Автор их, безусловно, человек молодой. Он молод своим воображением, беспощадностью к самому себе, игрой, которая захватывает его целиком и которой он увлекает своих зрителей.

...Виталий Николаевич Горяев приехал в Москву из Читы девятнадцати лет от роду. С направлением в МВТУ от газеты «Забайкальский рабочий» как «свой кадр». До этого писал стихи, работал в цирке Сальвини, летал в четверке воздушных гимнастов под куполом, путешествовал на плотах по Селенге, ходил по тайге, по сопкам, делал стенные газеты метров по десять — двенадцать длиной. Учился в читинском бывшем реальном училище, являлся членом местной ассоциации пролетарских писателей.

Что это были за годы! Первым человеком, которого юный Горяев встретил в московской писательской организации, придя туда с тетрадкой стихов читинских поэтов, оказался Маяковский.

А в среде живописцев возвышался, как глыба, Дейнека.

Наивное, конечно, удивление, но представьте, какие гиганты ходили тогда по Москве, запросто, среди всех прочих! Хотя без такого удивления нет, думается, истинной связи между поколениями: на нечто и основывается интерес, уважение детей к отцам. К их времени, их трудностям, их славе.

Дух времени, его стиль, как ни в ком другом, пожалуй, воплотились в личностях замечательного художника и замечательного поэта. Удача, что Горяев соприкоснулся и с тем и с другим. Хотя кто из его сверстников не испытал в той или иной мере их влияния!

Он поступил в Высший художественно-технический институт — ВХУТЕИН. В дни Октябрьских праздников во дворе дома номер двадцать один по Кировской улице собирались студенты-художники со своими профессорами, среди которых — Фаворский, Истомин, Куприянов... Это врзалось всегда — восторги молодой, начинающейся только жизни. Например, как с трудом вытаскивали из подворотни «гидру капитализма» — растягивающегося, наподобие гирлянды, бумажного змея — и несли его в толпе демонстрантов, гордые, что и «гидру» эту и плакаты, транспаранты сами делали, сами придумывали — вечерами, ночами, когда вовсе не хотелось спать.

В том возрасте в то время успевалось и жадно впитывалось много разнообразного, разнородного, что после должно было рассортироваться: что-то отместись, а что-то осесть. И если представлялась возможность побывать на репетициях Мейерхольда — как было не воспользоваться?

А репетировалась пьеса Юрия Олеши «Список благодетелей».

Не мог знать тогда молодой художник, что будет иллюстрировать книги Олеши, но атмосфера мейерхольдовского театра, почти акробатическая отточенность движений актеров, присутствие автора, Юрия Карловича, вслушивающегося в свой текст, каждая строка которого настолько выверена, что может быть пропета, — это все впоследствии переросло обычные воспоминания и воплотилось в творчестве Горяева.

И не только в его иллюстрациях к «Трем толстякам» Олеши, где пылают красный, оранжевый — цвета цирковой рампы.

Чуть позже случилась поездка на агитпароходе «Пропагандист» с бригадой поэтов, актеров, художников. Как говорится, при всем честном народе выпускали сатирические плакаты, рисовали карикатуры, что требовало от создателей молниеносной реакции, мгновенной ориентации в обстоятельствах, ситуациях — непростых, небезопасных, небезболезненных.

Тут была школа, приведшая Горяева в «Крокодил», руководимый тогда Михаилом Кольцовым.

Во время войны художник сотрудничал в «Окнах ТАСС», потом в журнале «Фронтовой юмор». Пятьдесят два номера этого журнала были выпущены при участии Горяева. Он дошел до Кенигсберга. Настала Победа.

Виталий Николаевич вернулся к работе в «Крокодиле».

Итак, достигнув уже сравнительно зрелых лет, он занимался в своей профессии в основном насущными проблемами дня сегодняшнего. Как плакатист, как художник-карикатурист получил известность. Но, верно, тогда уже в нем подспудно вызревало и нечто другое — и не просто вызревало, а воспитывалось, вынашивалось самим мастером.

Творческая жизнь всегда сопровождается ощущением неудовлетворенности, которое иных размагничивает, иных подстегивает. «Мастерство — неизменное ощущение неумения, отчаяние от чувства наплыва мыслей и незнание (еще!) как их выразить», — писал кинорежиссер Козинцев в своих «Рабочих тетрадях».

Виталий Горяев, работая для журналов, издательств и будучи, казалось, постоянно этим задействован, главные, сокровенные силы свои тратил на живопись, на портреты, писание натуры.

Он открывал заново многое и самого себя тоже. Ходил по лесу, глядел на дерево ранней весной. Все ветви пока были голы, но уже угадывалось, какая расцветет, а какая останется сухой, ибо в самом изгибе проступало живое, жизнь. Художник изгиб изучал, чуял линию.

Напряженная, отточенная линия теперешних его работ, наверно, оттуда, из тогдашних мечтаний, раздумий, поисков...

В. Горяев. Род. 1910. МАТЬ. 1965.

В. Горяев. ЧИСТИТ КАРТОШКУ. 1969.

БОЛЬНОЙ СЕРЕЖА. 1964.

Он решил выйти к Гоголю.

Писателя «прочитывали» еще художники-современники: Агин, Боклевский, создавшие галерею гоголевских типов. Они рисовали почти с натуры, черпая материал из самой действительности. Вот, скажем, человек, весьма похожий на Чичикова, и переодевать его даже не надо, точь-в-точь! Художники шли по горячим следам: с момента выхода поэмы даже мода в одежде не претерпела особых перемен.

Но ведь сам Гоголь не конкретное лицо в своих произведениях выводил, а тип, категорию. Какой был Чичиков — толстый или тонкий? Толстый! — читатель откликается мгновенно, в его сознании закрепился точный образ. И Гоголем что сказано? Что коляска под Чичиковым оседает...

Не внешние, значит, это приметы, а характерность повадок, действий, реакций в тех или иных обстоятельствах. Художнику предстояло все досконально проанализировать, осмыслить, взвесить, а после копнуть воображение. Не так ли сам Гоголь создавал?

И теперь, открывая томик великого писателя с иллюстрациями Горяева, мы видим: две дамы столь оживлены, что забыли о приличиях — их распирает новость, которой они спешат поделиться с унылым чиновным лицом. Все трое как бы охвачены вихрем сплетни, сладостью ожидаемого скандала. Они жалки, безобразны и совершенно не способны увидеть себя со стороны.

Мы видим: чуть ли не вровень с Адмиралтейским шпилем выросла фигура солдата-инвалида, того самого капитана Копейкина, чей призрак бродит по чинно-сонному Петербургу. Стук его деревянной ноги зловец. Пугает, будит. Но все равно не добудится инвалид до совести своих гонителей.

«Нет сомнения, — написал Ираклий Андроников, — что «Петербургские повести» Гоголя с иллюстрациями Виталия Горяева принадлежат к высшим достижениям мировой книжной графики. Это больше, чем иллюстрации. Это — новое высокое постижение величайших созданий литературы, притом все разных, ибо «Нос», «Портрет», «Невский проспект», «Шинель» — это каждый раз новый, еще небывалый стиль, каждый раз другой Гоголь. Рисунки Горяева с поразительной экспрессией передают время, пространство, движение. Иной раз они кажутся импровизацией, но всмотришься — поражают счастливо найденная подробность, продуманность самонаименованного штриха».

То же можно сказать о более поздней работе художника, об иллюстрациях к «Мертвым душам».

А вот, даже не читая надписи под холстом, слышно: Достоевский.

Настасья Филипповна. Руки сложены крест-накрест, а спина не просто прямая — выгнутая. Точно оттуда, с тыла, приставлен к ее затылку пистолет или лезвие ножа холодит шею. Но она, Настасья Филипповна, улыбается с вызовом, угрозами ее не застрашать. Она выжидает. Опасность для нее — игра.

— Люблю женщин Достоевского, — говорит Виталий Николаевич Горяев. — Они только кажутся разрушительницами, а на самом деле всегда знают, чувствуют свой долг — несмотря ни на что продолжать жизнь. Это в них глубинное — то же, что в самой природе. Вот ведь ничего с природой поделать нельзя — она возрождается, прорастает повсюду...

Настасья Филипповна на картине Горяева изображена в напряженной неподвижности: всю ее фигуру точно пронзает ось, прочерченная от еле заметного пробора в прическе к переносице, к ложбинке в вырезе платья. Она акцентирована уже нарочито в перекрестье рук, продолжена в скольжении складок платья. Конструкция ясна, почти схематична. Весь холст как бы охвачен пламенем — яркий пылающий цвет охватил левую сторону полотна, платье Настасьи Филипповны, часть ее тела, голову, и в этом — внутреннее движение, динамическая насыщенность созданной художником работы.

На расспросы по поводу той или иной картины, рисунка Горяев, прежде чем ответить, медлит, и тон его не совсем уверен. Может, он не хочет навязывания, а может, сам инстинктивно противится словесному объяснению своей художнической задачи. И правильно. В искусстве бывает важнее задать вопрос, а ответ пусть каждый ищет самостоятельно. В таком мучительном поиске и обнаруживается сила воздействия на нас художественного произведения.

Да и не дело автора — сопровождать разъяснениями свое создание. Хотя нам, читателям, зрителям, и хотелось бы их услышать.

— Можно иной раз самого себя «передумать», — улыбается Горяев. — А можно поставить себя в такие обстоятельства, что вынужден успевать за жизнью, познавать, разгадывать ее, и тогда рождаются как бы подсознательные импульсы, куда более важные для творчества, чем трезвая заданность.

В связи с этим художник ценит свою журналистскую деятельность, дающую возможность много ездить, много видеть. Много работ создано по впечатлениям от зарубежных поездок. Листы из серии «Американцы у себя дома» делались в основном на перекрестках улиц. Для самого художника тут была программа — стоять на перекрестке людского движения, потока, захлестывающего и его. Из фиксаций сиюминутного возникал обобщенный образ страны, народа. А после новый процесс — кристаллизация индивидуального из общего: Драйзер, Фолкнер, О'Генри, Марк Твен, к произведениям которых он делал иллюстрации.

Несмотря на опасность «передумать» самого себя, художник в наше время обязан много знать, быть человеком осведомленным и образованным: невежество, давно известно, никому не оказывало услуг. А нынче, в наш век, и подавно. Такая стоит позади громада великого, гениального. Повторить — и пытаться нечего. Но открытия — да, все еще происходят и будут происходить. В сплаве сегодняшнего и далекого прошлого и минувшего не так давно, из знаний и из прозрений является и будет являться новое качество.

Личность — вот гарантия неубывающей новизны. В жизни, в искусстве.

Совершенствовать продажу товаров по методу самообслуживания, предварительным заказам по месту работы и жительства...

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

ВЫ СДЕЛАЛИ ЗАКАЗ...

Н. П. ТРЕГУБОВ,
начальник Главторга
Мосгорисполкома, депутат
Верховного Совета РСФСР,
делегат XXVI съезда КПСС

Полнее удовлетворять растущие покупательские запросы, повышать культуру торговли, сокращать время, которое затрачивается на покупку, — стоящие перед работниками московской торговли задачи в общем-то неизменны. Но при этой своей стабильности, при постоянности вопросов пути решения их в разное время не одинаковы; жизнь вносит что-то новое или что-то отвергает. И мы стремимся к тому, чтобы возможно шире и основательнее подходить ко всем проблемам, отдавая предпочтение наиболее современным, прогрессивным направлениям. Для развития торговли в последние годы немало сделано, появились магазины, которые удобнее прежних. Больше стало крупных универсамов. Три из них — в Олимпийской деревне, в Зеленограде и Марьино — открылись буквально в канун XXVI съезда партии. Мы считаем, что универсамы надо строить в первую очередь в новых районах массового жилищного строительства.

За годы десятой пятилетки столица получила 518 новых предприятий торговли. Но все же этого мало. И если я скажу, что уровень торгового обслуживания пока отстает от уровня требований населения, то едва ли открою секрет. Однако наряду со строительством новых магазинов мы все больше внимания уделяем расширению такой формы обслуживания, как

торговля продовольственными товарами по заказам. Достоинства ее очевидны: покупателю нет необходимости ходить по магазинам.

В годы прошедшей пятилетки на заводах и фабриках, на стройках и в учреждениях Москвы работало несколько сот отделов и столов заказов. Практика их работы подтвердила преимущества такой организации дела и в то же время помогла выявить некоторые его недостатки. Теперь есть материал для глубокого, тщательного анализа и улучшения работы. Мы можем сказать, что выполнение в прошлом году 33 миллионов заказов дало неплохой опыт, позволяющий активнее и продуманнее организовать этот вид торговли. А в том, что он будет энергично развиваться, нет сомнений. Основное достоинство заказов: они заметно экономят время покупателя.

Сейчас в столице открыты 42 специализированных магазина «Заказы», 1550 отделов и столов заказов. Более тысячи из них работают непосредственно на предприятиях, стройках, в учреждениях. Отмечаю это особо, потому что мы считаем: расположенный в непосредственной близости к месту работы покупателя отдел заказов наиболее эффективен. Поэтому-то вопрос стоит так: отдел заказов на заводе или фабрике — это своего рода филиал продовольственного магазина. Строго говоря, реализация такой программы уже начата. На Бородинском валу по инициативе Куйбышевского райкома партии открыт первый крупный магазин фирмы «Заказы» — в рамках столичного торгового «Гастронома». Понятно, что основная забота этого торгового предприятия — обслуживание рабочих и служащих Куйбышевского района. Магазин этот уже вышел, как принято говорить, на проектную «отметку» и за день выполняет до шести тысяч заказов. Техника дела в принципе проста: заказы комплектуются в магазине, загружаются в автомобиль и отправляются на стройку, на тот или иной завод, в учреждение. Закончил смену рабочий, его уже ждет готовый заказ... А в это время диспетчерская служба фирмы принимает очередные заявки, согласовывает ассортимент. Есть и отдел, в котором жители микрорайона могут сделать и быстро получить срочный заказ.

Московский горком КПСС и исполком Моссовета внимательно рассматривают вопросы, решение которых позволит значительно расширить прием заказов на про-

довольственные товары и кулинарные изделия, поставить все это дело на качественно иной, более высокий уровень. Определены конкретные, очерченные строгими сроками мероприятия. Не буду перечислять весь их комплекс, скажу лишь, что к концу пятилетки будет выполняться не менее девяносто миллионов заказов в год. Уже в этом году предстоит в полтора раза увеличить продажу продуктов по заказам.

Стремятся внести свой вклад в это не только работники продовольственной торговли. Магазины Управления торговли промышленными товарами, в которых есть продовольственные отделы, тоже приступили к этой важной работе и в 1985 году выполнят два с половиной миллиона заказов. Если наметки будут превзойдены, едва ли кто станет возражать. Более того, Главторг всячески станет поощрять инициативу и настойчивость работников магазинов и отделов.

Хорошо зарекомендовали себя отделы заказов, организованные универсамом «Ленинград» на фабрике имени Петра Алексеева, в институте «Гидропроект». Основательно, с заглядом вперед, с перспективой работают отделы заказов крупных гастрономов, расположенных на площадях Смоленской и Восстания. Вот строка из письма, полученного дирекцией гастронома № 2 от одного из коллективных заказчиков: «Благодарим за отличную организацию выдачи заказов». Я упомянул об этом потому, что именно организация дела, его четкость, обязательность и профессионализм сотрудников магазинов могут в заметной степени обеспечить успех. Вовремя принять заказ и в назначенное время привезти его — непременные слагаемые культуры обслуживания.

Есть свои успехи и у коллективов универсамов, прежде всего таких, как №№ 3, 5, 28. Здесь обеспечен достаточно широкий выбор продуктов, уделяется особое внимание их качеству, четко организован прием заказов. Доставляются они в определенное время.

Творчески, прилагая немало старания, трудятся комплектовщица заказов магазина № 47 Черемушкинского райпищеторга Л. И. Данилина, приемщица заказов Перовского объединения универсамов З. А. Изюмовская, заведующая отделом заказов Советского райпищеторга на камвольно-прядельной фабрике З. В. Захарова, многие другие работники. Было приятно получить добрые отзывы от коллективов плетного деревообрабатывающего комбината, из ремонтно-монтажного управления МГУ, домостроительного комбината № 2 Главмосстроя, из строительного управления Мосинжремонта, других организаций и предприятий. Но, полагаю, говорить сейчас надо не столько об успехах, сколько о предстоящем: ведь сделанное — только начало работы. В Москве проходит общегородской смотр на лучший отдел заказов. Его результаты мы подведем в середине года, изучим накопленный опыт. И тогда снайдем тем, кто отстаёт: видите, как можно работать в равных условиях. Подтянитесь! Все меры морального и материального поощрения будут применяться, чтобы помочь добрым инициативам превратиться в стройную систему.

Ведь пока далеко не все ладно. Оставляет желать лучшего организация этого дела даже в некоторых специализированных магазинах. От случая к случаю ведется прием заказов на Семеновской ткацкой фабрике, в первой образцовой типографии. Есть нарекания на работу службы заказов в Гагаринском, Дзержинском и Севастопольском райпищеторгах. Понятно, в новом деле не все сразу будет отлажено, есть и объективные причины недостатков. Но хотелось бы обратить внимание на то, что не всегда торги и управления, да и сами магазины используют свои внутренние резервы, а для этого не нужны ни особые затраты, ни специальные распоряжения. Вот, например, магазин № 74 того же Дзержинского райпищеторга. Здесь заказы выдаются в узком коридорчике, там же, где идет разгрузка

товара. Всегда тесно, люди стоят рядом с ящиками и бочками. Какая уж тут культура торговли. Между тем в двадцати метрах есть помещение, где, в частности, продают сигареты и шоколад. Не стоит ли отделу торговли райисполкома подумать над тем, чтобы открыть здесь отдел заказов? Полагаю, что немало резервов есть и в других районах.

Торговля по заказам — прогрессивная форма обслуживания. И непозволительно наносить ей ущерб плохой организацией. Иначе легко скомпрометировать все дело. Конечно, основное направление — крупные магазины и отделы заказов. В ближайшее время их будет 2300. Откроются еще 10—12 больших магазинов фирмы «Заказы». Предусматриваются отделы заказов во всех вновь строящихся универсамов. Но при этом с вниманием будем относиться и к отделам заказов небольших магазинов, не снижать к ним требования.

Ждем мы помощи и от предприятий, для работников которых делаются заказы. Пусть заводы и фабрики помнут у себя место для отдела заказов, пусть помогут установить холодильники. Есть и другие проблемы, решение которых зависит не от нас. Главмосавто-транс предполагает создать базу малотоннажных автомобилей для доставки заказов на дом, но хотелось бы ускорить эту работу.

Нас беспокоит и проблема упаковки. Недавно мы с руководителями торгов и магазинов, с продавцами собрались посоветоваться по всем заботам. В фойе клуба, где проходило совещание, была устроена выставка материалов для упаковки. Блеклые пакеты, целлофан, невысокого качества бумага. К тому же все это в недостаточных количествах. Наверное, прежний подход к упаковке просто устарел, сейчас неприемлем. Конечно, было бы идеально, если бы промышленность поставляла все товары упакованными. Но пока в фабричной расфасовке поступает лишь часть продуктов.

Следует пересмотреть фонды выделяемых для фасовки бумаги, картона, полиэтилена, создать добротную возвратную тару, поручить какому-либо полиграфическому комбинату выполнять заказы магазинов по изготовлению пакетов и прочей упаковки. Не стану сейчас определять весь круг проблем, скажу только, что Госснабу СССР и другим снабженческим организациям надо больше внимания уделять материально-техническому оснащению такой формы торговли, как заказы трудящихся. Необходимо оказать практическую помощь в обеспечении торговых организаций современной упаковкой, электронными весами, режущими и фасовочными машинами, транспортерами, тележками и другим оборудованием и инвентарем, позволяющим облегчить труд, сделать его более производительным.

Мы будем стремиться к тому, чтобы торговля по заказам имела прочное научное и практическое обоснование. Полагаем, осуществление задуманного имеет не только экономическое, но и социальное значение.

Но, понятно, планы развития московской торговли не замыкаются на этой проблеме. Будут строиться новые универсамы, универмаги, другие крупные магазины. Улучшится их размещение. Намечается осуществить меры по дальнейшему внедрению прогрессивных форм и методов торговли, в том числе самообслуживания. С большей настойчивостью будем вести реконструкцию существующих магазинов. Очень важной заботой является комплексная механизация торговли. Словом, планы намечены четкие. Их претворение в жизнь отвечает задачам, поставленным XXVI съездом КПСС, и направлено на значительное улучшение торгового обслуживания москвичей и гостей нашего города.

По зову целинного совхоза съехались и девушки обживать новину,—появятся теперь молодые семьи на этой земле.

«Ц Е Л И

Идет разговор по душам о самых разных жизненных заботах.

НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕ

Вот он, долгожданный хлеб целины...

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

НА»

АТРА

С

ценическое прочтение
«Целины»...

Живые оттенки глубинного звучания книги Леонида Ильича Брежнева сплелись воедино в этом прочтении.

Лирика и эпос; деловая партийная публицистика, мысли государственного общественно-го деятеля и тут же теплое, доверительное раздумье о жизни, часто с улыбкой и юмором; благодарная память о нелегко доставшихся свершениях—и сердечная боль при воспоминании о тех, кто ушел навсегда, отдав себя великому делу... И при всем том возникает здесь, на сцене, не ретроспектива, вовсе нет, но явственное ощущение забот сегодняшних: новых перспектив народа, строящего коммунизм.

Проникновенно изучив сложнейшие жанровые особенности «Целины», творческий стиль—самую манеру повествования—энергичного, распахнутого навстречу людям, насыщенного жизнью, коллектив Малого театра предложил зрителям постановку необычную.

Безусловно, она рождена не только пониманием, но и ярким ответным душевным порывом, вдохновением театра. Вдохновением буквально каждого участника спектакля, где нет не только «мелочей»—каких-то проходных, необязательных элементов,—но который сценически живет в точнейшей, почти музыкальной согласованности эпизодов, в четком ритме; действие развивается динамично, на едином дыхании, движется к финалу крещендо—с нарастающим, непрерывно усиливающимся напряжением. Вот оно-то и создает внутренний нерв «Целины»—спектакля, осуществленного Малым театром. Создает энергию, внешне словно бы строгую и сдержанную, но внутренне предельно страстную.

Постановка, будучи результатом глубоко осмысленного, тонкого и умного освоения коллективом книги товарища Л. И. Брежнева, вообрала в себя, разумеется, не все—хотя и очень многое—из того, что автор сказал своим читателям. Театр теперь передал образы «Целины», воплотил слово партии на своем сценическом языке. И тем самым дав произведению новую, по-новому ожившую жизнь. Каждого зрителя, конечно же, захватывает искренняя творческая увлеченность самих постановщиков и исполнителей, сперва полнотой воспринявших для самих себя, а потом донесших и до нас чрезвычайно емкую непростоту этих будто бы простых, доходчивых воспоминаний руководителя страны и партии о том, как осваивались советским народом целинные просторы... В полном согласии с автором театр воссоздает эпоху, те ее зримые черты, когда, поднимая целину, человек не только переделывал землю, но и самого себя, а земля, в свою очередь, создавала нового человека. Создавала людей, каких еще никогда и нигде не было. Целинников.

Театр опять-таки счастливо нашел—тут придется почти все время говорить о находках—очень точное и в то же время оригинальное решение, предложив вступить в действие не одному только ведущему. Здесь от имени автора слово получают артисты, всем нам хорошо знакомые: В. Коршунов, Ю. Соломин, Е. Буренков, Г. Куликов, Ю. Каюров, Н. Верещенко, В. Сафронов, С. Маркушев, А. Кочетков, Е. Самойлов... У каждого из них (при несомненной общности единой, главной задачи) не только угадывается нами, но даже и не «скрывается» театром еще и свое собствен-

ное, не только артистическое, но чисто человеческое, неравнодушное отношение к этой задаче. Выявляя сложность, многозначность повествования, театр при этом прочно сохраняет основную связующую нить, лейтмотив, позволяя нам ощутить и целостный облик Автора, и в то же время увидеть многоликий, волевой облик Партии коммунистов.

Строгие, скромные, сдержанные, одинаково просто одетые,—они выходят на сцену все вместе, и часто все остаются на сцене, когда один из них ведет свой рассказ от лица автора. Непременно этот живой рассказ дополняется коротким, емко сыгранным эпизодом, и каждый из этих эпизодов вылеплен так отчетливо, каждая мизансцена несет в себе такое крупное содержание что они опять же запоминаются все: одни—нескрываемо тревожные, даже трагические, полные отчаяния; другие—напористые, одушевленные веселым, молодым задором, пафосом преодоления, свершения, любви; третьи—насмешливо-сердитые, направленные впрямую против тех (а ведь такие и сегодня встречаются), кто, с фальшивым, показным усердием повторяя: «Зрблю, зрблю» (артист И. Любезнов), лишь топчется на месте, мешая общему делу, тормозя народное движение. Но оно все равно неостановимо. Оно побеждает, когда есть такие люди—подлинные герои, как Василий Рагузов (эту роль исполняет В. Соломин), как Евдокия Андреевна Зайчукова (сыгранная Г. Кирюшиной). Она произносит на сцене совсем немного слов. Но эти слова не забудешь...

— Не ставьте никакой ограды на моей могиле, не отделяйте меня от степи...

Золотым фондом, гордостью партии и народа стали целинники—поколение смелых и бесстрашных. Им выпало на долю всякое. Порою приходилось сражаться один на один со злыми стихийными бедствиями, преодолевать не только безлюдье, но и бесхозяйственность: те самые «мелочи», которые ведь еще и поныне дают себя знать... Тут звучание спектакля обретает наступательный, актуальный, современный характер. «Благоустройство,—говорит нам от имени автора Малый театр,—это устройство благ для людей, забота о них».

Целина—сегодня уже не безлюдный край, проблемы ставит острые. И это еще одна из серьезнейших нравственных задач, отнюдь не обойденных театром. Напротив, они входят в самую плоть и кровь постановки, которая предоставляет широкий простор действию. Точнее, содержанию действия: эмоциональным, психологическим возможностям его выражения.

Постановщики спектакля Б. Львов-Анохин и В. Бейлис предлагают «Целине» предельно строгую, но выразительную сценографию.

Над сценическим планшетом, над самой степью,—одно лишь огромное небо. Всякий раз оно имеет иное, несхожее настроение. То высоко распахнута безмятежно-голубая бесконечность. То плывут по небу частые и легкие облака, то появляются тяжелые лиловые тучи... Розовые восходы. Резко-алые блики летнего солнца. Гонимые ветром тени надвигающегося бурана... А под этим, все время меняющимся небом, на этой земле люди воюют за хлеб, радуются первым, бережно посаженным деревцам, чье появление символизирует цветущая ветка вишни в заботливых женских руках...

«Целина» на сцене Малого театра позволяет видеть жизнь в нерушимых связях народа и партии. Позволяет видеть, как продолжен и умножен самой жизнью, непрерывной работой партии ленинцев великий опыт Революции; видеть, как вставали и встают в новых исторических условиях все новые и новые, всегда конкретные и всегда непростые проблемы строительства развитого социализма...

Памятными и дорогими для себя называет Леонид Ильич годы, безраздельно отданные освоению целины... Именно такими, памятными и дорогими для всего народа, предстали они на сцене Малого театра Союза ССР.

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ

Петр ПРОСКУРИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Слушая Александра Евгеньевича и все больше узнавая забытые интонации, Тамара Иннокентьевна подумала, как он прав, что пришел сегодня, и что он не мог не прийти; он всегда приходил, когда ей было плохо, и сегодня он не мог не появиться здесь у нее, и, если бы даже она не позвонила ему, как он утверждает, он все равно бы пришел к ней, сам бы пришел.

— Что за самобичевание, Саня? Двадцать лет жизни сильного, умного мужчины прошло впустую? Не кокетничай,— укорила она.— Кто же тогда состоялся, если не ты... Стоишь у руля столько лет, столько раз лауреат.

— Я сказал тебе правду. Я часто теперь задумываюсь, почему людям не верят, если они говорят правду.— Сейчас в словах Александра Евгеньевича чувствовалась тяжесть.— Вот если честно смотришь в глаза и откровенно лжешь, тогда тебе верят и все уважают. Стиль жизни теперь такой удивительный... А вообще-то в жизни ничто не имеет смысла, пустая суета. Нечаянный интерес из казенного дома...

— Саня, Саня, говоришь смиренно, а ки-пишь-то, кипишь! Гордыня твоя в тебе бунтует.— Тамара Иннокентьевна заломила мешавший ей угол подушки.— Сколько судеб тебе пришлось поломать, перешагнуть ради этого, как ты изволишь выразиться, нечаянного интереса! Суета суетой, но никто еще добровольно не отказался ни от славы, ни от денег. А для этого нужна власть, чтобы всех держать и никого вперед себя не пущать. Все ведь в жизни так примитивно. Не хочется говорить жестокие слова, но ты ведь умный, Саня... На твоей высоте нельзя остаться хорошим для всех, напрасный труд... Зачем же из кожи лезть, стараться делать вид?

— Ты же не все, Тамара.

Она видела, что он борется с собой и изо всех сил старается сохранить мир, и, вероятно, все бы и кончилось миром, если бы не ее последняя фраза; она все еще сводила с ним счеты за старое; тут Александр Евгеньевич должен был повременить, чтобы успокоиться и не сорваться; подумать только, сказал он себе, прошло столько лет, а с какой расчетливой жестокостью она ранит. Это чисто женское, так может только женщина, если она глубоко уязвлена. Ну, да полно, она сейчас больна и не в себе, не стоит обращать внимания на этот выпад.

— Хорошо, хорошо, Тамара,— попытался он подойти с другой стороны, но это не значило, что он не запомнил ее жестокости.— Вы ведь с Глебом всегда держали меня за нищего... Это для меня не новость. Если бы не он и не ты, скорее всего я прожил бы нормальную, здоровую, счастливую жизнь, в счастливом неведении сочинял бы свою музыку—вон ее сейчас сколько нужно! Все компании не можем обеспечить, и всем хватает, зачем тут кого-то держать и не пущать?

— Ты о музыке, точно о колбасе...

— Ну, давай, давай бичуй, ты же в этом находишь удовлетворение!— против воли чувствуя себя уже втянутым в этот ненужный, бесполезный спор, огрызнулся Александр Евгеньевич, и полные щеки его напряглись.— Смог же я вопреки вашим пророчествам сделать себе имя!

— Ну смог, Саня, смог, кто в этом сомневается! Ну перестань кипятиться,— запоздало спохватилась Тамара Иннокентьевна и поспешила уснуть его на кухню, где ненужно гремело забытое радио.

Выключив радио, Александр Евгеньевич бессильно привалился к спинке старого диванчика, втиснутого в немыслимо узкий проем ниши. Он устал, и ему захотелось заплакать, он уже чувствовал подступающие старческие, противные слезы и стал нежно поглаживать вытертую спинку диванчика. Нельзя ему было сюда придти, даже вещи имеют над людьми страшную власть. Стоило ощутить ладонью шероховатости и потертости этого старого друга—дивана, и точно волной смыло все годы, точно их не было... А сколько усилий, сколько борьбы, сколько жестокости... Тамара права, столько всего она еще не знает, на его высоте вообще ни с кем нельзя быть добрым. Вот и дважды лауреат, в руках власть, и орденами не обойден, а то, ради чего стоило родиться и жить, так и не пришло. И вершина так же недоступна и манит своей слепящей холодной белизной...

— Вы меня с Глебом обессилили!—неожиданно вырос Александр Евгеньевич в проеме дверей перед Тамарой Иннокентьевной, выпрямившись, развернув плечи, точно действительно стал выше ростом; глаза его, вдумчиво-карие, осторожные, сейчас светились прежним, молодым, непримиримым блеском. Тамара Иннокентьевна попыталась было возразить, но замолчала, понимая, что его теперь не остановишь.

— Молчи, дай договорить! Знаю, смешно, нелепо рыться в прошлом, искать виноватого, да еще в мои-то годы! Но ведь было, было! Мне было двадцать, и я тебя любил всегда, всю жизнь, с самого начала, еще до того, как ты родилась, задолго до Глеба, до того, как ты с ним познакомилась... Ты тоже это знаешь... Не бойся, я не скажу ничего оскорбительного... Я хочу напомнить, ты знаешь, были моменты, когда... Ну, хорошо, не буду, не имеет значения... Но в тот вечер, помнишь, мы пришли вместе, с Глеба сняли как раз броню, он добился, на другой же день он должен был уйти. Помнишь? А через месяц он погиб... Ну, и что он доказал? Он не имел права так глупо, так бездарно распорядиться собой, своим даром. У него был именно дар. Он был призванным человеком. Он один из нас был призван. Способных много. Призванных единицы. И человечество и его любимая Россия неизмеримо бы выиграли, останься он в живых, дай до конца развернуться своему чудесному дару! И все это понимали... Как я его отговаривал от этой глупости, от этого шага, впрочем, не один я! Что толку теперь сокрушаться! Помнишь, я знаю, ты помнишь все, каждую мелочь, не спорь!—повысил он голос, хотя Тамара Иннокентьевна и не думала возражать.—Помнишь, Глеб сказал тогда, что времени мало и вам нужно остаться одним... Ну, конечно, ты это помнишь, я ловил хотя бы твой взгляд, хотя бы одно движение в мою сторону. Удивительно, как от любви человек слепнет... Ты попросту забыла, что, кроме вас двоих, на свете существует еще кто-то. Я вышел, как побитая собака... Что со мной было! Вот когда я поклялся доказать тебе, чего бы это мне ни стоило, что я существую. Пускай для этого понадобилось бы взорвать земной шар! Я нигде не ушел тогда, сотни раз подходил я к вашей двери, точно сам сатана толкал меня к дверям, чтобы ворваться, сделать что-то безобразное... Сатана кружил меня возле ненавистных мне дверей, толкал прервать ваш прощальный пир... сделать именно что-нибудь безобразное, непоправимое... Не помню, как пришло утро, я был в каком-то бреду,

помню только, я опять оказался у ваших дверей,—голос Александра Евгеньевича пресекся, он с трудом протолкнул в себя воздух.—И вдруг я услышал, Глеб сел за рояль... Ах, боже мой, боже мой, что это была за музыка... что-то божественно нечеловеческое! Я весь дрожал, я опять был уничтожен, сравнен с дерьмом! Вы опять победили! Я плакал от наслаждения, от зависти, от бессилия... Какая ревность может сравниться с этим чувством! Я понял, что погибаю, хотел зажать уши и убежать и не мог, не мог... пока не выпил весь яд до конца, до последней капли... Много потом забылось, но это вошло в меня, как боль, продолжало мучить, я знал, что, если я смогу это хотя бы вспомнить, я спасусь... сколько же я бился, так никогда и не смог... Это жило во мне, а стоило сесть за рояль, все исчезало... Скажи, что он тогда играл? Ты ведь знаешь...

— Нет! Нет! Нет!—ответила Тамара Иннокентьевна поспешно, пытаясь отодвинуться подальше в глубь подушек и чувствуя, что кожа на груди словно взялась легкой изморозью. Боясь, что он заметит ее страх и смятение (он был сейчас точно убийца, стороживший каждое ее движение), она отвлекаясь улыбнулась и потянулась было к круглому столику за стершимися от старости, доставшимися ей еще от бабушки аметистовыми четками и... точно споткнулась о злую неверящую усмешку Александра Евгеньевича. Мелькнула мысль о собственной беспомощности, да полно, что это за распушенность, прикрикнула она на себя. Несмотря на все свои внешние успехи и видимость душевного равновесия, на весь прочно устоявшийся маскарад, раз и навсегда заведенный кем-то, не самым умным, ритуал заседаний, президиумов, представительств, где Александр Евгеньевич был постоянным, необходимым лицом, где ему приходилось лицемерить, изворачиваться, он, в сущности, никогда не был злым по отношению к ней и всегда сохранял свою зависимость от нее. Он бывал разный, но он всегда был ей предан, и что теперь винить друг друга за неудавшуюся жизнь. Конечно, она тоже не права и виновата, и видит все не так, как обстоит в реальности, на самом деле; но в любом случае она не должна оставаться неблагоприятной, отвечать злом на его добро. Он всегда приходил по первому ее зову и без зова; приходил в самые тяжелые минуты, возился с ней, вызывал врачей, устраивал в лучшие клиники, отправлял в санатории и каждый раз встречал нежностью и молчаливым обожанием. Такой преданности позавидует любая женщина. Ведь и он по-своему прав, и у него одна жизнь, и он потратил ее в основном на нее, и если он сейчас не в себе, его надо отвлечь, успокоить, смягчить его боль. Ведь, в сущности, он единственный во всем белом свете близкий ей человек...

Предательская теплота подступила к глазам Тамары Иннокентьевны; глаза ее, обычно серые, еще посветлели, снопы лучистого света преобразили тяжелые, начинавшие грузить черты, и лицо ее стало почти прекрасным. Не отрываясь от этого внезапно преобразившегося, тонкого, одухотворенного лица и весь погружаясь в свет и теплоту, исходившие от нее, Александр Евгеньевич присел рядом на краешек дивана, легко, совсем не горбясь, и в какой-то предательской опустошенности прижался к ее рукам в таких знакомых, потускневших от времени кольцах.

Вот и все, решил он, и ничего не надо, услышать знакомый горьковатый запах, исчезнуть, раствориться в мягком свете ее глаз. Ему не может быть отказано в этом праве, он ведь обыкновенный человек, никто его не проклинал. От прошлого не избавиться, но с

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11, 12.

ним можно примириться, тем более сейчас, хотя где-то глубоко продолжает тлеть уголек, в любой момент готовый вспыхнуть и выжечь у него в душе последние остатки тепла и нежности. Он незаметно отодвинулся от нее, и не потому, что в борьбе со своим дьяволом был бессилен и лишь на время мог придержать его. Он сейчас с невыносимой ясностью понял, что и она и сам он стоят в преддверии еще одной, скорее всего самой последней дали. Она возникла в нем как какой-то вторяющийся, усиливающийся мотив, вместивший с начала и до конца всю его жизнь; он возникал из мрака и, заставив вздрогнуть сердце от ужаса, от предчувствия скорого исчезновения, сливался с мраком; это надо запомнить, надо как-то сосредоточиться и запомнить, сказал себе Александр Евгеньевич, бессознательно стремясь уйти в другую, привычную и безопасную плоскость жизни.

— Саня, — окликнула Тамара Иннокентьевна, тихонько притрагиваясь к его плечу; он в этот момент не смог ответить, но вялым движением руки дал понять, что слушает. — Саня, скажи, после смерти действительно больше ничего не будет? — спросила она, и он взглянул на нее испуганно и дико. — Вот так, конечно, отсечено... больше ничего, ничего, совсем ничего?

— И слава богу, что ничего, — с трудом выдохнул он из себя. — Ты бы и там устроила себе муку...

— Саня, ты напрасно сердишься. — Тамара Иннокентьевна опять попыталась наладить относительное равновесие. — Говорю тебе, я не помню, ничего не помню.

— Не сержусь, не сержусь, у тебя просто удивительная способность замыкать все только на себе. Как будто вокруг тебя никого и ничего...

— Я, Саня, действительно не помню, — заставила себя вернуться к тому, что было между ними запретного и тайного, Тамара Иннокентьевна.

— Не верю, нет, нет, не верю, — не принимая ее тона, покачал головой Александр Евгеньевич, — этого нельзя забыть. Не пытайся же отрицать, в тебе живет та музыка...

Тамара Иннокентьевна отстраненно понимала, зачем он так настойчиво пробивается к запретному и самому сокровенному в ее душе, но не разрешила себе продумать свою мысль до конца; она ничего не хотела менять, живое пусть оставалось живым, но давний запрет Глеба, наложенный им на молитву солнца, был для нее свят всегда. Это единственное, что она сохранила в своей жизни в чистоте и неприкосновенности, чем всегда тайно гордилась. Она великая грешница, она безобразно плохо распорядилась своей жизнью, и все же она никогда не сделает последнего шага, а он, этот человек, ждал, ждал такого момента, всю жизнь ждал, вот он сидит, совсем уже старик, а в глазах дьявол, самый настоящий дьявол. Ее душа нужна ему полностью, без остатка, без единой тайны.

Тамара Иннокентьевна сама не заметила, что смотрит на своего гостя в упор; ее глаза, незнакомые, горящие от открывшейся слепящей истины, почти парализовали Александра Евгеньевича.

— С твоего разрешения, я пойду на кухню, покурю, — он торопливо отвел глаза, и она поняла, что не ошиблась в своих мыслях.

— Кури здесь...

— Зачем же... Тебе вредно, — не приняв Александра Евгеньевича попытки к примирению; в который раз ее верность мертвому испугала и больно ранила его, он подумал, что незачем было приходить, если он за столько лет ничего не мог добиться.

— Саня, там холодная курица и печеные яблоки. Поешь, ты, наверное, голоден, — предложила Тамара Иннокентьевна ему вслед; не оглядываясь, он молча кивнул; оставшись одна, Тамара Иннокентьевна обессиленно откинулась на подушку. Она знала, о чем он думал уходя, он никогда не умел скрывать своих мыслей, и сейчас она попыталась взглянуть на себя со стороны. Действительно, что ей мешало нормально жить и быть счастливой, если не она сама? Немного терпения, там, где иначе нельзя, где нельзя идти напролом, чуть-чуть уступить; где-то, напротив, настоять на своей женской прихоти, капризе, даже в

ущерб здравому смыслу, вот в чем мудрость жизни; все сейчас могло быть по-другому, и она сама не была бы так ожесточена, и Саня бы пришел к итогу жизни с другой душой, без излишней, ненужной горечи и жестокости...

Опять почувствовав подступающую теплоту к глазам и ненавидя себя, Тамара Иннокентьевна сильнее вжалась в подушку, постаралась совсем не шевелиться, сердечный приступ всегда нес расслабляющую слезливость; почему-то встал перед глазами громадный одинокий дуб, весь в молодой, с шумящей в солнечных потоках листве — такая листва бывает только в начале лета, во время стремительных и бурных гроз и ливней. Ей вспомнился

запах цветущего леса — запах меда и солнца, запах лесной прели, стелящийся над самой землей, и ощущение свежести молодого, здорового, разгоряченного желанием тела, это воспоминание было мучительно в ожидании еще большей пустоты.

III

Дуб, насчитывающий не одно столетие, вырос из желудя, укоренился на невысоком холме и разросся до размеров, уже с трудом воспринимавшихся, он стоял, царствуя над всем остальным лесом, и во всей своей сказочной мощи отражался в ласковой сумрач-

ности небольшого озера, подступавшего к холму.

День выдался ясный; с наслаждением прищуриваясь, Тамара Иннокентьевна чувствовала голыми плечами начинавший потягивать по-рой легкий теплый ветерок, доносивший до нее какие-то неведомые лесные тайны; лес потому волнует, что он — весь тайна; и вся жизнь — тайна, и никогда не надо давать клятв и обещаний, рано или поздно все оказывается ложью. Она невольно покосилась на лежавшего рядом в густой изумрудной траве Саню, вновь прижмурила глаза; о пронесшихся годах лучше не думать, разрешила она себе, в конце концов Саня прав, жизнь, считай, прошла, уже за тридцать, а что хорошего в том, что она себя замуровала?

Она опять с восхищением и чувством тайного узнавания оглядела озеро, плавно струящуюся зелень берез, окаймлявших озеро с другой стороны и в изумрудном разливе уходящих к синющим горизонтам. Над водой озера воздух отливала зеленью, а в листве дуба, наоборот, сквозил легким серебром. Прилетела какая-то крупная, немыслимо яркая птица, с головой, украшенной золотисто-черным веером; это был обыкновенный угод, но Тамара Иннокентьевна с радостным изумлением разглядывала удода, пока он радужным пятном не вспорхнул с дуба и не улетел. Затем внимание Тамары Иннокентьевны привлекли порхающие над водой озера большие прозрачные стрекозы с выпуклыми изумрудно-светящимися глазами. Она удивилась их способности зависать в воздухе, трепеща крыльями, на одном месте и затем стремглав, скачком бросаться вперед; Тамара Иннокентьевна даже отдаленно не могла предположить, что это никакая не игра и не причудливый танец, а самая настоящая жестокая необходимость, что таким образом стрекозы добывают себе пищу, ловят комаров и мошек. На какой-то миг Тамара Иннокентьевна ощутила и в себе ни на минуту не обрывающееся движение жизни; ей показалось, что она не сидит под дубом, а парит высоко-высоко над зеленым океаном леса и поет, звенит в ней пространство и что так хорошо ей еще никогда не было.

— Ты спишь? — спросила она Саню, бездумно погруженного в плывущее марево полуденного июльского зноя.

— Нет, блаженствую, — он даже причмокнул от удовольствия, даже не пытаясь повернуться в ее сторону. — Куда-то несет, несет, не надо думать, спешить... Ах, какая голубая, голубая страна...

— Хорошо, что ты меня сюда привез, — вздохнула она. — Я все жалею, почему не раньше!

Он пружинисто повернулся к ней, притянул к себе, положив горячие вздрагивающие пальцы ей на колени. Осторожно взяв его руку, она накрыла ее своей и, не выпуская, положила рядом, на прохладную, слегка помятую траву, источавшую терпкий, возбуждающий запах.

— Саня, Саня! Всегда ты спешишь! Разве здесь можно? Посмотри, как тут торжественно! — слабо запротестовала она, опять ощущая его настойчивые, ждущие ответной волны руки. — Как же здесь? Вокруг тысячи глаз... На нас отовсюду смотрят...

— Здесь совершенно никого нет, — засмеялся он, приоткрывая влажные, крепкие зубы. — Ну, совершенно никого! Мы ушли километров за шесть от дороги... Неужели тебе сейчас плохо?

— Ах, Саня, мне слишком хорошо, — она потянулась к нему всем телом, сбрасывая с себя долгое оцепенение. — Даже страшно, так мне хорошо...

Она почувствовала его разгоряченное дыхание и закрыла глаза, отдаваясь во власть его рук и его нетерпения, отдаваясь надвигающейся мутной волне, разрывающей все внутри слепой мукой разрешения. Казалось, он во что бы то ни стало должен был наверстать упущенное, наконец-то безжалостно и до конца разорвать невидимую преграду, продолжавшую отделять их друг от друга даже в эти темные, тайные моменты; он был ненасытен, настойчив, неумерен, он решил раз навсегда подчинить в ней все до конца и, едва ощутив первоначальное, правда, еле уловимое сопротивление, окончательно обезумел. С готовностью и с некоторым испугом

подчиняясь неумеренности его желаний и идя ему навстречу в каждом движении, она и в самом деле переступала в себе некий давний запрет, теперь она сама стремилась освободиться от него. Темная, душная волна снова накрыла ее, и она застонала сквозь стиснутые зубы, и когда центром всего, что было, стала она и то, что с ней происходило, в ней резко прозвучала тревожная останавливающая нота, прозвучала и оборвалась; она вспомнила об этом лишь погодя, когда тело начало возвращаться к ней, но не сделала ни малейшей попытки что-либо переменить. Не хотелось двигаться, а тем более заставлять себя искать несуществующие вины... Боже мой, как хорошо, ободрила она себя. Наконец-то, наконец она свободна от пут, от условностей и может дышать полной грудью. Все, что позволено людям, позволено и ей, можно, наконец, пить жизнь сполна, пить до сладкого изнеможения, перестать оглядываться на каждый шорох... Боже мой, как многого она себя лишила, и прав Саня, что она доказала своим воздержанием? Чего добилась? Что старилась, пропала в одиночестве, что уходила ее красота, неумолимо угасало тело?

Она испуганно вскинулась, провела ладонями по голой груди; по-своему поняв ее движение и несколько раз расслабленно поцеловав ее, приподнявшись на локоть, Александр Евгеньевич опять откинулся в смятую траву навзничь.

Солнце уже клонилось к закату, и трава, насквозь пронизанная его косыми длинными лучами, изумрудно и мягко светилась.

— Смотри, день пролетел совсем незаметно. Ты порази-и-тельная женщина, Тамара. — Как всегда в хорошем настроении, Александр Евгеньевич сильно растягивал слова. — Такой второй на свете просто нет. Ты себе цены не знаешь. Чем больше я тебя узнаю, тем больше удивляюсь.

— А ты, Саня, ни о чем не думай. Живи. Кто я тебе? Два года мы вместе... Ни жена, ни любовница, ни добрая знакомая...

Это было жестоко: по первому ее зову, даже не зову, а едва осознанному ею самой движению к нему он оставил семью, налаженный дом и безоговорочно и бесповоротно связал свою судьбу с нею; всякий раз, когда он заводил разговор о том, чтобы узаконить их отношения, именно сама она уклонялась от решительного шага. Она мало тяготилась неопределенностью своего положения, жила, как и раньше, ничего не загадывая; сначала он сердился, настаивал, требовал, обижался, но, наталкиваясь всякий раз на уклончивый, ласковый отпор, в конце концов отступился, положившись на спасительное время, которое без излишних усилий и нервных затрат перерабатывает и не такие жизненные переплетения и узлы.

Не желая быть втянутым в бесполезный и ненужный в этот счастливый для обоих день, больной для своего самолюбия разговор, Александр Евгеньевич без всякого усилия перебрался по траве свое большое полное тело ближе к ней и легко, почти не касаясь, как кошку, погладил ее по плечу.

— Ты — любимая. Все о себе великолепно знаешь, знаешь, что относишься к разряду любимых. Великолепно этим пользуешься. У-у, хитрюга!

— Да, Саня, я женщина капризная и опасная, вот возьму, заколдую тебя, превращу в черного лебедя... Навсегда оставлю плавать здесь, в лесном озере!

— Почему в черного, Тамара?

— Ты же черный, давно известно...

— А ты, конечно, белая, — по-детски обиделся он. — Чистая и безгрешная!

— Именно чистая и безгрешная!

— Ну, конечно! Поэтому ты и не загораешь. Нехорошо быть такой белокожей... Ах, Тамара, Тамара, царица Тамара, мне все не верится, что ты со мной, мне все кажется, что я тебя вот-вот потеряю...

— Значит, мы с тобой останемся вместе до самой старости. В жизни все случается как раз наоборот. Ах, Саня, Саня, вот бы мне ребенка, вот была бы я счастлива, — перескочила она чисто по-женски с одного на другое; эта ее особенность всегда его восхищала. — Я ведь ничего хорошего в жизни не сделала, неужели мне не суждено иметь ребенка?

— У нас теперь обязательно будет ребенок, ты сегодня была вся моя.

— Нет, — ответила она, не задумываясь. — Чего-то было слишком много. От такого безумия детей не бывает...

— Ты жалеешь? — спросил он, приближая к ней лицо с близорукими, красивыми глазами, сейчас выражавшими напряжение.

— Ни о чем, Саня, я не жалею. Я тебе благодарна, ты меня от самой себя освободил, я ничего больше не боюсь. Пошли к озеру, искупаемся. Представляешь, русалки нас давно ждут не дождутся, — потянула она его в сторону тихого сумеречного озера, сильно затененного опрокинутой в его глубину листвою дуба. Солнце должно было скоро сесть, и, как всегда летом, краски быстро менялись, под деревьями начинали копиться сумерки, и только посредине озера, на его гладкой зеркальной поверхности одиноко розовело, отражаясь, легкое воздушное, точно взбитое облачко.

Взявшись за руки, они пустились вниз с холма, все убыстряя и убыстряя бег; Александр Евгеньевич от восторга что-то кричал, что-то бесшабашное, невразумительное, отчаянное. Они с трудом остановились у самой воды; чтобы удержаться и не упасть, она обхватила его за плечи, ткнула в грудь, и Александр Евгеньевич быстро, воровато поцеловал ее разгоревшееся лицо раз и другой; она засмеялась от полноты счастья, оттолкнула его руки, выбрав место — чистую, нетронутую, изумрудную траву, донага разделась, переколола волосы и осторожно вошла в воду, вблизи казавшуюся зеленой.

— Ледяная! — задохнувшись, охнула она, придерживая одной рукой грудь, сделала еще шаг, резко опустила в воду и поплыла; Александр Евгеньевич видел ее скользящие белые плечи под водой, и какое-то странное предчувствие стиснуло его холодом.

— Не заплывай далеко, слышишь? — закричал он. — Озеро лесное, там глубоко... Тамара! Слышишь?

— Слышу! — отозвалась она, оборачивая к нему смеющееся лицо, но продолжая, теперь уже на спине, плыть к противоположному берегу. — Плыви сюда, вода чудесная! Уже не холодная! Только сначала прохладно!

Чувствуя все ту же молодцеватую приподнятость и решимость, он быстро сбросил одежду, попробовал воду пальцами ног, сделал несколько гимнастических упражнений, шлепнулся прямо у берега в мелководье и, неестественно высоко держа голову, близоруко щурясь, поплыл короткими саженками.

На самой середине озера они долго лежали на спине, обо всем забыв и всматриваясь в глубоком, — по-вечернему синее, бездонное небо; теперь озеро, со всех сторон окруженное дубами, березами, в низких местах — зарослями черемухи, ивы и ольхи, было как бы частью неба, его продолжением; начинавшее темнеть пространство текло им в глаза, все синее и зеленое, и Тамаре Иннокентьевне вспомнилось забытое ощущение тепла и полной защищенности, близость матери уже в полусне, в начинавшихся мягких грезах и белых облаках. Ласковые бережные руки легко, точно пушинку, переносили ее из кровати на такое облако; оно медленно плыло в вечернее, мягко пламенеющее небо, где бесшумно воздвигались и рушились розовые замки и дворцы.

Тамара Иннокентьевна закрыла глаза; ну, вот наконец минула ужасная пустыня одиночества, длившаяся столько лет, она все еще не верила, что для нее может начаться новая жизнь, а ведь эта новая жизнь давно началась и длится-длится, только надо суметь в нее поверить. Вот и подтверждается старая мудрость, живым — живое, но как же долго она к этому шла! Тамара Иннокентьевна оборвала себя; нельзя кощунствовать в такой день — всему свой срок и свой путь, и раз так случилось, значит, так тому и быть; ничего нельзя вернуть из прошлого, была война, и Глеб погиб на этой страшной войне, и что удивительнее всего, сама она выжила, только голос пропал, подумаешь, голос, кому нужен ее голос, ко всему можно привыкнуть, и к Сане можно привыкнуть, он ее любит, что еще нужно женщине?

— Тамара, холодно, я на берег, — раздался

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛКОВОДЕЦ

в это время голос Александра Евгеньевича, она рывком ушла под воду, и, пока он близко оглядывался и щурился, она поднырнула, скользнула по нему прохладным длинным телом и вынырнула уже в другом месте. Он было погнался за ней, скоро отстал, и она опять стала кружить вокруг, подныривая все ближе; защищаясь, он беспорядочно бил руками и ногами по воде, и лес гулко и звонко гасил их голоса и всплески.

— Ты отпускаешь бороду? — поддела она его, когда они, обсохнув и согревшись, устроились под тем же дубом выпить вина, перекусить жареной курицей, свежими огурцами, луком, помидорами, колбасой. — Тамара Иннокентьевна набрала с собой еды полную корзину.

— Тебе не нравится?

— Как-то непривычно... И потом в воде она ужасно похожа на старую растерзанную тряпку, — рассмеялась Тамара Иннокентьевна.

— Сбрею к черту! — угрожающе зарычал Александр Евгеньевич, с хрустом разгрызая огурец, он залпом выпил целый стакан вина, ее присутствие продолжало возбуждать его.

— Поспи, — предложила Тамара Иннокентьевна, — а я, как пещерная женщина, буду тебя караулить...

— Нет, — отказался он, хотя его действительно тянуло в дрему. — Нет, — повторил он упрямо, теперь больше самому себе. — Сон — это удел нищих, а я сейчас слишком богат... Я не могу спать... слишком расточительно... Знаешь, с тех пор, как ты рядом, у меня все переменялось. Был мир серый, тусклый, все в одну краску, а сейчас... боже мой, какая радуга! Поразительное многоцветье! Знаешь, ради тебя я сделаю все, даже невозможное, напишу самую прекрасную музыку на свете, получу все премии, ах, Тамара, Тамара, сколько времени мы потеряли!

— Не слишком ли на многое ты замахнулся? — поддразнила она, глядя на него исподлобья блестящими, поощряющими глазами.

— Не слишком, ради тебя не слишком! — повысил он голос. — Посмотришь, я все получу...

— Я рада за тебя, — сказала Тамара Иннокентьевна с тенью грусти в глазах; она вспомнила Глеба и точно обожглась радостью Сани, но тотчас испугалась: ведь это грех думать так после того, что между ними только что было, Саня ведь так долго ждал своего часа и слава богу, что он ничего, кажется, не заметил.

— Ты приносишь счастье, — сказал Александр Евгеньевич, прижимаясь головой к ее груди, как ребенок; украдкой вздохнув, она погладила его мягкие волнистые волосы, едва касаясь их ладонью; приказывая себе не думать больше ни о чем, кроме Сани, прочь, прочь все призраки, сказала она, вот он, живой, понятный, ее Саня...

Быстро темнело, воздух становился ощутимее и гуще.

— Тамара, слышишь, так боюсь двадцатого; — признался вдруг Александр Евгеньевич, глядя ей в глаза снизу вверх до неловкости преданно и любяще. — Мой концерт в консерватории. Не первый же! А вот сейчас волнуясь, как в первый раз. Вероятно, из-за тебя... Из-за того, что ты будешь. Ты всегда заставляешь меня выложиться до дна, больше чем я могу, чем я умею...

— Как знать, — задумчиво произнесла она, — я тоже жду многого от твоего концерта...

— Банкетный зал я уже заказал, а людей приглашать пока не будем, подождем, у меня предчувствие...

— Вот не знала, что ты такой суеверный. Ну, не будем, так не будем. Пригласить можно и в тот же день и на день позже... Вот посмотришь, пройдет отлично. Утихих же, смотри, тишина-то в природе. Боже мой, какое блаженство! Что может быть прекраснее лесной тишины?

— Только музыка и ты, — Саня прижался лицом к ее рукам, не целуя.

Тамара Иннокентьевна недоверчиво улыбнулась, она знала свое лицо с начинавшими уже кое-где проступать морщинками; просто сейчас она не хотела думать о неприятном, ведь она действительно была счастлива и весь этот чудесный день и все следующие.

Продолжение следует.

С Алексеем Федоровичем Федоровым меня когда-то познакомил писатель Евгений Босняцкий, сделавший первую литературную запись книги Федорова «Подпольный обком действует». Впоследствии много и часто слышал я о Федорове и от своего товарища-«огоньковца» Владимира Владимировича Павлова, который был подриывником в партизанском соединении Федорова — там он стал Героем Советского Союза, там же, в глубоком тылу врага, вступил в партию... Все это вспомнилось теперь, когда я направлялся в гостиницу «Россия» к делегату XXVI съезда КПСС А. Ф. Федорову.

В войну через мои руки фронтового корреспондента «Красной Звезды» прошло немало шифровок партизанских соединений, в том числе и знаменитого соединения Федорова. Маршал Г. К. Жуков, имея в виду именно эти шифровки, писал: «...Укреплялись взаимодействия партизан и регулярной армии, которой они оказывали содействие в получении данных о противнике, грома его резервы, перерезая коммуникации, срывая переброску войск и оружия».

В номере гостиницы я застал и другого посетителя — Анатолия Васильевича Маслакова, бывшего у Федорова начальником радиостанции. Он-то и объяснил:

— Не так-то легко было передавать эти шифровки. Рация есть, а питание кончилось. Раздобыли аккумуляторы с разбитых трофейных машин и с помощью привода от конной молотилки их зарядили. Позднее техника связи стала первоклассной.

Я показываю Федорову снимки, которые читатель видит на этой странице. На одном — Алексей Федорович с генеральскими погонами на простой красноармейской гимнастерке. Где, когда снято? Но Федоров первым делом назвал фамилию оператора кинохроники Михаила Глидера, сделавшего снимок.

— Боевой был парень. Представляете, потребовал от Володи Павлова, чтобы тот со своими помощниками создал ему все условия для киносъемки крушения фашистского эшелона: чтобы лес не заслонял солнце, чтобы солнце не било в объектив, чтобы эшелон хорошо просматривался... Ребята эти условия создали. Ночью поставили мину и отошли, как положено, подальше, а Миша остался ждать крушения эшелона. Дождь, да, крушение состоялось. Сперва с рельсов пошел паровоз, за ним — вагоны. Пламя, дым, грохот! Миша все снял, и эти кадры мы потом увидели на экране в лентах кинохроники, доставленных самолетом из Москвы... А эта фотография сделана в августе 1943 года. Мы только что завершили знаменитую Ковельскую операцию. Тогда наше соединение пустило под откос 683 вражеских эшелона и 8 бронепоездов, кроме того, осуществили 158 боевых операций по разгрому вражеских гар-

низонов. Ничего не скажешь, фотокарточка для меня памятная, я был тогда награжден второй Золотой Звездой.

Меня смутило, что Федоров в глубоком вражеском тылу сфотографирован, так сказать, при полном параде.

— А известно ли вам, — отпарировал Алексей Федорович, — что первыми советскими генералами на оккупированной территории были командиры партизанских соединений? Люди воспрянули духом, увидев нас при таком параде!

И, слушая сейчас Федорова, я подумал: ведь это действительно так. Не было четко разработанной тактики и стратегии для партизан и подпольщиков. Их создала партия, ее посланцы в тылу врага, такие люди, как мой собеседник — партизанский полководец Алексей Федорович Федоров.

...Ежегодно 9 мая в Киеве на Крещатике бывает парад ветеранов Великой Отечественной войны, возглавляет их Федоров. Кроме того, он является заместителем председателя Советского Комитета ветеранов войны, а с недавнего времени руководит комиссией по делам бывших партизан при Президиуме Верховного Совета УССР.

Две фотографии разделяет не один десяток лет. Все эти годы Алексей Федорович Федоров посвятил партийной и советской работе. Был секретарем ряда обкомов партии на Украине, министром социального обеспечения УССР, депутатом Верховного Совета СССР всех созывов, делегатом всех съездов партии, начиная с XVIII.

Потом я спросил о книгах «Подпольный обком действует» и «Последняя зима», ведь, в сущности, это все те же шифровки, но напечатанные, если так можно выразиться, открытым текстом.

— Правильно, — соглашается Федоров. — Но вот что важно — тираж этих «шифровок» приближается к трем миллионам, и изданы они не только в СССР и странах социализма, но также в Англии, Испании, Японии...

Прощаясь с Алексеем Федоровичем, я вспомнил о Лоцманской Каменке, селении, где когда-то жил будущий генерал.

— А когда вы там были? — заинтересовался Федоров.

— В сорок третьем.

— Да-а, знаменитое было село. Наша Лоцманская Каменка обеспечивала лоцманами весь Днепр. В старое время из нашего села парней призывали только на флот. Стал бы и я, наверное, моряком, если б мальчишкой не удрал от приемного отца и не подался на заработки. Был подпаском, пастухом, рабочим в больнице. Потом служил в кавалерии, демобилизовавшись, строил тоннели, учился, вступил в партию, стал партийным работником. И так — до того дня 1941 года, когда остался секретарем подпольного обкома партии, который, как вам известно, действовал.

З. ХИРЕН

А. Ф. Федоров в августе 1943 г.

Во главе колонны ветеранов А. Ф. Федоров. Киев.

Фото Н. Козлевского

ЕНИСЕЙСКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЯК-40 плавно взмывает в непроглядное небо и ложится курсом на юго-запад. Медленно растворяются в иллюминаторе очертания заснеженного Красноярска, как бы нехотя отступает величественный Енисей.

— Через полчаса справа по борту пройдем над угольным разрезом,— предупреждает нас бортпроводница Татьяна Романова.— Пожалуйста, не прозевайте. Зрелище, как на видимой стороне Луны.

Вместе с генеральным директором производственного объединения «Красноярскуголь» Вадимом Васильевичем Таскаевым мы летим в Назарово — молодой, растущий город энергетиков и горняков. Жителям края с детства памятно это название. В ночь на второе февраля 1900 года, возвращаясь из шушенской ссылки, через захолустную деревеньку Назарово проезжал Владимир Ильич Ленин, предрекавший с присущей ему гениальной прозорливостью каторжной Сибири большое будущее. Как бы утверждая ленинское предвидение, наш попутчик замечает: «Сейчас в СССР сосредоточено больше половины мировых залежей угля, а его главной кладовой является Сибирь. Возьмем, например, Канско-Ачинский угольный бассейн. Только разведанные запасы этого региона исчисляются в 450 миллиардов тонн. Так что, если мы сможем добывать в год хотя бы по миллиарду (сегодня такого количества угля не добывается в целом по стране.— В. З.), то и тогда этого топлива хватит на... сотни лет! Что ни говорите, а даже мое воображение горняка со стажем бессильно представить себе этот угольный Эверест».

В. Таскаев со студенческой скамьи влюблен в эту землю. Много лет проработав по распределению в Узбекистане, он потом упросил министерское начальство отпустить его в Красноярск. Чувствовал, знал потомок уральских рабочих, что российский уголек Сибирью прирастать будет. Теперь он и здесь всеми уважаемый человек. Коммунисты края делегировали его на XXVI съезд партии, наказали решить вопросы, жизненно важные для гигантского бассейна. А бассейн и вправду велик. Почти на восемьсот километров протянулся он вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. И что особенно ценно, уголь залегает у самой поверхности, а толщина отдельных пластов достигает ста метров. И хотя перед добытчиками стояла на первый взгляд сравнительно легкая задача, тем не менее объем вскрышных работ потребовал новой техники, способной «перелопачивать» миллионы тонн породы, прикрывающей топливный пласт. Тогда-то и обратились сибиряки к уральским машиностроителям с просьбой создать новый мощный экскаватор. И вот мы летим, чтобы

увидеть эту чудо-машину, способную за один раз поднять и перебросить чуть ли не за двести метров сто кубов породы. Или, как подсчитал В. Таскаев, пятьдесят тысяч совковых лопат за минуту. Думается, даже Жюль Верну с его обостренным чувством фантаста не прикинулась бы такая машина.

Ну, конечно же, за разговорами мы прозевали разрез. К счастью, летим специальным рейсом, и командир корабля Сергей Александров делает крутой вираж и вторично заходит над угольными копиями. Зрелище поистине великолепное. Остроконечные вершины, сложенные из отвалов породы и припорошенные серым снегом, напоминают лунную пустыню с кратерами, покрытыми вековым пеплом. И среди всего этого безмолвия и хаоса — ярко-желтый шагающий «луноход».

— Это и есть наш знаменитый «ЭШ-100-100»,— говорит В. Таскаев.— На сегодняшний день крупнейший в Европе экскаватор.

Экскаватор шагающий, со стокубовым ковшом и стометровой стрелой — так это расшифровывается.

«ЭШ-100-100»,— не очень-то звучит,— думаю я про себя, глядя с высоты птичьего полета на статного крепыша, дарящего людям и свет, и тепло, и радость...

...Три басовитых гудка, как три сви, вколоченные паровым молотом в низкое небо, означают, что нас увидели из кабины экскаватора и остановили машину. Теперь можно подойти поближе, осмотреть, прикинуть параметры. Начальник экипажа Владимир Тарасович Васильев, неспешный и худощавый, как марафонец, ведет нас по стальному, самоубиравшемуся трапу на второй этаж, в пути рассказывая о своем подопечном.

— Чтобы ощутить высоту кузова экскаватора, надо стать на край подоконника девятиэтажного дома,— говорит В. Васильев.— Размеры ковша представить тоже нетрудно. Когда грунт смерзается и прилипает к «ладони» стальной руки, в ковш загоняют бульдозер. А это машинное отделение.— С этими словами наш провожатый легонько нажимает на дверь, и мы оказываемся в хорошо освещенном цеху таких размеров, что для ремонта внутренних узлов и механизмов там используются два стационарных крана грузоподъемностью по 75 тонн каждый...

— Не экскаватор, а целый завод,— говорит главный горняк дирекции «Красноярскуголь» А. Горцуев и тут же добавляет: — Представьте себе, в сутки этот гигант потребляет электроэнергии столько же, сколько город со столыянским населением.

— Зато как трудится! — в разговор снова вступает В. Васильев.— Четырнадцать миллионов кубометров — двадцать восемь миллионов тонн породы перелопачивает за год.

В. Васильев — горный инженер с большим стажем и опытом работы — досконально изучил новую машину. Сам принимал участие в ее монтаже и наладке, сам поднимал первый ковш с грунтом. О детище уральских мастеров говорит уважительно, как о человеке.

— Не смотрите, что с виду наш трудяга и грузен и малоподвижен,— продолжает начальник экипажа.— Зато никакой работы не

боится и ходить умеет. В какую бы сторону ни пошел, сам себе дорогу проложит. И не тропинку, а целую «взлетную полосу» в шестьдесят метров шириной. Для этого он использует все пять своих опор. Четыре «ноги» по краям плюс 27-метровую в диаметре и круглую, как цирковой манеж, опорную раму в центре. Она не только удерживает машину, но и дает ей возможность вращаться вокруг своей оси. Ну, а когда надо сделать «шаг», экскаватор ложится на «брюшной пресс», переставляет «ноги», потом вытягивает «живот» и плавно переносит центр тяжести вперед. Затем все повторяется с той же последовательностью. Один шаг экскаватора — три метра позади. И если кому-то покажется, что ходит он не слишком быстро, вспомним его собственный вес — одиннадцать тысяч тонн!

Слушаю рассказ В. Васильева, а сам ловлю себя на мысли, что мне давно не терпится заглянуть в кабину машины и поскорее увидеть того, кто непосредственно ею управляет.

Первое ощущение — в кабине тепло, как в хорошо натопленном доме. После морозца с ветерком — сегодня в Назарове минус 33 — это приятно. Впечатляет открывающаяся из окна панорама. Обзор как в штурманской рубке современного авиалайнера. Вертящееся кресло, несколько рычагов переключения на пульте управления. Но, что особенно удивительно, человек, сидящий за штурвалом, похоже, не прикладывает никаких усилий для того, чтобы шестипалая стальная «ладонь», поддев двести тонн влажного суглинка и угольной пыли, бережно перенесла все это и аккуратно высыпала в отвал. Так и есть. Легкое, как на «Жигулях» при переключении скорости, движение рычага — и стотонный ковш со стрелой плавно разворачивается, опускается, подхватывает очередную «порцию» породы и спешит к отвалу. Операция позади, а на лице машиниста Анатолия Шкарубы не дрогнул ни один мускул.

Спустя несколько дней, узнав Анатолия поближе, я понял, что выдержка — главная черта его характера. Отсюда и видимая легкость, с которой он управляется с шагающим.

Однажды произошел случай, о котором бригада узнала, когда все уже было позади.

Обнажив очередной пласт, экскаватор двинулся вправо. Специалисты гарантировали надежную опору для продолжения работы. И вот, когда первый ковш, захватив «горсть» породы, пошел вверх, Анатолий почувствовал, что машина начинает клониться вперед. Как ни в

Делегат XXVI съезда КПСС, генеральный директор производственного объединения «Красноярскуголь» В. Таскаев делится впечатлениями о работе съезда * На зимних дорогах КАТЭКа.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Такие «нитки» удерживают ковш-гигант * Помощник машиниста Николай Васильев со своим первенцем.

ASB 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

чем не бывало, отослав членов бригады на землю, он плавно перевел ковш «за спину» экскаватора и осторожно, буквально по сантиметру, начал отступать от края обрыва.

— О чем подумалось вам в этот миг? — спросил я Шкарубу.

— О том, что только на монтаж нашей машины ушло долгих шесть лет. В случае аварии пришлось бы все начинать сначала. Ведь площадка, на которой мы тогда оказались, была поднята над карьером вдвое выше, чем нынешняя.

Я взглянул через окно кабины. Железнодорожный состав, пришедший под погрузку, казался игрушечным.

А потом состоялось знакомство с членами бригады Анатолия Шкарубы.

Самым общительным из них оказался Александр Аксенов — первый помощник машиниста по электрической части. Саша справедливо считает себя потомственным экскаваторщиком. Его отец Борис Александрович Аксенов до сих пор слывет одним из лучших машинистов не то что Назаровского угольного разреза — всей Сибири. Тридцать с лишним лет отдал он любимому делу. Более пятидесяти миллионов тонн угля поднял и загрузил в пульманы старший Аксенов. Александр был еще учеником средней школы, когда отцу вручили звезду Героя Социалистического Труда. Но уже тогда сын, перегнавший батю по росту, мог с закрытыми глазами рассказать последовательность операций, применяемых во время погрузки угля. Часами наблюдал он за работой отца. И чем чаще забирался к нему в кабину, тем тверже знал, что и сам станет машинистом. Сегодня Александр Аксенов — единственный человек в бригаде, которому А. Шкаруба доверяет пульт управления. И сын и отец работают по соседству. Старший Аксенов командует роторным гигантом. Но, чего греха таить, иной раз с завистью поглядывает на «ЭШ-100-100», которым управляет сын.

За что, мне кажется, особенно уважают младшего Аксенова в бригаде — так это за развитое чувство справедливости. Саша не считается ни с положением, ни с авторитетом провинившегося перед коллективом. Был случай, когда один из шкарубовцев в который раз явился на работу с похмелья и, забравшись в дальний угол, проспал полсмены. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения бригады. От Александра, как от председателя месткома всего участка, во многом зависело: быть провинившемуся в рядах коллектива или нет. Сашу связывали особые, дружеские отношения с парнем, но он первым проголосовал за его исключение из бригады. «Пусть прочувствует, чего лишился», — сказал он тогда на собрании. — И если сохранилось в нем мужское достоинство, непременно исправится и вернется в коллектив».

...Говоря о «прочувствовании», Александр не имел в виду ни высокую зарплату, которую получал провинившийся, ни путевки на курорт, ни ордер на квартиру. Он говорил о той атмосфере товарищества и дружбы, которые свято охраняются в бригаде и помогают каждому ее члену делить со всеми и свои радости и жизненные испытания. В бригаде давно заведено: если кто-то из ребят возводит дом — так на строительной площадке вся бригада. И не просто в качестве подсобных рабочих. Среди членов коллектива есть и свои каменщики, и плотники, и штукатуры, и бетонщики. А когда стройка приближается к завершению, так и кровельщики находятся, и маляры, и электрики. Ну, а коли свадьба, то в доме тесным тесно от плечистых и веселых парней. Пишу обо всем этом не с чужих слов. Сам видел, как в сильный мороз перекрывали ребята дом Коле Васильеву. Сам слышал, как дружно кричали «горько» на свадьбе у сына Владимира Тарасовича Васильева. А до этого чуть ли не неделю рыскали по всем магазинам в поисках коляски. Есть в бригаде обычай: на свадьбу молодоженам в качестве подарка преподносить «транспортное средство» для новорожденного.

Если строят дом — то всем миром... * Саша Горбунов — главный энергетик экскаватора * Алла Иванова стала сибирским кулинаром.

— Это для того, чтобы не мешкали с детьми, — объяснил Саша Аксенов. И тут же поведал еще об одном «семейном секрете». — Были у нас в бригаде сначала преимущественно холостяки. Сметнули мы тогда со Шкарубой, что не получится коллектива в полном смысле этого слова, когда одни — женатые, другие — холостые. Вечером, после работы, семейные спешат по домам, а холостые в бильярдную, а то и в винный магазин. В праздник женатые с семьями едут за город, а холостяки опять же развлекаются, кто как умеет. Стали мы с Анатолием вести среди ребят деликатные разговоры о преимуществах домашнего очага, о радости общения с собственными детьми. И вот недавно последнего холостяка, Колю Васильева, женили. Теперь у нас у всех общие интересы не только на работе, но и в свободное от нее время. Ни один праздник мы не проводим врозь. Ни одно событие не отмечаем без бригады. И на страже устоев каждой семьи стоит весь коллектив. Попытался тут было один из наших с женой развестись. Собрались мы всем миром, поговорили с «воюющими сторонами» и привели их к перемирию. Сейчас в той семье появился второй ребенок...

Я бы не рассказал и половины о младшем Аксенове, если бы не упомянул о его «слабостях». Любит Александр изысканно одеваться. Не крикливо, не броско, а именно со вкусом и от моды не отстает. А уж чего я совсем не ожидал услышать от него, так это откровенного признания в том, что он гурман: оказалось, Саша умеет самостоятельно приготовить не то что сибирские щи или котлеты по-киевски, а когда есть время, и затейливую уху, и рябчика, жаренного в сметане, и гурьевскую нашу так, что и кедровый орех, и миндаль, и лимонная цедра заявят о себе. В соседней с кабиной экскаватора подсобке по настоянию младшего Аксенова администрация установила электроплиту. Саша не только обучил всех ребят кулинарному делу, но в дни, когда дежурство по «камбузу» выпадает на его долю, готовит такие обеды — пальчики оближешь. По единодушному признанию бригады это означает, что коллектив побывал в ресторане «У Аксенова».

Полная противоположность Александру — Виктор Лапшин, старший механик экскаватора. Малоразговорчивый, мечтательный, но и столь же решительный и конкретный в своих делах, Виктор вырос в деревне. С детства мечтал стать астрономом. Мальчишкой соорудил на крыше сарая «обсерваторию», сконструировал из старого отцовского полевого бинокля телескоп и ночи напролет «бороздил» звездное небо. После ГПТУ поработав электриком, двинул в Ленинград, поближе к Пулковской обсерватории. Попытался было устроиться туда на работу, но электрики в то время не требовались. Были нужны механики. Тогда-то и поступил он в Ленинградский горный институт. А когда окончил его и получил приглашение в аспирантуру, почувствовал, что за книгами сидеть ему наскучило. Поехал в Донбасс, несколько лет проработал в глубокой шахте, узнал, почем фунт лиха. Однажды, возвращаясь с работы, прочитал в журнале о начале монтажа «ЭШ-100-100». В тот же вечер написал письмо в партком угольного разреза, а еще через две недели «высадился со своим десантом» — женой и дочкой на вокзале в Назарове.

— У Виктора золотые руки и голова под стать им, — говорят о нем в бригаде. — С машиной-экскаватором, как с детским конструктором, управляется. Больше всего любит дежурить в ночную смену.

— В полночь с вершины стрелы крана звездное небо как на ладони, — с восхищением говорит Виктор и тут же умолкает, исчерпав слова.

Таким же молчуном представляется мне и Саша Горбунов — главный энергетик шагающего. Саша носит шкиперскую бородку, говорит тихим голосом и отличается завидным чувством юмора. В тайге, за многие версты от дома, он ориентируется, как в электронике (Саша и телевизоры сам собирает и магнитофоны чинит всей бригаде, когда надо). Собственный автомобиль оборудовал такими «секретами», что любой угонщик, если и залезет в машину, то уж вылезти из нее сможет только с помощью владельца.

Когда монтировали экскаватор, создатели машины долгое время не могли решить одну проблему: машину запускали, она «набирала обороты» и тут же отключалась. Больше недели бились специалисты над устранением

неполадки. Из-за этого зашли в тупик пусконаладочные работы, стали срываться графики ввода в строй «ЭШ-100-100». В то самое время Горбунов был в отъезде. Но когда вернулся, понаблюдав за поведением приборов, и тут же пришел к выводу, что отключающиеся устройства спешат выполнять команду из-за сильной вибрации. Тогда же он предложил под каждый прибор поставить амортизационное устройство, и через день машина заработала на полную мощность. Потом бригаде понадобился целый месяц, чтобы уговорить Горбунова оформить свою идею как рацпредложение.

...Вроде бы ковш, вгрызаясь в породу, наполняется, как обычно, но А. Шкаруба недоумен своей работой.

— Надо посмотреть крайнюю коронку, — говорит он, обращаясь к Николаю Васильеву. Коля работает первым помощником машиниста по механической части, обладает недюжинной силой и застенчивостью первоклассника, оказавшегося перед учителем с невыученными уроками. Вместе с Николаем мы идем вниз. «Короночка» и вправду затупилась, но, чтобы ее сменить, нужен кран. Как-никак, а веса в ней сорок пудов. На помощь Николаю приходит Петр Джебко, Анатолий Тотов, Саша Савченко. Через двадцать минут «стоматологическая операция» завершена. До конца смены еще несколько минут, и мы идем к Аксенову пить чай. Александр Савченко садится в сторонке от нас и спешит закончить поэтическое приветствие бригаде, которая в дни работы XXVI съезда КПСС обязалась досрочно выполнить месячное задание и, как только что выяснилось, слово свое сдержала.

...Три мощных гудка означают, что машина остановлена. Рабочее время истекло. На высоком откосе появился автобус, который доставит бригаду в управление, где ребята примут горячий душ, переоденутся, зайдут в магазин за покупками.

— Не спешите расходиться, — предупреждает всех Виктор Лапшин. — Сегодня мы наконец-то решим спор между Шкарубой и Аксеновым. Толя обещал Александру, что с первого раза, не повредив и не уронив бутылки из-под шампанского, вдавит в ее горлышко пластмассовую пробку... ковшом экскаватора.

Коля Васильев приносит из подсобки стеклотару, легонько, всего на один миллиметр, вставляет пробку и опускает подопытную посудину на землю, в том месте, где появится стотонный ковш. Мы отходим в сторону на почтенное расстояние и приседаем на корточки. От бутылки до кабины, где сидит А. Шкаруба, метров семьдесят. Быстро смеркается, и мы понимаем, что бригадир не выиграть спора у своего оппонента. Как бы ни владел машиной Анатолий, как бы ни чувствовал пульт экскаватора, бутылка в пыль разлетится от легкого прикосновения к ней стального «кулака».

Ковш висит над пяточком, где висит стеклянный сосуд, потом медленно опускается вниз и замирает над самой макушкой пробки. Сантиметров десять, не больше, отделяют его от вершушки. «Ну, еще немножко», — мысленно шепчу я Анатолию.

Нет, не видать сегодня успеха Шкарубе. Слишком быстро темнеет, да и целая рабочая смена позади. Притупилась чувствительность пальцев, устали от искрящегося на солнце снега глаза... Так оно и есть. Медленно уползает кверху стальной ковш, могучая стрела плавно отводит его в сторону и опускает в карьер. Мы уже готовы разойтись, но для приличия ждем бригадира. Я представляю, какие насмешки посыплются на него, когда все мы окажемся в автобусе. Надо найти какие-то слова, чтобы защитить Анатолия. Коля Васильев широкими шагами направляется к бутылке, но неожиданно останавливается и бежит обратно. Охваченные азартом, все мы забыли, что еще не прозвучали три обязательных гудка, означающих, что машина остановлена. И в тот же миг шагающий разворачивается в нашу сторону, и в наступающих сумерках мы видим, что его ковш наполнен до краев. Потом трехсоттонная громада зависает над бутылкой и, плавно опустившись, мягко вжимает пробку в горлышко посуды. И тут же над притихшим заснеженным полем, как залп салюта в честь мастерства бригадира, звучат отрывистые могучие гудки.

...Наука должна быть постоянным «возмутителем спокойствия», показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, успешней.

Из доклада
Генерального секретаря ЦК КПСС
товарища Л. И. БРЕЖНЕВА
на XXVI съезде КПСС.

Вы, наверное, обратили внимание, что в партийных документах, в статьях и выступлениях ученых, связанных с эксплуатацией богатств природы, все чаще рядом со словом «использование» стоит слово «защита»?— спрашивает Орлов.— Пожалуй, нет сейчас в этом отношении более ответственного участка, чем использование и защита почвы— основы нашего и экономического и экологического благополучия. Подумайте,— взволнованно продолжает ученый,— мы охраняем редких животных, вносим их в Красную книгу, начинаем беречь растения, запрещаем даже рвать полевые цветы, а о почве, без которой не могут существовать ни животные, ни растения, ни сам человек, забываем. Убеждены подчас, что она вечна и неисчерпаема, как бы с ней ни обращаться.

Я слушаю ученого, и на память приходят

наоборот, это значит интенсивно использовать землю, получая от нее максимум. Недаром почву зовут матерью урожая, плодонося, она набирается сил, хорошеет.

— Возьмем теперь такой вопрос, как отчуждение земель под строительство, железные дороги, водохранилища,— продолжает Орлов.— Все это, безусловно, необходимо. Но и здесь нельзя забывать о ценности или, вернее, бесценности почвы. В нашей стране принято немало постановлений, связанных с защитой почвы. Например, дорожники, добытчики, строители перед началом работ должны снимать верхний, плодородный слой и передавать его в сельское хозяйство. Но всегда ли это соблюдается? К сожалению, далеко не всегда. Если при строительстве ломают деревья, нарушителей теперь штрафуют. Дерево имеет цену, сломал— плати. А вот на почву цена не установлена. Получается, что с собст-

«ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ»

«И ДЫШИТ ПОЧВА И СУДЬБА»

Это произошло на хлопковых полях Средней Азии. На некоторых участках орошаемых земель урожай вдруг начал резко снижаться, хлопок-сырца здесь собрали на 4—5 центнеров с гектара меньше, чем на тех же участках в предыдущие годы, да и качество волокна оказалось значительно ниже. Ученые установили, что причина— смыв и размыв почв при орошении.

Явление это само по себе известно давно, но сейчас особенно остро стал вопрос, как его преодолеть. Ведь хлопкоробы Средней Азии из года в год увеличивают ввод орошаемых земель. Если заранее не предусмотреть и не ликвидировать в зародыше отрицательные последствия смыва почв при орошении, сколько же ценнейшего урожая будет потеряно!

— Для нас, почвоведов, в решениях XXVI съезда по вопросам сельского хозяйства особенно ценно то, что широта размаха предполагаемых работ сочетается с глубокой научной обоснованностью,— говорит заместитель декана факультета почвоведения Московского университета, заведующий кафедрой химии почв Дмитрий Сергеевич Орлов.— Дело в том, что сама система рационального земледелия должна быть почвозащитной, рассчитанной на сохранение и улучшение земель. При такой системе, скажем, смыв почв при орошении, что нередко происходит сейчас, будет просто невозможен. Она поможет избежать и других ошибок в землепользовании, за которые потом приходится расплачиваться высокой ценой. Ведь природа не только чрезвычайно щедра, она умеет и жестоко мстить.

факты, которые знают, наверное, все, знают, но не всегда в них вдумываются.

...Невероятно и удивительно, но Земля пока единственная известная нам планета, покрытая чудодейственной пленкой, способной производить урожай. Но как тонка она! Слой в несколько вершков, не больше. И лежит он не на всем земном шаре, а только на суше, да и то лишь на малой ее части. Эта иногда серая, иногда черная корочка насыщает сегодня больше четырех миллиардов человек!

Чтобы вырастить вырубленные леса, восстановить численность некоторых исчезающих животных, нужны десятки лет; чтобы вернуть жизнь почве— сотни и даже тысячи. Ведь она плод сложнейших процессов, протекающих на земле и в атмосфере, плод изменения пород под воздействием солнца, дождя и ветра, она естественноисторическое тело, она произошла, как писал Ломоносов, «от согнания животных и растительных тел... долгою времени», долгою в тысячелетия.

Сейчас человек по-настоящему понял ценность каменного угля, нефти и других полезных ископаемых. Однако еще на рубеже нашего века знаменитый почвовед В. В. Докучаев писал, что русский чернозем дороже каменного угля и нефти, дороже золота. Со временем люди научатся обходиться без некоторых полезных ископаемых, придумают, чем заменить их. Без тоненькой плодоносящей пленки планеты человек не может существовать, она его кормилица, она есть и останется основой экологической цепочки, связующей все живое на земле. Поистине «и здесь кончается искусство, и дышит почва и судьба...».

— Но от кого надо охранять почву, почему? Неужели от человека, столь зависимого от нее?— спрашиваю я ученого.

— Увы...— печально улыбается Дмитрий Сергеевич.— Точнее, не от человека, а от некоторых непродуманных его действий, продиктованных, с одной стороны, желанием побольше получить, взять от земли, не думая о последствиях, а с другой— недостатком знаний о законах, по которым она живет и развивается. Ведь «охранять» не значит «не трогать»,

венностью народа, общим нашим богатством можно обращаться как угодно. Земли много, дескать, беречь ее нечего. Думается, что настало время более всесторонней охраны почвы в законодательном порядке.

— Но ведь существует комиссия охраны почвы при Министерстве высшего образования? Вы, кажется, ее председатель?

— Да, мы входим в секцию охраны природы Минвуза. Однако наша комиссия— научный и совещательный орган, она лишь координирует работы ученых, дает рекомендации... Ведь чтобы наметить участки отставания и понять, как их ликвидировать, необходим запас фундаментальных знаний. Мы, например, изучаем почву в различных аспектах, пытаемся понять законы, по которым она развивается, живет, дышит, установить, что ей полезно, а что для нее губительно. Еще Маркс высказал мысль о том, что земля постоянно улучшается, если с ней правильно обращаться. Наша наука помогает заглянуть вперед, предусмотреть все возможные последствия вмешательства человека в живой организм почвы и, словно в хирургии, свести его к минимуму. Этому мы учим будущих специалистов-почвоведов, без которых сегодня не может обойтись не только сельское хозяйство, но почти любая отрасль промышленности. Охрана и рациональное использование земли становятся глобальной проблемой современности.

В КАРШИНСКОЙ СТЕПИ

Несколько студентов и преподаватель с деловым видом взяты возле лабораторной установки, определяющей смыв почвы при искусственном поливе. Этим летом они работали

в Средней Азии, вместе с учеными кафедры физики и мелиорации почва участвовали в выдаче научных рекомендаций, как наиболее рационально вести орошение новых участков целинных земель.

Каршинская и Джизакская степи в Узбекистане, юго-запад Туркмении — вот места, где уже много лет бывают студенческие экспедиции Московского университета. Еще только строится четвертая очередь Каракумского канала, а ученые-почвоведы и географы уже изучают территорию, куда канал даст воду, составляют проект орошения, заранее учитывая все его последствия.

...Журчит в установке поток воды, подхватывает и уносит частички почвы.

При неправильном поливе смывается плодородный слой, земля не удерживает влагу, из почвы вымываются удобрения и засоряют, а порой и отравляют водоемы. Неправильный вред приносит смытые почвы не только сельскому хозяйству, но и дорожному строительству, транспорту, энергетике и, наконец, здоровью человека. Тянется экологическая цепочка ущерба, последствия с каждым звеном становятся более губительными.

Многие ученые считают сегодня, что эрозия почв не столько природное, сколько социальное явление. Она свидетельствует о неправильном использовании земли, бездумном вторжении в законы ее жизни.

В США, например, в результате усиленной эксплуатации почвы ежегодно появляется 180—200 тысяч гектаров бросовых земель. Двадцать процентов удобрений вымывается из почвы. Это значит, что каждый пятый завод, производящий удобрения, работает холостую. Миллион долларов в день идет в США на то, чтобы «можно было налить из водопровода стакан прозрачной воды, а не воды, больше похожей на разведенную грязь». Такие данные приводит в книге «Охрана природных ресурсов» американский эколог Оуэн.

В нашей стране эрозия почв тоже причиняет огромный вред.

— Большой ущерб почве приносит так называемый полив по бороздам, распространенный на хлопковых полях Средней Азии, — говорит доктор биологических наук М. С. Кузнецов.

Михаил Сергеевич — выпускник Московского университета, окончил его в 1963 году. Здесь учился в аспирантуре, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В экспедициях в Средней Азии работает уже много лет.

— Мы занимаемся разработкой теоретических основ эрозионных процессов, а потом привязываем наши выводы к конкретным местным условиям. Особенно важно и в то же время особенно трудно дать прогноз развития эрозии на еще не освоенных землях, которые никогда не орошались, заглянуть вперед на десятки лет и проект орошения сделать таким, чтобы не допустить смыва почв, не дать развиваться эрозии, — рассказывает ученый. — Мы выводим уравнение смыва...

...Внедрение в биологические науки математики, сложных физико-химических исследований, вычислительной техники стало сегодня нормой. Без них биология развиваться не может. Об этом сказал с высокой трибуны XXVI съезда партии президент Академии наук СССР академик А. П. Александров. Но при всех новых методах большое значение остается за огромным трудом исследователей, когда берутся бесконечные пробы воды в бороздах на мутность, замеряется, сколько почвы несет поток, расход воды, ширина потока, его скорость, уклон борозды и так далее и так далее. А сколько анализов почвы приходится проводить! Исследуется ее водопроницаемость, структура, рассчитывается скорость струи, которую выдерживает почва, длительность полива, и только после всего этого можно приступать к выработке рекомендаций по технологии полива...

— Наши работы вошли в проект орошения второй очереди Каршинской степи, — продолжает рассказывать Кузнецов. — Это гарантирует, что эрозия там развиваться не будет. Конечно, если соблюдается режим полива. По подсчетам специалистов, экономический эффект этой работы при внедрении составит не менее миллиона рублей в год.

Экономический эффект... А какой суммой можно оценить экологический эффект? А воспитательный? Ведь во время таких исследований студенты на деле познают глубокий смысл и благородство своей будущей профессии...

ТЕХНОГЕННЫМ ПУСТЫНЯМ — НЕ БЫТЬ

На одной из международных конференций, связанных с охраной окружающей среды, в зале заседаний висели плакаты: «Если мы не покончим с загрязнением природы, то загряз-

нение покончит с нами»; «Одно из двух: или люди сделают так, что в воздухе станет меньше дыма, или дым сделает так, что на земле станет меньше людей».

Эти весьма категоричные лозунги невольно вспомнились мне во время беседы с доктором биологических наук профессором Н. Г. Зыриным. Нет, Николай Георгиевич и не думал сгущать краски. Мало того, ученый с полным основанием утверждал, что в Советском Союзе в отличие от многих капиталистических стран Европы и Америки с сохранением чистоты окружающей среды, в том числе и почвы, дело обстоит более благополучно. Но ведь наука — «возмутитель спокойствия», долг ученых — поднимать тревогу раньше, чем подошла опасность, и, главное, заранее находить меры защиты от надвигающейся беды.

Уже несколько лет исследователи Московского университета на кафедрах химии, географии и биологии почв ведут интересные работы, связанные с локальным загрязнением почвы. Дело в том, что почва чрезвычайно чувствительна ко всем процессам, протекающим на земле и в атмосфере. Например, в Швейцарии был такой случай. В деревне вблизи алюминиевого завода после сильного ливня вдруг стал гибнуть скот. Виновином оказался фтор. Из труб завода он попал в атмосферу, а из нее — в почву. Ливень усилил выпадение фтора.

Выяснено, что вокруг некоторых промышленных центров радиус загрязнения почв за счет осаждения аэрозолей и выпадения вредных веществ с дождем и снегом доходит до ста километров.

Во многих странах бензин содержит больше свинца, чем у нас. Это сильно отравляет почву вблизи шоссе дорог.

Источником загрязнения являются и сточные воды промышленных центров. В Японии, например, среди населения вдруг стала развиваться тяжелая болезнь. Выяснилось, что причиной заболевания был рис, выращенный на плантации, которую поливали сточными водами, содержащими кадмий, от предприятия цветных металлов.

Вредные примеси через трубы промышленных предприятий попадают в атмосферу и, включаясь в глобальный круговорот из-за определенных законов движения в атмосфере и океане, попадают в основном на северные страны. Из высоких труб заводов ФРГ выбрасывается сернистый ангидрид и... выпадает со снегом и дождем на территорию Швеции и Норвегии. Анализ льдов в Гренландии показал, что они содержат в тысячу раз больше свинца, чем древние льды. Вредные вещества с промышленных предприятий США обрушиваются на Канаду. В этой стране есть область, которая превратилась в техногенную пустыню. Там нет ни растений, ни животных. Почва умерла.

— Техногенная пустыня, техногенное загрязнение — эти термины стали, к сожалению, все чаще встречаться в литературе об охране биосферы, — говорит Николай Георгиевич Зырин. — Мы, в частности, изучаем загрязнение почв, связанное с производством цветных металлов, а также вблизи крупных транспортных магистралей. Не надо преувеличивать опасность этого явления в нашей стране, но и нельзя не обращать на него внимания. Термин «тяжелые металлы» объединяет целую группу элементов, таких, как свинец, цинк, кадмий, ртуть, медь, мышьяк, а изучаются также йод, бром, фтор, магний и некоторые другие вещества. В малых количествах большинство из них необходимы почве, повышают ее плодородие, в больших — наносят вред. Чтобы это определить, надо выяснить, каков местный «фон» в той или иной части страны, каково содержание этих элементов в почве, не подверженной техногенному влиянию. «Фон» этот везде разный, он зависит от местных условий. Поэтому первая задача, — продолжает рассказывать Зырин, — составление специальных карт, стандартизация тяжелых металлов в почве.

Вот уже три года экспедиции Московского университета работают в разных частях страны, составляя карты «фона», в лабораториях ставятся модельные опыты, позволяющие определить, как влияют разные количества тяжелых металлов на растения. Исследователи наблюдают, как развиваются растения, сколько содержится токсичных элементов в зеленой массе, в зерне.

Николай Георгиевич подходит к шкафу, достает тоненькую тетрадку:

— Я хочу прочесть одну фразу из статьи Вернадского «Научная мысль, как планетное явление». Этот удивительно интересно мыслящий ученый ввел термин — ноосфера. Понятие ноосферы, пишет он, «находится в полном созвучии с основной идеей, проникающей в научный социализм». Речь здесь идет о разумном взаимодействии природы и общества, о рациональном использовании богатств планеты. А путь к нему лежит через изучение

всех сторон влияния человека на природу, и в частности на почву. В создании безотходных промышленных методов. В бережном отношении ко всему живому...

КОГДА МЫ ОТДЫХАЕМ

Человек оказывает воздействие на почву, обрабатывая ее, когда пасет скот, когда строит города, каналы, железные дороги, добывает полезные ископаемые, когда просто отдыхает в лесу, в горах, на берегу реки. Эти связи людей с природой становятся объектом пристального изучения почвоведов.

Уже около десяти лет в МГУ существует дружина по охране природы, куда входят студенты всех курсов и аспиранты. Научная работа органически сочетается здесь с общественной, она направлена не только на то, чтобы понять многосторонние связи человека и земли, но и сохранить для потомков ее красоту.

Уже налицо конкретные результаты. Взять хотя бы Цейское ущелье, одно из прекрасных мест Северного Кавказа, где несколько лет работала дружина. В любое время года здесь бывают тысячи туристов, некоторые из них даже не предполагают, насколько ценен ландшафт, растительный и животный мир этого уникального места, словно созданного природой для отдыха людей.

Иногда бывает так, что отдыхающие по неведению наносят почве и растениям непоправимый ущерб. Кроме того, почва часто просто не выдерживает наплыва людей, смертельно устает.

Во время экспедиций дружинники проделали анализы физических и химических свойств почвы, ее твердости, структуры, состава. Они собрали много данных об усиленной нагрузке на почву в этом районе. Кроме того, ребята привели в порядок окрестности турбазы, выделили участки леса и лугов, которые особенно устали от людей, и на плакатах вежливо попросили туристов временно не ходить здесь, дать природе отдохнуть. Студенты составили перечень деревьев и цветов в этом районе, нуждающихся в охране, описали, как они выглядят, разъяснили отдыхающим, в чем их ценность, наметили новые, более рациональные туристские тропы. В результате родился научно обоснованный проект использования турбаз с учетом восстановительных мероприятий. Проект рассмотрен дирекцией заповедника и одобрен республиканским правительственным органом. Сейчас проект одобрен, приняты действенные меры по охране «жемчужины Северного Кавказа», как пишут об ущелье в рекламных проспектах.

Я беседую с научными руководителями студенческой дружины по охране природы факультета почвоведения доктором биологических наук Л. О. Карпачевским.

— Сейчас мы начали очень интересную и важную и в научном и в общественном смысле работу, — говорит Лев Оскарович. — Пытаемся выяснить характер изменений, происходящих в природе во время отдыха после интенсивной работы, узнать, как восстанавливает природа свои силы. Исследование ведем в Карпатах, там, где шла туристская тропа к вершине Говерла. Сейчас турбазу передали как научную базу Львовскому университету, совместно с которым мы и ведем эту работу.

Дружиной я занимаюсь лет десять, — продолжает рассказывать Карпачевский. — За это время сменилось несколько поколений студентов, некоторые закончили и университет и аспирантуру, защитили диссертации. Вел работу в дружине способствует развитию интереса к будущей профессии, развивает инициативу, самостоятельное мышление, учит бережному отношению и любви к природе, к Родине.

Однажды в Московский университет пришло письмо из легендарного Козельска, того самого «злого города», который сопротивлялся полчищам Золотой орды до тех пор, пока не пал последний защитник. В письме говорилось, что нуждается в охране исторический сосновый бор, редкий памятник природы. Дружинники организовали экспедицию в Козельск. Они провели обследование, наметили ряд мероприятий по сохранению и восстановлению бора. Замечания были переданы в горком, где ребят выслушали с интересом и благодарностью. Сейчас это историческое место сохранено.

...Так будущие специалисты, будущие исследователи с юности учатся быть «возмутителями спокойствия» ради «возможности двигаться вперед быстрее, успешнее», начинают по-настоящему понимать, как должен человек их профессии любить и знать землю, делают первые шаги в тот удивительный мир, что дарует жизнь всей планете.

«НАЕДИНЕ С ТОБОЮ, БРАТ...»

Весной 1840 года за дуэль с Барантом Лермонтов был переведен по «высочайшему указанию» из гвардии в Тенгинский пехотный полк на Кавказ. Сохранились воспоминания современников о последнем пребывании Лермонтова на Кавказе. Среди них особый интерес представляют сведения о Лермонтове кавказских офицеров, с которыми он встречался в этот период. В этом очерке рассказывается о Лермонтове и его близких друзьях и сослуживцах по Кавказу Руфине Ивановиче Дорохове и Николае Павловиче Раевском. Воспоминания этих офицеров дошли до нас в пересказе других людей и не получили широкой известности. Между тем они отличаются особой задушевностью и теплотой и сообщают значительные факты и подробности из жизни поэта и его окружения. Не менее интересна и судьба самих авторов воспоминаний.

С. ЧЕКАЛИН

С Дороховым Лермонтов познакомился летом 1840 года в отряде генерал-лейтенанта Галафеева, куда оба были прикомандированы для участия в военной экспедиции в Большую и Малую Чечню. Отчаянной храбрости офицер «из породы удалцов, воспетых Денисом Давыдовым», честный и благородный в своих порывах, но вспыльчивый до безрассудства, Дорохов слыл известным на Кавказе бретером и неоднократно бывал разжалован. Его первая встреча с Лермонтовым тоже чуть не окончилась дуэлью. Дорохову показалось, что новоприбывший поручик ведет себя высокомерно и насмешливо.

Но «мало-помалу неприятное впечатление, им на меня произведенное, стало изглаживаться, — вспоминает Дорохов. — Я узнал события его прежней жизни... В одной из экспедиций, куда пошли мы с ним вместе, случай сблизил нас окончательно: обоим нас чуть не изрубили, и только неожиданная выручка спасла нас. В походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости или на водах, при скуке и безделье».

Знакомство с Дороховым переросло в дружбу. И когда Дорохова ранили, Лермонтов получил в наследство от него «отборную команду охотников, состоящую из ста казаков... нечто вроде партизанского отряда». С этой командой «удалых налетов» Лермонтов показывал чудеса храбрости, появляясь неожиданно в самых опасных местах во время стычек с горцами. Он умел расположить к себе подчиненных, полностью разделяя с ними все тяготы походной жизни: ему приходилось вместе с ними спать на голой земле, есть из одного котла.

В походе Лермонтов ходил «то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо чер-

несскою шашкой... В кругу своих товарищей, гвардейских офицеров, участвующих вместе с ним в экспедиции, он был всегда весел, любил острить... Когда он оставался один или с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение».

Таким и запечатлен Лермонтов в альбомных рисунках сослуживцев. На одном из них поэт изображен в профиль, в военной фуражке (рисовавшему удалось схватить живое, непринужденное выражение лица), на другом — Лермонтов в кругу друзей на привале. Рисунки сделаны в конце июля 1840 года вскоре после сражения у реки Валерик, когда отряд генерала Галафеева стоял лагерем у Миатлинской переправы и затем направился к крепости Темир-Хан-Шура.

Все лето и осень 1840 года Лермонтов провел в экспедициях. В официальных донесениях он неоднократно представлялся и наградам, но в высших инстанциях его вычеркивали из списков. А без возможности отличиться не было надежды получить отставку. «Славный малый — честная, прямая душа, — сообщал Дорохов о поэте в одном из своих писем после ранения. — Мы с ним расстались со слезами на глазах... Жаль, очень жаль мне Лермонтова, он пылок и храбр — не сносить ему головы». Очевидно, тогда Лермонтов написал свое «Завещание».

Наедине с тобою, брат.
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой,
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

Лишь зимой удалось Лермонтову получить краткосрочный отпуск в Петербург. Но хлопоты об отставке закончились неудачей. И снова высылка на Кавказ. По пути в действующий отряд Лермонтов остановился на лечение в Пятигорске. К этому периоду относятся воспоминания поручика Н. П. Раевского, который встречался с Лермонтовым в Пятигорске и явился свидетелем последних событий в жизни поэта.

Долгое время эти воспоминания из-за ряда неточностей, допущенных при их пересказе другим лицом, не считались достоверными. Между тем многие факты, сообщенные Раевским, впоследствии подтвердились. В частности, подтвердилось утверждение Раевского того, что секундantom у Лермонтова был Глебов, а у Мартынова — Васильчиков, а не наоборот, как считалось по материалам следствия. Благожелательно отзывался Раевский и об участии Дорохова в судьбе поэта, о его попыт-

ке не допустить дуэли. Обнаруженные уже в наше время материалы о Дорохове и его дружбе с Лермонтовым объяснили мотивы такого поведения и показали несостоятельность ранее существовавшей версии о подстрекательской роли Дорохова в дуэли, распространенной его недоброжелателями.

Но особое внимание привлекает та часть воспоминаний, которая непосредственно касается Лермонтова. Наблюдая поэта в близком кругу, Раевский с полным пониманием мог судить об особенностях его характера: «Любили мы его все. У многих сложился такой взгляд, что у него был тяжелый придирчивый характер. Ну, так это неправда: знать только нужно было, с какой стороны подойти. Особенным неженкой он не был, а пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел, но с людьми простыми и искренними и сам был прост и ласков».

Несмотря на интерес и ценность этих воспоминаний, до недавнего времени о самом Раевском ничего не было известно. Автору данного очерка удалось собрать некоторые сведения о личности и судьбе Н. П. Раевского. Он родился в 1818 году в уездном городке Елатъма, Тамбовской губернии. Одиннадцати лет его отдали в кадетский корпус, из которого он был выпущен прапорщиком в 1838 году и отправлен на Кавказ в Кабардинский егерский полк. За отличие в делах Раевский в 1839 году произведен в подпоручики. В 1841 году в звании поручика выходит в отставку и вскоре поступает в Московский университет на медицинский факультет, который и окончил дониторантом. Возможно, что столь необычная для офицера перемена в судьбе произошла под влиянием Лермонтова, мечтавшего об отставке, и известного медика, профессора Московского университета И. Е. Дядковского, который в 1841 году отдыхал в Пятигорске и встречался с Лермонтовым и его

окружением. В Крымскую войну Раевский пошел служить в ополчение. После войны бывал за границей, совершенствуя свои знания по медицине. Последние годы работал врачом в Одессе, где и умер в 1889 году. В некрологе сообщалось о нем, как об одном «из немногих искренних друзей поэта».

По-иному сложилась судьба Р. И. Дорохова. После смерти Лермонтова он продолжал служить на Кавказе. В 1851 году в Пятигорске с Дороховым встретился журналист Дружинин, которому мы и обязаны появлением статьи о Лермонтове, написанной на основе дороховских воспоминаний. Дорохов с большой охотой и любовью рассказывал о Лермонтове, но, по словам Дружинина, сам «отказался набросать хотя несколько заметок о своем покойном друге, отговариваясь ленью и служебными делами...».

«...Последняя причина была уважительная, — добавляет Дружинин, — наш приятель собирался в экспедицию...». За день до выступления Дорохов, укладываясь в поход, показал Дружинину бережно хранимые им лермонтовские вещи, в том числе альбом с неизвестными стихами и рисунками Лермонтова. Из этого похода Дорохов не вернулся. Отряд, в котором он находился, попал в засаду в Гойтинском ущелье и был полностью истреблен. Как будто его судьбу предсказывал поэт в «Завещании»:

Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали...

Последние годы жизни Лермонтова на Кавказе действительно тесно связаны с именами Дорохова и Раевского. Но, к сожалению, до сих пор мы не располагаем ни их портретами, ни сведениями о судьбах архивов и лермонтовских реликвий, им принадлежавших. Дальнейшие поиски в этом направлении могли бы привести к интересным находкам.

Лермонтов и его кавказские сослуживцы на привале в 1840 г. Рисунок из альбома П. А. Урусова.

Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения. Товарищи по работе встречают делегата XXVI съезда КПСС бригадира Анатолия Осипова (в центре).

РЕПОРТАЖ ИЗ БРИГАДЫ
ДЕЛЕГАТА XXVI СЪЕЗДА КПСС

КОЛХОЗ ТОКАРЕЙ

Ю. ЛУШИН
Фото автора

...Ровно в восемь, как обычно, он включил станок. Ровно в восемь, и ни секундой позже. Осипов улетал в Москву вечерним рейсом, а до вечера было еще вон сколько времени — целый день. Многие делегаты XXVI партийного съезда от столицы Казахстана и Алма-Атинской области улетали этим же рейсом, и для всех этот день был свободным. Для Осипова, бригадира токарей, — тоже, но он как-то вдруг растерялся, поняв, что целый день предстоит ничего не делать, и... поехал на завод. В цехе его встретили без удивления, как будто так и быть должно. Старый товарищ, звеньевой Александр Кузьмич Валежжанин, спросил в шутку:

— Что, Саша, боишься, как бы мы план без тебя не завалили?

— Не в том дело, Кузьмич, — ответил Осипов, закрепив деталь в станке и словно не заметив шутливого тона друга, — просто здесь, рядом с вами, мне лучше думается. Сам понимаешь, событие какое — съезд. Еду как на исповедь. Себя, совесть свою спрашиваю: достаточно ли сделал, чтобы мне честь такую оказали, правильно ли жил все эти годы? Достаточно ли все мы сделали? Знаю, знаю, о чем сказать хочешь. Верно, пятилетку выполнили досрочно, дали шесть годовых норм, обязательств, взятые в честь XXVI съезда КПСС, тоже перевыполнили, рубежи на новое пятилетие наметили высокие. Все это так, но что-то меня начинает тревожить, а что — сам не пойму...

— Хочешь, скажу, — улыбнулся Валежжанин. — Ты думаешь, не слишком ли мы спокой-

но жить стали, не слишком ли гладко все у нас получается...

— Вот, вот, — обрадовался Осипов, — успокаиваться-то рано. Если успокоимся — конец бригаде. Помнишь ведь, как мы ее создавали?

Да, то была дерзкая затея — сплотить законченных «единоличников» в коллектив, бригаду, работающую на единый наряд. Испокон века было на предприятии заведено, что каждый токарь работал сдельно, отвечал только сам за себя. И получалось, что за общее дело вроде и ответственных не найти. И вот несколько лет назад по заводу слух прокатился, будто токарь Осипов из второго механического «колхоза» организовал и сам же председателем стал. Из первого механического приходили гонцы, из сборочного и даже из модельного...

Сразу бросалось в глаза, что все парни бригады Осипова щеголяли в одинаковых кепочках. Но кепочки — это еще не признак «колхоза». И вот тоже какую странность заметили гонцы. Молодой и не такой уж опытный Виктор Щербуль вытачивал довольно сложный вал, а у аса токарного дела Александра Кузьмича Валежжанина крутились на станке простенькие детали.

— Слышь, Кузьмич, объясни нам, что тут у вас творится, — приставали к нему, — ты ведь на этих деталях пшик зарабатываешь.

— А на меня вон Виктор работает, — улыбался в ответ Валежжанин, — мы с ним в одном «колхозе». Впрочем, я тоже работаю на него...

— Как это? — волновались гонцы.

— А так, — объяснял им бригадир Анатолий Васильевич Осипов, — мы теперь все работаем по единому наряду, и кончились у нас свары из-за выгодной и невыгодной работы. Все стало выгодными.

— Значит, уравниловка? Значит, последний

лодырь одинаково с Кузьмичом будет зарабатывать?

— У нас лодырям жить будет трудно, — отрезал Осипов, — потому что заработок теперь лишь от одного зависит — от меры радения за общее дело. Так наше бригадное собрание постановило. Совет бригады определит потом коэффициент трудового участия — КТУ — каждого.

На том и разошлись. Одни с оптимизмом, другие с сомнениями. Впрочем, минуло совсем немного времени, и сомнения отпали, потому что бригада Осипова с тех пор никому первенства не уступала. И на заработки почему-то никто там не жаловался. Начинать в «колхозе» восемь человек, а сейчас на единый наряд трудятся уже около пятидесяти. И ничего, живут дружно...

— Что в основном учитывает коэффициент трудового участия? — спросил я однажды Осипова при встрече. — Количество сделанного?

— Количество тоже, но оно не всегда главное. У нас ведь нет конвейера, сегодня заказ один, завтра другой. Поэтому КТУ учитывает работу во всей ее сложности, но и не только работу, а еще и личность каждого, его отношение к труду, его сильные и слабые человеческие стороны. Обработку коротких деталей я поручу, например, Александру Репалову, потому что всем известно — он в этом деле ас. Зато Дияр Шаришев или Юра Сафронов — мастера нарезки резьбы, а Егор Грачев безукоризненно выточит длинные детали. И никаких тут споров из-за выгодной или невыгодной работы. Каждый делает работу по душе — точно и качественно...

Да, выгоды бригадного метода сказались сразу. В конце смены не нужно было снимать свою деталь, чтобы освободить станок сменщику, не нужно лишний раз подбирать инструменты и оснастку. Оказалось, что только на

этом терялось раньше по несколько часов в день. Родилось стремление подтянуть отстающих до своего уровня, потому что заработок зависел от общих усилий. В людях появились веселое горение, раскованность и легкость, которые шли от сознания собственной силы. Каждый вдруг зашептал поделиться с товарищем секретами мастерства.

— Я заметил,— рассказывал Осипов,— что, став бригадой, мы стали иначе относиться друг к другу. Никто из нас не пройдет мимо молодого рабочего, если видит, что тот делает что-то не так или ему просто трудно. Обязательно подскажет, как заточить резец или подобрать нужные обороты станка, нарисует эскиз детали или растолкует сложный чертеж. Иначе нельзя. Мы бригада...

«Мера радения за общее дело — вот что действительно сплавляет людей»,— думал я, проходя по цехам Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения. Завод, можно сказать, еще молодой, родился он в тихом яблоневом городе в годы войны. А теперь и город стал совсем иным, и завод вырос и продолжает расти. Ныне здесь выпускают уникальные волочильные станы, завод стал головным предприятием в стране по изготовлению оборудования для производства всех видов проволоки и осеботоронно-стенных труб малого диаметра из высоколегированных сталей и сплавов. Причем алма-атинский «Тяжмаш» отличается от других предприятий тем, что почти вся его продукция — экспериментальная, выпускается в одном-двух экземплярах. Она разрабатывается здесь же, на заводе, своими конструкторами и инженерами, с учетом конкретных заказов металлургов. Здесь же она доводится до совершенства. Так, только за последнее время тут освоили выпуск нескольких десятков сложных машин и агрегатов на основе новых технологических процессов. Продукция АЗТМ отправляется в 36 стран мира, в том числе в такие государства, известные своим высоким уровнем машиностроения, как Франция, США, Чехословакия, Япония, ФРГ, Англия.

...Я ходил по заводу и видел, как в модельном цехе рождались прообразы будущих отливок, в литейном клонотала в печах огнедышащая сталь, в конструкторском бюро рождались идеи будущих машин, в токарном по хитроумным чертежам вытачивались сложнейшие детали... Вся эта разнородная человеческая деятельность соединялась потом в сборочном цехе, воплощаясь в уникальное оборудование. Тут как раз шло испытание волочильного стана для протяжки порошковой проволоки. Я уже знал, что он в числе других четырнадцати изделий завода удостоен государственного Знака качества, и поэтому удивился:

— Зачем испытывать испытанное?

— Дело в том,— ответил один из наладчиков, Евгений Струтц,— что наши станы постоянно совершенствуются. Мы должны не только поспевать за техническим прогрессом, но хотя бы на полшага опережать его. Вот на эту модель поставлены новые, более надежные электродвигатели. Их шесть. И все шесть должны работать строго синхронно...

— Иначе?

— Иначе обрыв проволоки, брак. Ведь порошковая проволока, технологию которой разработал Киевский институт имени Патона, не что иное, как сварочный электрод, только очень большой длины — непрерывный. Порошок — это флюс, помещенный внутри проволоки. Такой необычный электрод применяется для непрерывной автоматической сварки. Представьте, что будет, если проволока начнет рваться...

Испытание стана продолжалось. И здесь людьми руководила та мера радения за общее дело, что и токарями из бригады Осипова. И подумалось: точность — вежливость токарей, более того — точность — вежливость завода. Вспомнились слова директора: «За все годы завод не имел ни одной рекламации». И подумалось: «Значит, за качество можно быть спокойным, а это — одно из главных требований нашего времени».

...Ровно в восемь, как обычно, Осипов включил станок. К нему подходили, сдержанно здоровались, просили рассказать о съезде, о московских новостях.

— Расскажу, обязательно расскажу,— отвечал он, улыбаясь,— вот только смена кончится...

Он понимал, что все не хуже его изучили материалы съезда, но он был делегатом, очевидцем великих событий. Он знал, что исторические решения съезда никого не оставили равнодушным, ощущал это по какой-то особенно приподнятой атмосфере, царившей в цехе, и радовался за своих товарищей. Еще в Москве, позвонив на завод, он узнал, что его бригада решила выполнить годовое задание досрочно — к 7 ноября.

— Это по-нашему,— одобрил он. Его особенно обрадовало то, что эта инициатива пошла не от него, не «сверху». Теперь он размышлял о том, что для них наступил новый этап в жизни, качественно новый. Он знал, что этот этап не сулит легкой жизни, но знал и другое — его товарищи легкой жизни не ищут.

Алма-Ата.

Дважды Герой Социалистического Труда А. С. Яковлев.

В просторном зале расставлены модели летательных аппаратов: планеры, авиетки, спортивные и тренировочные самолеты, истребители времен Великой Отечественной войны, современные боевые машины, вертолеты, реактивные пассажирские лайнеры... Это музей авиационного конструкторского бюро, которым руководит генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, академик Александр Сергеевич ЯКОВЛЕВ, которому 1 апреля исполняется 75 лет. Наш корреспондент А. Голиков встретился с генеральным конструктором и взял у него интервью.

В НЕБЕ ЯКИ

В Георгиевском зале Кремля. Авиаконструкторы А. И. Микоян и А. С. Яковлев с космонавтами Юрием Гагариным и Германом Титовым.

Конструкторы А. С. Яковлев и его сын Сергей за работой.

Истребитель ЯК-3 в полете. 1943 год.

В небе — пассажирский ЯК-42.

Сверхзвуковые реактивные самолеты ЯК-28.

— Как создается новый самолет?

— Создание нового современного самолета — это творческий труд многих конструкторов, ученых, инженеров, рабочих и, конечно, людей героической профессии — летчиков-испытателей. Все начинается с того, что конструктор получает задание на новый, допустим, военный самолет. Задание определяет его характеристики: экипаж, вооружение, скорость и дальность полета, высота. Эти данные следует воплотить в определенные формы. Их и должен предложить конструктор.

Обдумывая будущую машину, представляешь, как она будет выглядеть, прикидываешь мощность двигателя, оборудование, вооружение и другие главные детали. В юности, когда создавал первые самолеты, я сам делал схемы, чертежи... Теперь же я подробно излагаю свои замыслы опытным конструкторам. Они выполняют чертежи, делают схему будущего самолета, причем в нескольких вариантах. В процессе проработки проекта вношу поправки, пока не получится то, что было задумано.

Потом общие чертежи выбранного варианта поступают на детальную разработку. Каждая группа конструкторов разрабатывает какую-нибудь крупную часть машины: фюзеляж, крыло, управление, шасси, хвостовое оперение... Специальная группа инженеров ведет расчет прочности самолета. Работа весьма ответственная: самолет должен быть и прочным и легким.

Одновременно из дерева строится макет самолета в натуральную величину. Конструктор прикидывает, удобно ли расположен экипаж, как размещены аэронавигационные и контрольные приборы, оценивает внешний вид своего детища.

Это первая половина нашей работы. Вторая, тоже сложная, — производственная. В ней заняты рабочие многих профессий. После сборки самолет тщательно испытывают на земле. Потом — кульминация, первый полет нового самолета!

Первый полет своего первого самолета АИР-1 я запомнил на всю жизнь. А это было 12 мая 1927 года. На летном поле собралось много народу, день был солнечный, яркий. Замечательный летчик Пионтовский сначала порулил по аэродрому, проверяя действие рулей, потом вырулил на старт и по команде стартера поднялся в воздух. Тогда я думал, что это самый счастливый день в моей жизни, не предугадывая, что таких дней будет много.

— Создание каких самолетов доставило вам наибольшую радость и творческое удовлетворение?

— Больше всего я горжусь истребителями, которые воевали в Великой Отечественной войне. Наши доблестные летчики на Яках и на самолетах других конструкторов разгромили гитлеровский «люфтваффе», завоевали господство в воздухе, во многом способствуя победе над фашистской Германией.

Конструктор во время войны должен очень внимательно прислушиваться к отзывам летчиков-фронтовиков о своем самолете и

исправлять обнаруженные в боях дефекты, совершенствовать машину, а также помнить, что противник тоже непрерывно улучшает свои самолеты, старается создать новые, более совершенные.

Так, в небе Сталинграда нашим летчикам пришлось встретиться с новыми истребителями «фокке-вульф-190» и модифицированными «мессершмиттами». Обладая большей скоростью и сильным вооружением, они в известной степени осложнили обстановку в воздухе. Это заставило нас призадуматься, как улучшить боевые качества ЯК-1. Улучшение истребителя — дело нелегкое. Мы же хотели улучшить самолет так, чтобы он обладал всеми качествами, нужными хорошему истребителю, — скоростью, вертикальным и горизонтальным маневром... Этой идеей загорелся весь наш коллектив. В результате появился истребитель ЯК-3 — самый легкий из всех истребителей во второй мировой войне. Его максимальная скорость была 660 километров в час, он обладал мощным вооружением и отличной маневренностью. Летчики-фронтовики восторженно отзывались об ЯК-3. Да и не только они, французы из полка «Нормандия — Неман» летали тоже на наших самолетах и тоже их хвалили.

В развитии отечественной реактивной авиации наше ОКБ принимало самое непосредственное участие. Первый реактивный истребитель, принятый на вооружение советских ВВС, был ЯК-15. Затем строились ЯК-17, первый в СССР всепогодный перехватчик ЯК-25... Создавали мы и сверхзвуковые боевые самолеты, в том числе бомбардировщики, перехватчики дальнего обнаружения.

Построили мы и самолет вертикального взлета и посадки. Первые показали его на воздушном параде в Домодедове. Пилотировал машину Герой Советского Союза летчик-испытатель Мухин.

Наше ОКБ создает самолеты и для гражданской авиации. Широко известен реактивный самолет местных линий ЯК-40. Он один из самых распространенных самолетов Аэрофлота. Другой пассажирский лайнер, ЯК-42, в прошлом году тоже вышел на внутрисоюзные линии. Этот ближнемагистральный самолет берет на борт 120 человек и очень экономичен.

...Мой путь к созданию первых самолетов был нелегким. Окончив среднюю школу, я несколько лет работал на аэродроме и в авиационных мастерских на своей черной работе.

Когда в 1924 году я построил свой первый планер и увидел его в полете, мною овладело неодолимое желание сконструировать самолет. Я его построил, затем поступил в Военно-Воздушную академию. А потом, видимо, уж такова доля конструктора, захотелось создать другой — получше, потом третий... Строишь машину и думаешь: «Только бы полетела, больше ничего в жизни не надо». Машина начала летать, прошла все испытания, и рождается новая мечта — сделать другой самолет, чтобы он летал еще лучше, еще быстрее... И так всю жизнь.

ОБОРОТ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

Т. ТОРЛИНА

Наша Земля с завидным постоянством крутится вокруг своей оси и вокруг Солнца. Люди еще несколько тысячелетий назад легко и просто научились отмерять равные интервалы времени: это были солнечные сутки, разделенные на 24 часа.

Между тем жить только по световому времени трудно: шаг у него неровный. Скажем, летом день вроде бы длится бесконечно долго, а зимой солнце только-только взошло над горизонтом — и уже, глядишь, клонится к закату. И путник, говоря, например, «я ехал целый день», вкладывал в эти слова зимой в отличие от лета иное временное значение. Да что там времена года — даже в пределах одного дня понятие «восход солнца» разделено для жителей северных и южных широт несколькими часами...

Сначала, в эру парусов и ямщицких перегонов, это никому не мешало. Но когда из страны в страну, из города в город побежали по рельсам паровозы, возник вопрос: по какому времени строить движение поездов? В США, например, в различных штатах существовало тогда сто (!) систем отсчета времени. Как тут быть? Уговорились: внутри каждой страны водить составы по времени столицы государства.

В России столичное, петербургское точное время жило на Пулковских высотах — в астрономической обсерватории. По «небесным» часам выверяли часы земные, астрономические. С 1863 года точное столичное время передавалось по телеграфу во все российские телеграфные конторы, а оттуда «доставлялось» в разные города и

пункты. Впрочем, российские поезда стали пересекать и государственные границы. Как в этом случае координировать движение поездов?

От подобных неудобств больше всего страдали железнодорожники, и неудивительно, что идея «навести порядок» пришла в голову именно путейцу. Скромный канадский инженер — железнодорожник Сандфорд Флеминг предложил простую и удобную систему: он разделил земной шар на 24 часовых пояса — по 24 меридианам. Отсчет времени начинается от нулевого — Гринвичского — меридиана. Когда в нулевом поясе полночь, в первом — 1 час ночи, во втором — 2 часа ночи и так далее. Эта идея была принята в октябре 1884 года в Вашингтоне на международной конференции.

Советское государство начало жить по поясному времени с 1919 года, а к 1924 году полностью перешло на него. И все же мы, советские граждане, живем не по поясному времени.

— Сравнительно недавно, какие-нибудь 80—100 лет назад, — говорит руководитель аппарата Государственной комиссии единого времени и эталонных частот СССР Ю. А. Краснов, — человек, как правило, летом вставал вместе с солнцем, а зимою — до его восхода, чтобы полностью использовать светлое время суток. Освоив электричество, люди перестали зависеть от дневного света, и ритм жизни невольно сдвинулся к вечеру. В период первой мировой войны, когда приходилось считать каждый галлон нефти и каждый брусок угля, Германия, Англия, США нашли остроумный способ экономии топлива: они ввели у себя так называемое «летнее» время. С апреля по сентябрь, когда рано светает, стрелки циферблата переводились на час вперед. Позже и в Советском Союзе — вплоть

до 1930 года — «летнее» время вводилось неоднократно. Потом сочли необходимым распространить «летнее» время на весь год. Осенью 1930 года стрелки обратно — на час назад — не перевели. С тех самых пор точное московское время, как и время Свердловска, Иркутска, Читы, Владивостока, опережает международное поясное в каждой из своих часовых зон ровно на час. Такое время в отличие от «летнего» принято называть «декретным». Так что мы, советские граждане, уже полвека живем не по поясному, а по декретному времени. Жизнь показала, что благодаря этому у нас в стране сэкономлены десятки миллионов тонн условного топлива.

В нынешнем году, — продолжает Ю. А. Краснов, — согласно постановлению Совета Министров СССР, на всей территории Советского Союза с 1 апреля по 1 октября вводится «летнее» время, опережающее на один час нынешнее — декретное. Таким образом, с весны до осени наши часы будут обгонять поясное время уже на два часа. Чем это вызвано?

Ныне даже доли процента добываемого угля, нефти, самой энергии, которые удается сберечь, значат много. Самый простой способ экономии — летом идти на час впереди поясного времени. Для большинства развитых стран «летнее» время стало обычным явлением. В Италии таким образом сберегается 400 миллионов киловатт-часов в год. В Соединенных Штатах за счет «летнего» времени экономится один процент всей потребляемой энергии. В Болгарии подобная мера привела к тому, что утренние и вечерние пиковые нагрузки практически выровнялись. Словом, экономический эффект везде ощутим, а США и Великобритания в экспериментальном порядке попробовали распро-

странить «летнее» время на большую часть года, то есть ввести у себя почти такое же круглогодичное декретное, как у нас в Советском Союзе. Результаты оказались положительными.

Советские энергетики подсчитали, что летнее смещение времени в нашей стране еще на час вперед сэкономит электроэнергию, необходимую для обеспечения двух таких больших отраслей народного хозяйства, как пищевая и легкая, вместе взятые, на целых полгода!

— Таков взгляд энергетиков. А что считают медики? Вдруг эта полезная экономическая мера неблагоприятно скажется на здоровье? — спрашиваю я.

— По заключению Минздрава СССР, сдвиг во времени, который будет происходить ежегодно с весны до осени, даже желателен, — говорит Ю. А. Краснов. — Как показали исследования, многие, в особенности те, кто живет в крупных промышленных городах, испытывают «световое голодание», ощущая недостаток естественного дневного света и ультрафиолетового излучения, поскольку и дома и на работе преимущественно пользуются искусственным освещением, мало бываю на открытом воздухе в светлое время суток. Теперь летом после трудового дня появится как бы «лишний» час для прогулок, отдыха, чтения. Кроме того, по мнению медиков, вставать по утрам в летние месяцы несколько раньше естественно и полезно для человека — это соответствует сезонно изменяющимся биоритмам организма. Между тем не секрет, что жители некоторых районов Советского Союза, сами того не желая, невольно обкрадывают себя в дневном свете. 47 миллионов человек, населяющие 14 областей, 2 края, 3 национальных округа и 11 автономных республик, отошли от основных принципов поясного счета времени. Находясь значительно восточнее Москвы, они живут не по «своему» времени, которое продиктовано географическим положением, а ближе к московскому, то есть на один и даже на два часа отстают от истинного поясного. Теперь, согласно введенному правительством СССР порядку, области-«нарушители» будут «догонять» солнце постепенно. Такая постепенность, с точки зрения медиков, позволит гражданам в указанных районах безболезненнее приспособиться к новому режиму.

Руководитель аппарата Государственной комиссии единого времени и эталонных частот СССР Ю. А. Краснов, главный метролог А. А. Песков и старший инженер О. Е. Панфилова.

Фото В. Захарчука

В. Горяев. ПОРТРЕТ. 1958.

ЧИСТИЛЬЩИК ОБУВИ. 1961.

В. Горяев. НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА И РОГОЖИН. 1970.

СПРАВКА О РОЖДЕНИИ

Владимир НЕКЛЯЕВ

ПОЭМА

1

Год послевоенный.
Год работы.
Из руин не выветрился дым.
А на танцах, скользкие от пота,
кирзачи и хромовые боты
режут польку шагом строевым.

Год послевоенный.
Год гордыни.
Списки зла еще не сведены.
И молчат колокола Хатыни,
и к погибшим в Праге и Берлине
письма сквозь смердящие пустыни
все ползут на тот конец войны.

Год послевоенный.
Год печали.
Карточки... По ним и хлеб и соль.
Хоть перемогли и отстояли,
все никак не отпускает боль.
Эта боль — под рельсами взрывчатка...

2

Косовица.
Старенькая жатка
тянется сквозь жухлую траву.
Председатель хыкнул на печатку,
шлепнул по бумажке — и живу.

Первый сорт. Послевоенной пробы.
Так природа порешила, чтобы
стал я сыном выжженной земли.
Так невероятный случай выпал:
батюку снайпер выбивал — не выбил,
маму в ров вели — не довели.

Вот моя неконченная повесть,
крови с долей яростная помесь,
что сквозь марлю век не процедить.
Памятью своей я не свободный —
Родина войною всенародной
выясняла: быть мне или не быть!

А душа моя искала тела.

3

Быть хотела!
И дышать хотела!
Не в ромашке с вывернутой шеей,
не в кузнечике, стрекодушем в траншее,—
быть хотела и дышать во мне.
Новенький, блестящий, лучшей пробы,
посредине голода и злобы
выжил я наперекор войне.

На границе запада с востоком
Я лежу, сверкая тощим боком,
знать не зная про свое житье,
кровный сын Некляева Прокопа,
Стаси Магер малое дите.

4

Трое нас.
Все живы, не убиты...

5

Пахнет медом. Доспевает жито.
Час серьезных дел. Не до крестин!

Председатель с чаркой недопитой
говорит за всех гостей один.

Председатель — человек с основой.
Старшина. Герой. Гвардеец. Франт.
Козырял он незнакомым словом «факт»,
Да скрипел он кобурой новой
да еще медалями сверкал...

Председатель говорил толково.
Вот что на крестинах он сказал:

Факт, что власть Советов победила.
Факт, что у врагов уже инфаркт.

Факт, что жито нынче уродило.
И что я родился — тоже факт.

Факт еще, что банда полицейев
недобита в Сунковском бору...
«Ну, про полицейев — обещаю»,—
лапал председатель кобуру.

Той порою лапали завзято...

6

Ночью брали Кобенка Игната,
первого бандита на район.
Взяли.
Повязали.
Показали.
— Он? — спросили.
— Этот, — отвечали.
А седой Стапуль сказал:
— Не он.

7

Трех красуль — невесток Стапулевых
на суках весенних тополевых
Кобенюк, осклабясь, взгромоздил:
первую — за кровь ее чужую,
что скрывала первую —

вторую,

третью...—
что ж, бог троицу любил.

С ним рядом на суках кленовых
трех сынов — кровинок Стапулевых
кобенкова банда подняла:
первого — за кражу часового,
что не выдал первого —

второго,

третьего...—
чтоб троица была.

Восемь дней раскачивал их ветер...

8

Не засохли согнутые ветви,
устыдясь, не сбросили наряд!
Старые деревья незнакомо
день и ночь у Стапулева дома
шепчутся, колышутся, шумят.

9

А Стапуль свое:
— Не он. Ошибка.

10

Вечер. Сад. Под яблонею — зыбка.
К осени подвинулась Земля.
Падают сомлевшие ранеты.

Колготит толпа у сельсовета.
Суд сегодня.
Судят Стапуля.

Крестный, облаченный в безрукавку,
как свидетель предъявляет справку
с дырочкой от пули в уголке.

Холодно глядит в простор охрана.
И слова — казенно, деревянно —
по рядам лывут, как по реке.

11

СУД

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Крестный:

По законам по советским, новым
я понес малюго в сельсовет.

Голос:

Мог и без малого...

Крестный:

Так не ведал.
Думал, что такого?..

Суд:

Один?

Крестный:

С соседом.

Суд:

Стась Стапуль свояк вам?

Крестный:

Да, сосед.

Суд:

Так сосед или свояк?

Голос:

Соседи.

Крестный:

Ждем. Сказали: «Председатель
едет»,
Кабы знать — не пожалел бы ног!
Ну, сидим. Молчим. Цигарки
доим...

Суд:

Что?

Крестный:

Курим, значит...
Входят двое:
Старшина и этот, Кобенюк.

Суд:

Без конвоя?

Крестный:

Он потом заскочит...
Председатель черный — даже очи
угольками цвиркают на свет:
«Узнаешь подлюгу? Ты же
местный»

Я ему: «Так человек известный».

А Стапуль как есть уперся:

«Нет!»

Председатель в крик — и на

старого:

«Покажи мне Кобенюка другого!

А-а, врага жалеешь, мать твою!»

Суд:

Деликатней. В этом зале дети.

Стапуль:
Признаю все сущее на свете.
Лишь в зверье людей не признаю.

Крестный:
Вот сказал он так—я сразу обмер.

Суд:
Где Стапуль топор взял?

Крестный:
Вот так номер!..
Возле печки... Может, у дверей?..

Голос:
Сам принес.
Топор-то, видно, новый.

Крестный:
Кобенок же этот—гад здоровый...

Стапуль:
Как без топора среди зверей?!

Суд:
Так. И что ж?

Крестный:
Он кинулся на Гната.

Суд:
Кто?

Крестный:
Стапуль.

Суд:
А вы?

Крестный:

Я виноватый.
За руку схватил: «Постой, сосед!»
Председатель... цап... до пистолета
Кобенок—вперед, и прыг... и это,
выбил головою пистолет.
Тут на грех дитя заголосило.
Кобенок, нечистая он сила,
целится в него: «Чуть только —
в бок»...
Я ему: «Игнат, побойся бога!»
Председатель заслонил малого,
Кобенок рванул к себе курок...

И тогда Стапуль его с размаху...
Набежали люди.
Я со страху
выскочил с мальчишкой—
чуть стою.

Стапуль:
Я за смерть старшинскую в ответе.
Признаю все сущее на свете,
лишь в зверье людей не признаю.

Голос:
Ну а справка?

Крестный:
Справка без обмана.
Выпала из левого кармана
френча старшины...
Лежит у ног...

II

Справку о рождении не вернули.
Подшивали—дырочку проткнули,
круглую, такую ж, как от пули,
там как раз, где значится предлог.

III

Вновь шумят деревья незнакомо
злой бедой у стапулева дома.
Прошлое—негоже ворошить.
Год послевоенный,
жизнь сурова.
Шепчет мама стапулево слово.
Я еще не смею говорить.
Я пока не знаю, что судьбою
связан я навеки со страной
дивной ширины и вышины,
и что всем на свете ей обязан,
и, как сноп на поле, перевязан
перевязом жизни старшины.

IV

...Я однажды встану среди ночи —
горькой, перекрученной, сорочьей.
Правде стапулевой гляну в очи,
зерна от плевел отъедина.
И пойму:
пока я не в отставке,
Кобенок сквозь дырочку на справке
целится и целится в меня.

Перевел с белорусского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

ЧТО ЕСТЬ КЛЕВЕТА?

Наши читатели, очевидно, помнят: в конце прошлого года на страницах «Огонька» (№ 41) был опубликован очерк Виктора Пронина «Клевета». Речь шла о событиях в городе Котовске Одесской области, где по заявлениям Евдокии Антоновны Гром в местной инспекции Госстраха за короткое время было проведено более двух десятков ревизий, проверок и следствий. Все они закончились с одинаковым результатом: в работе инспекции и ее начальника Зинаиды Ильиничны Саевской не было обнаружено ничего преступного, ничего из того, о чем писала гражданка Гром.

В редакции есть несколько письменных заявлений Евдокии Антоновны Гром. Она обвиняет З. И. Саевскую в финансовых махинациях, взяточничестве, злоупотреблении служебным положением, в расправах с негодными ей людьми. Причем, как утверждает Евдокия Антоновна, все эти «опасные преступления» З. И. Саевская совершает якобы не одна, а с «помощью приближенных к ней людей». Другими словами, в стенах котовского Госстраха вроде бы действует некая «преступная группа», не один год наживающаяся на народном добре.

Поскольку многочисленные проверки не подтвердили ни одно из этих утверждений, вполне естественно встал вопрос о клевете. Как сказано в уголовном кодексе, «клевета есть распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений». Если же клевета соединена с обвинением в совершении тяжкого преступления, а взяточничество и групповые финансовые махинации являются именно таковыми, то она наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

После опубликования материала в нашем журнале прокуратура Одесской области возбудила уголовное дело против Е. А. Гром по обвинению ее в клевете. Следствие было поручено А. А. Зализному, который и занимался этим несколько месяцев. В результате появились четыре тома уголовного дела, где собраны десятки показаний, протоколы допросов, очных ставок, заключения экспертиз и прочие документы. Вывод изложен в официальном ответе прокурора Одесской области Г. М. Ясинского в редакцию, где сказано, что действия З. И. Саевской «в силу отсутствия мотивов корысти, личной заинтересованности и существенного ущерба не содержат в себе признаков уголовно наказуемого деяния». Кстати, об этом же шла речь в материале, к такому же выводу пришли все предыдущие двадцать три бригады проверяющих.

Казалось бы, все ясно. Если обвинения не подтвердились и в работе Госстраха не обнаружено даже «признаков уголовно наказуемого деяния», то тем самым в двадцать четвертый раз подтвердилось, что обвинения Е. А. Гром являются клеветническими. Однако далее в ответе прокурора Одесской области сказано: «В действиях гражданки Гром Е. А. признаки преступления, предусмотренного статьей 125 УК СССР (клевета), отсутствуют, поскольку последняя в своих жалобах сообщала о нарушениях со стороны Саевской З. И., имевших место в действительности, ошибочно называя их преступными».

Как же понимать? С одной стороны, в работе З. И. Саевской не обнаружено ничего предосудительного, тем более «уголовно наказуемого», а с другой — получается, что Е. А. Гром сообщала о «нарушениях, имевших место в действительности». Значит, были взяточничество, махинации, хищения? Но в таком случае почему в официальном ответе прокуратуры области утверждается, что заявительница «ошибочно назвала их преступными»? Ведь они в самом деле преступны... если они есть, конечно. Клеветница, засылавшая ложными обвинениями десятки инстанций, оказывается уже не клеветницей, а вроде бы даже порядочным человеком, слегка запутавшимся в юридической терминологии.

В связи с этим возникает еще один немаловажный вопрос. Десятки проверок — это не только недоверие к начальнику Госстраха З. И. Саевской, это не только переходящее всякие границы разумного доверие к Е. А. Гром, это еще и сомнение в своих же работниках — сотрудниках прокуратуры, милиции, ОБХСС, которые не единожды проводили серьезную, кропотливую, многомесячную работу. Ведь с каждой новой проверкой ставилась под сомнение добросовестность, профессиональная грамотность, честность работников, которые проводили следствие до этого. Очевидно, у прокурора Котовска Владимира Ивановича Сороки были для этого серьезные основания? Какие? Если же клеветница сумела заставить прокуратуру города усомниться не только в работниках инспекции Госстраха, но и в своих же собственных сотрудниках без достаточных оснований, то не слишком ли большое раздолье получила Евдокия Антоновна, не слишком ли накладны для всех нас ее деятельности и нежелание некоторых товарищей выполнить свой служебный долг и эту деятельность пресечь?

К сожалению, ни на один из этих вопросов в письме областной прокуратуры ответов нет. А между тем Е. А. Гром недавно заверила нашего корреспондента в том, что она сворачивать свою деятельность не намерена, — это к сведению прокурора Котовска.

Ждать ли новой, двадцать пятой проверки?

Удивительно радостным праздником дружбы народов стали Дни литературы и искусства Марийской АССР, посвященные XXVI съезду КПСС и 60-летию республики.

Весенние цветы, улыбки, аплодисменты — их было очень много в эти дни в Москве.

Более четырехсот посланцев республики представляли нынешний расцвет литературы и искусства народа, у которого до революции не было даже своей письменности — народ не мог выразить себя, сказать о себе.

Государственный центральный концертный зал и Первый московский часовой завод имени Кирова, концертный зал имени Чайковского и Дворец культуры Московского автозавода имени Лихачева, выставочный зал Союза художников РСФСР и Дом актеров приветливо встречали у себя в гостях марийских писателей и композиторов, художников и артистов, участников профессиональных ансамблей и прекрасных, ярких самодельных коллективов.

Патриотизм, глубокая любовь к Родине, нерушимая дружба народов нашей страны пронизывали праздничную программу, посвященную съезду партии.

Москвичей заинтересовали работы артистов Государственного музыкального театра и драматического театра — кстати сказать, в нем когда-то играл актер и поэт Иван Кырля, исполнитель роли

Мустафы в первом советском звуковом фильме «Путевка в жизнь».

Особым успехом пользовался государственный ансамбль песни и танца «Марий эл», выступавший до приезда в Москву у рыбаков Прибалтики и Камчатки, у животноводов Киргизии и Казахстана, побывавший в Венгрии и Чехословакии.

«Марий памаш» — что означает «Марийский родничок» — самодельный песенно-танцевальный ансамбль. Хороши в его увлеченном, ярком исполнении песни и частушки, танцы и фрагменты свадеб. Народные костюмы отличаются особой красотой расцветки и оригинальностью орнамента...

А сколько аплодисментов вызвали ребята — участники детского сельского ансамбля народной музыки «Шушпык» и питомцы школы-интерната № 1 из Йошкар-Олы, где учится более трехсот человек. Двести из них занимаются музыкой, многие — изобразительным искусством...

Когда юные марийцы выступали во Дворце пионеров на Ленинских горах, им сказали, что мастерство их исполнения — на международном уровне, они могут представлять искусство своего народа и в Лондоне и в Париже...

Творческий вечер лауреата Государственной премии СССР, народного артиста РСФСР композитора А. Эшпая завершил этот замечательный праздник.

И. МИХЕЕВА

В ГОСТЯХ — ПОСЛАНЦЫ МАРИЙСКОГО КРАЯ

Вполне современно звучат народные марийские инструменты.

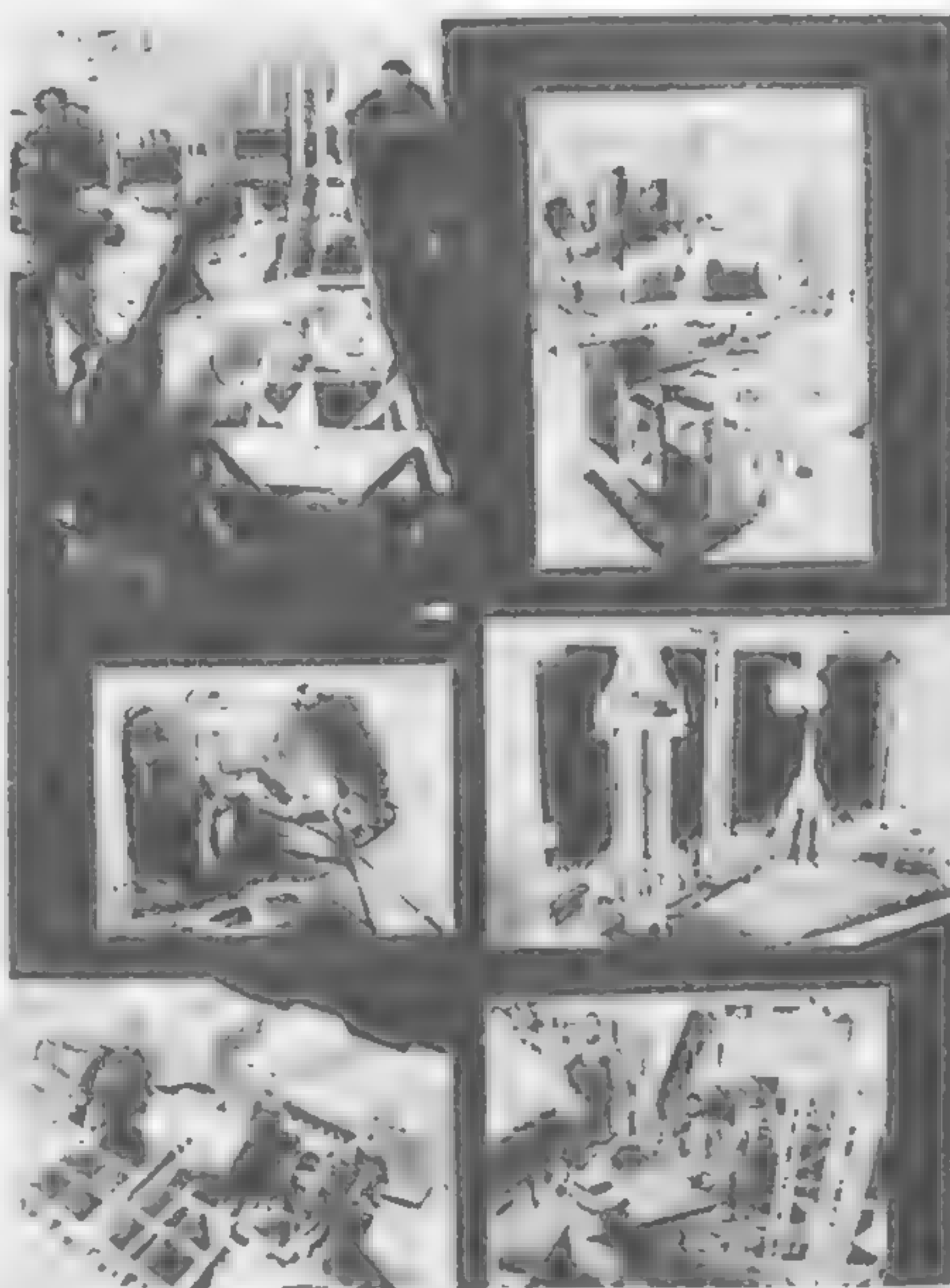
Фото А. Бочинина

И МАСТЕРСТВО И ВДОХНОВЕНИЕ

Николаю Васильевичу Гоголю принадлежат слова, которые можно было бы смело поставить эпиграфом ко всему тому, что видит здесь посетитель: едва ли есть высшее из наслаждений, как наслаждение творить. Об этом думаешь, глядя на работы юных техников, выставивших свои произведения в одном из павильонов ВДНХ.

Особый интерес у посетителей вызывает раздел «Фантазия и реальность детского творчества». Так, макет космодрома на Луне «Селена», коллективная работа юных техников из Калининграда (руководитель М. Агафонов), помогает нам заглянуть в те времена, когда космические корабли, возможно, станут курсировать вместе с пассажирами по маршруту Земля — Луна — Земля и им понадобятся стоянки. Юными конструкторами предусмотрена здесь и «взлетная полоса», и лунозал ожидания, и служба связи с... инопланетянами. Приседаешь на корточки перед «Селеной», включаешься в игру ребячьей фантазии и, удивительное дело, оказываешься на

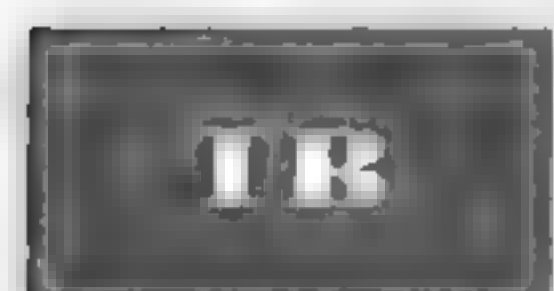
Луне в районе Моря Ясности или близ кольцеобразных гор Аристарха и Кеплера. С таким мастерством выполнена эта работа.

Смело заглядывают в завтра и юные техники из клуба киевского завода «Красный экскаватор». Их коллективная работа — космическая станция будущего «Сатурн» — также переносит нас в просторы Вселенной. Ну, а если придется летать на Луну, в космос, то и ездить на «перекладных» там тоже придется. Образец универсального транспорта для любых дорог — планетоход «Марс» прислали на выставку юные умельцы Рязанщины Станислав Середкин и Женя Витухин. Они сконструировали и собрали свой вездеход в виде сороконожки, которой под силу одолеть любое неземное бездорожье.

Радует и подкупает на этой выставке не только мастерство, но и необычный диапазон ребячьего и юношеского интереса. Так, много посетителей собирает возле себя пресс «Малютка», изготовленный в кружке технического творчества ГПТУ № 1 города Орска. «Малютка» позволяет вести прессовку труб различной конфигурации с усилием в несколько десятков тонн. Ребята из кружка техничес-

кого творчества профтехучилища № 7 из Чебоксар своими руками изготовили и собрали действующую модель дизельного трактора Т-330, которая с успехом используется в качестве учебно-наглядного пособия на уроках спецдисциплины. И лучшую агитацию за их будущую профессию едва ли придумаешь. С таким же мастерством и вдохновением выполнена действующая модель электровоза юными техниками Донецкой детской железной дороги (руководитель С. Шиман), модель первого русского автомобиля (автор Игорь Олейник, руководитель В. Смирнов, Алма-Ата), мини-автомобиль «Белка» (клуб юных техников Новосибирска, руководитель М. Ларкин). Много изобретательности и терпения потребовал робот «Орион» от создавших его юных техников из Сум. На выставке обращают внимание не только талант и умение ребят, но и «география» творческих коллективов, представленных в Москве. Есть здесь кружковцы из крупных промышленных центров страны, есть и умельцы из маленьких и отдаленных поселков. И это, пожалуй, радует больше всего.

В. САДОВСКИЙ

ДУМАЙ О ТОМ, КТО РЯДОМ...

Люди стали жить лучше. Но, к сожалению, за своим благополучием перестают замечать других, забывают подчас о тех, кто живет рядом... Да и самое общение людей — даже тех, кто называется другом, — чаще связано с делами, нежели с желанием «по душам поговорить»: наше время «стрессов и страстей» делает это почти невозможным... Но если уж само собою, естественным путем это не получается, то наш разум, наша мораль должны подсказать нам поступок: увидеть, понять другого человека, простить его слабости или странности, не оставлять одинокого (старого или, напротив, юного) человека, не отмахнуться от него, прилепив ему тот или иной ярлык, как это случается и с пожилой героиней телефильма «Дом у коль-

цевой дороги» (режиссер С. Евлахишвили по сценарию И. и В. Ольшанских) и с подростком, учеником ПТУ...

Фильм затрагивает множество жизненных проблем. Но его стержнем, его красной нитью становится разговор о человечности.

Человечность в отношениях людей. Казалось бы, что может быть нужнее, а значит, проще! А на деле-то все оказывается ох как непросто.

Убегают юноша из дома... Почему?.. Разве ему плохо живется? Разве дома его обижают, бьют или не кормят, не пускают к друзьям?.. Учителя ПТУ идут домой к своему ученику, и что же — перед ними внешне благополучная семья, люди живут в достатке, отец не пьяница, а мать просто прекрасная женщина... В чем же причина конфликта?.. Причина — несогласие мальчика с жизненной программой отца. Этаким дельцем, «умеющим жить» приобретатель, он более чем неприятен — он противен мальчику...

Проблема состояния души молодого человека — это одна из главных проблем будущего.

Если душа в молодости испорчена ржавчиной, то человек не состоялся... Страдать будет и он сам и все окружающие его люди.

Контакты либо противостояние взрослых людей и молодежи, входящей в жизнь, — вот основа фильма. В нем много героев. Не все они вылеплены достаточно крупно, как хотелось бы. Но есть основа.

Такой именно основой становится в исполнении Н. Федосовой старуха Надежда Казимировна, живущая «не для себя». Образ крупный, подчас трагический, потому что женщина эта одинока непоправимо. Другой положительный образ — молодая учительница Ксения; играет

ее О. Гобзева. В портрете Ксении преобладает, думается, голубая краска; героиня — человек совсем без недостатков, этаким мудрец, все время глаголящий истину. Этой героине не хватает поступков, и это жаль, — ведь она преподаватель в ПТУ. Вот тут-то бы и показать ее в деле!.. Какая-то недоговоренность есть и в образе учителя Саранцева (В. Бочкарев). Он преподает историю в ПТУ, он интересен ребятам своей внутренней значимостью, но и у него роль как-то не очень действенная.

Поэтому-то основная смысловая — и нравственная — нагрузка снова и снова ложится на Н. Федосову. Вот здесь-то и «говорит» искусство ТВ со зрителем о морали. Говорят те крупные планы, что положены в основу телефильма. Вот здесь-то и возникает живой, жизненный характер со всеми человеческими чертами — недостатками и достоинствами, странностями и обаянием. Старомодная, «чуждая» Надежда Казимировна Федосовой — совсем одинокая женщина, потерявшая на войне сына, — кажется окружающим странной и непонятной. Но появление в ее доме молодых людей — учителя ПТУ сняли ее дом как дачу на лето — пробуждает ее, выводит из одиночества. А окружающую молодежь эта женщина заставляет пересмотреть свои отношения, устремления, а кое-кого — даже и свою жизнь...

Зритель смотрит эту картину, и у всякого свои мысли, свои проблемы... Но есть одна — общая... Умную, нужную людям картину о жизни нынешнего дня, о задачах нынешних показало нам телевидение.

А. ЗВЯГИНА

Лестница по-американски

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Авторы не ставят перед собой задачи подробного разбора Карибского кризиса и политики Вашингтонской администрации во время него. Это сделано, в частности, в статьях и монографиях советских историков. Анатолия Громыко. Здесь же хочется сказать, что и термину «голуби» даже в привычках следует подходить скептически. Нельзя искать какого-то сходства между вашингтонскими «голубями» и истинными борцами за мир, символом которых служит голубица мира Пикассо. Вашингтонская градация политиков на «ястребов» и «голубей» всегда носила и носит условный характер. «Голуби» во время Карибского кризиса также выдвигали агрессивные требования. В список союзников Роберта Кеннеди, который вел себя более уравновешенно и осмотрительно, нежели другие стратеги, отнесены Шлезингером и деятели, зарекомендовавшие себя, например, в ходе войны в Индокитае как истые «ястребы».

«Медные каски» в Пентагоне задело сравнение их планов с ударом японцев по Пирл-Харбору в декабре 1941 года. Более того, откладывая в сторону планы бомбардировок и десанта, президент Джон Кеннеди сказал, что США будут выглядеть в глазах всего мира, как японцы, напавшие на Гавайские острова. «Ястребы» и их идеолог — бывший государственный секретарь Дин Ачесон не могли простить Роберту Кеннеди его призывы к более осторожной тактике. В своей книге «Роберт Кеннеди и его эпоха» Артур Шлезингер отмечает:

«Позднее Роберт Кеннеди вновь напишет: «Я не мог принять идею, что США осыплют Кубу бомбами, убив тысячи гражданских мирных людей во внезапной атаке»... Моральный вопрос был для него основным. Ачесон питал отвращение к моральным мукам. Он не мог слышать слов Роберта Кеннеди о «Пирл-Харборе наоборот»... Когда же он услышал их и от президента на заседании 18 октября 1962 года, то заявил ему, что это «глупость». Позднее Ачесон скажет, что это была «совершенно фальшивая и уничижительная аналогия».

Нужно сказать, что к моменту Карибского кризиса обязанности у Роберта Кеннеди прибавилось. Так, ему было поручено Джоном Кеннеди негласное наблюдение за ЦРУ, которое вышло из доверия президента после провала вторжения на Кубу за год до этого. Джон Кеннеди явственно ощутил в дни вторжения наемников ЦРУ, что ведомство «плаща и кинжала» располагает рычагами для втягивания военной машины страны в затяжные операции. Он испытывал на себе эти способности Лэнгли¹ также в Южном Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Конго и других точках планеты.

Порученная Роберту Кеннеди — министру юстиции — роль куратора ЦРУ представляла собой уникальное явление в истории разведывательного ведомства. Ни до, ни после этого Центральное разведывательное управление не подвергалось подобной, с точки зрения его столпов, уничижительной опеке.

После фиаско в Заливе свиней, на протяжении 1961—1962 годов, вплоть до Карибско-

го кризиса, в ЦРУ носились с планами организации нового вторжения на Кубу. Майамский центр стал крупнейшей базой ЦРУ в мире. Здесь было 700 агентов, свыше 2000 обученных кубинских террористов, целая флотилия быстроходных судов и многочисленная авиация. Ежегодный бюджет «Операции мангуста», как условно именовалась подрывная война против острова Свободы, превышал 100 миллионов долларов. Во главе операции был поставлен кадровый американский разведчик, генерал Эдвин Лэнсдейл, который «отличился» до этого кровавым усмирением национально-освободительного движения на Филиппинах и возведением в «президентский» дворец Южного Вьетнама марионетки Нго Динь Дьема.

Однако между Лэнсдейлом и поддерживавшим его Робертом Кеннеди, который считался негласным куратором «Операции мангуста», с одной стороны, и руководством ЦРУ, в том числе директором Алленом Даллесом, его заместителем Р. Бисселом — с другой, существовали некоторые расхождения. Первые считали, что уничтожение народной власти на Кубе должно произойти в результате контрреволюции, и на это настраивали руководителей саботажных команд. Вторые считали контрреволюцию невозможной и уповали на удурение народной власти извне. В конце осени 1961 года Аллен Даллес и Биссел были отправлены в отставку, что породило уныние и еле скрываемый ропот среди оставшихся последователей Даллеса в ЦРУ. Среди них был и Говард Хант, которого заподозрят впоследствии в организации убийства Джона Кеннеди в Далласе в составе группы так называемых бродяг. Хотя именно Роберт Кеннеди дал «зеленый свет» группам саботажников и шпионов на взрывы нефтехранилищ, предприятий, мостов, логика «ястребов» делала их ненасытными. «Министр юстиции, — сокрушался Хант, — считал, что и так слишком много динамитного дыма поднималось с Кубы, чтобы еще организовывать и вторжение».

Особую антипатию к Роберту Кеннеди питал начальник главного ударного отряда «W», участвовавшего в «Операции мангуста», Уильям Кинг Харвей. Он «страстно и неистово ненавидел Бобби Кеннеди», — писал о Харвее в 1976 году на страницах газеты «Вашингтон пост» Дэвид Мартин.

На чем основывалась ненависть? ЦРУ требовало вторжения, считая, что одной из главных тормозящих сил был «негласный инспектор» разведки. Легко себе представить, как поднялось настроение в ЦРУ, когда туда просочились сведения, что на секретных дебатах вокруг кубинского вопроса у Лэнгли появился мощный союзник — Пентагон, требовавший бомбежки и вторжения. «Медные каски» в ходе дебатов во время Карибского кризиса заметили, что поначалу и новый директор ЦРУ Джон Маккоун был на их стороне. Однако он внезапно перешел на сторону Роберта Кеннеди. Но пентагоновцы все же были рады, что сходные с ними позиции отстаивали старые профессиональные кадры разведки, имеющие большое влияние в Вашингтоне.

Как явствует из ряда работ американских авторов, президент боялся своих «ястребов». И, уступив советам Роберта Кеннеди пойти лишь на «карантин» Кубы, президент, чтобы

умиротворить «ястребов», дал им разрешение продолжать планирование воздушной атаки и вторжения на случай «чрезвычайных обстоятельств». Таким образом, если мир в ходе Карибского кризиса стоял у порога термоядерной войны, то вина в этом лежит на Джоне Кеннеди. Пытаясь оправдать его, историк Шлезингер высказывает мысль, что президент действовал по различным соображениям, в том числе из-за реального опасения, что «ястребы» могут выйти из-под его контроля и причинить человечеству непоправимый ущерб. Он пишет:

«Можно предположить, что, настояв на необходимости дальнейших военных консультаций, президент проявил не нерешительность, а желание, чтобы все это попало в протокол. Прекрасно зная способность начальников штабов к политической мести, он, возможно, заключил, что ему лучше устроить небольшой спектакль, проведя обсуждение военных альтернатив до конца. Он, очевидно, считал это не просто упражнением в щекотании нервов. ...Кеннеди видели после того, как начальник штаба ВВС генерал Лемей распространялся ему о прелестях воздушной атаки. Президент был просто вне себя, он сказал: «Эти медные каски имеют одно преимущество... Если мы сделаем то, что они требуют от нас, никто из нас не останется в живых, чтобы позднее сказать им, что они были неправы».

Но все это, повторяем, не снимает ответственности с братьев Кеннеди в глазах истории за то, что они допустили нагнетание кризиса, что они не предприняли попыток реализовать хотя бы так называемый «план Боле-на»², предусматривавший использование всех дипломатических средств разрешения вопроса, прежде чем вставать на путь военных угроз.

В те октябрьские дни 1962 года, находясь в США, легко было воочию убедиться, каких масштабов может достигать милитаристская истерия. Американский историк Р. Уолтон называет поведение Дж. Кеннеди в те дни «безответственным и безрассудным в высшей степени». Он думал, продолжает историк, о личном престиже, о том, как бы не потерпеть поражение на промежуточных выборах в конгресс в ноябре 1962 года. И все же, если военным не удалось до конца использовать ситуацию и добиться своих целей, то причину этого «медные каски» видели в «интригах Бобби».

Разумеется, биографы Роберта Кеннеди завышают его заслуги в том, что касается внесения элемента трезвости в политику Белого дома. Новое соотношение сил в мире, понимание гибельности для самого американского империализма столкновения с миром социализма, стоявшим на стороне Кубы, неблагоприятная реакция в капиталистических и развивающихся государствах на бряцанье Вашингтоном оружием — все эти и другие факторы создали непреодолимое для Белого дома давление в пользу так называемого «среднего курса» действий, за который выступал и Роберт Кеннеди.

Но ни в Пентагоне, ни в ЦРУ не забыли министру юстиции, что он, как заявил один из «ястребов», совал нос не в свои дела.

² Ч. Болен — бывший посол США в СССР, в тот период — посол во Франции.

¹ Лэнгли — местечко под Вашингтоном, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

Политический лексикон обогатился еще одним, ныне широко употребляемым словом, которое было применено в ходе переписки между правительствами СССР и США в дни Карибского кризиса, — «разрядка». Тогда речь шла о разрядке кризиса. Впоследствии, на рубеже 60—70-х годов, стали говорить о разрядке международной напряженности. С самого начала слово «разрядка» стало ненавистным для вашингтонских «ястребов» и их союзников в ЦРУ. Вращенные на догмах «холодной войны», они скептически восприняли заявление президента Кеннеди в его речи 10 июня 1963 года в Американском университете о необходимости мирных отношений с Советским Союзом. Роберт Кеннеди по поводу этой речи писал: «В течение первых двух с половиной лет своего правления президент Кеннеди считал величайшей неудачей, что мы не достигли никакого конкретного соглашения с Советским Союзом в сторону уменьшения международной напряженности».

Роберт Кеннеди был в курсе основных внешнеполитических шагов, предпринимавшихся в те годы. Принимал участие в формировании главнейших из них. Так случилось, что он оказался в гуще кубинской политики США. И хотя он пытался балансировать после Карибского кризиса между «ястребами» и «голубыми», не задевая особенно ни тех, ни других, он вызывал глухое недовольство первых.

После урегулирования Карибского кризиса «Операция мангуста» пошла резко на убыль. Роберт Кеннеди — то сам, то от имени президента — приказывал свертывать налеты катеров из майамского подразделения ЦРУ на суда различных стран, которые направлялись к берегам Кубы. Но налеты продолжались, и ЦРУ уверяло, что оно здесь ни при чем, что это действуют «отбившиеся от рук» или вообще не подчиняющиеся ему кубинские эмигрантские группы и организации. Не подчинявшиеся приказам налетчики брались иногда под стражу, допрашивались и отпускались. Но даже такие либеральные меры вызывали вой и стоны в кругах эмигрантского подполья.

Наконец, ЦРУ по указанию Роберта Кеннеди создало в Майами новую организацию — «Кубинский комитет освобождения». При этом ЦРУ и вошедшие в комитет кубинцы заявляли, что их главной целью остаются саботаж, просачивание на остров и, наконец, вторжение. Братья же Кеннеди, пишет публицист П. Флэммонд, рассматривали новый комитет как канал «политической пропаганды и антикастровской агитации», как средство, дававшее выход энергии эмигрантов и в то же время «сохранявшее Карибы в спокойствии, что отвечало бы целям быстро улучшающихся советско-американских отношений».

Два взгляда на «Кубинский комитет освобождения» не были, конечно, полностью взаимно исключающими. Но в них были нюансы и различия. После серии силовых ходов на вашингтонской шахматной доске Роберт Кеннеди, осуществляя надзор за деятельностью ЦРУ, казалось, вышел победителем. Вашингтон собирался субсидировать антикубинскую пропаганду и политическую деятельность, но давал понять, что не будет финансировать, вооружать или поддерживать эмигрантские усилия в использовании США как базы военных рейдов на Кубу, как плацдарма для широкого вторжения на остров, идея которого не покидала наиболее воинственные эмигрантские круги и их опекунов в ЦРУ.

Осенью 1963 года, когда стали проявляться контуры этой новой политики и стали просачиваться слухи о сверхсекретных кубино-американских контактах с целью попытаться смягчить напряженность в отношениях между двумя странами, в кубинских эмигрантских кругах США стали поговаривать о необходимости убить братьев Кеннеди. В них видели основное препятствие для реализации мечты гусанос о возвращении на Кубу. Один из эмигрантов, Лоран Холл, сообщил позднее (в сентябре 1968 года) на страницах американской печати:

«Я слышал, как обсуждалось убийство Джона Кеннеди на многих встречах фанатиков, состоявших в военных организациях. Они завели список людей, подлежащих убийству. Мне предлагали 50 тысяч долларов за убий-

ство Джона Кеннеди... Бобби Кеннеди был в списке. Если они ненавидели кого-либо больше, чем Джона Кеннеди, — это был Бобби... Они считали, что он был даже более опасен и будет даже более сильной преградой для реализации их планов добиться власти на острове».

Несмотря на то, что Роберту Кеннеди был поручен надзор над «разведывательным сообществом» и он входил во многие детали кубинской политики, требуя отчета в различных действиях, его держали в неведении относительно попыток, продолжавшихся все годы пребывания у власти Джона Кеннеди, совершить убийство Фиделя Кастро. Согласно данным специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведки (комиссия Черча), ничего об этом не знал и президент и кто-либо за пределами ЦРУ. Естественно, вне поля их зрения были и те акции, к реализации которых ЦРУ привлекало гангстеров.

Идея воспользоваться услугами мафии принадлежала, согласно некоторым американским источникам, агенту ЦРУ Говарду Ханту. Приманкой решено было сделать бывшего агента ФБР Роберта Мэхью, друга гангстера Эдди Чейфитца — напарника Джимми Хоффы (впоследствии ЦРУ использовало Мэхью для наблюдения за полусумасшедшим миллиардером Говардом Хьюзом). Мэхью, имея согласие ЦРУ, завербовал лас-вегасского гангстера Джона Роселли, который, в свою очередь, предложил вступить в «корпорацию» Сэму Джианкане. Тот был польщен таким доверием и быстро убедил своих новых союзников, что для успеха предприятия целесообразно привлечь Сантоса Траффиканте.

Цепочка рекомендаций сама по себе весьма показательна. Сначала ЦРУ «вышло» на гангстера средней руки Роселли, хотя и доверенного лица мафии, но лишь исполнителя. Затем оно удостоилось знакомства с одним из главарей чикагской мафии — Сэмом Джианканой. При этом разведка сочла за счастье выполнить просьбы Джианканы «интимного» характера. Он ревновал свою любовницу певицу Филлис Макгайр к голливудскому актеру Дэну Роузну и попросил ЦРУ устроить за ними слежку и подслушивание их комнат в Лас-Вегасе. Джианкана имел «интересы» в батистовской Кубе: торговлю наркотиками, публичные дома, казино. Его партнером по кубинским операциям стал Сантос Траффиканте — босс флоридской мафии. Сей гангстер в отличие от других бандитов был по-настоящему крупной птицей. Он располагал сетью агентов на Кубе, и привлечение его к покушению на Фиделя Кастро считалось большой удачей американских «рыцарей плаща и кинжала».

Союз мафии и ЦРУ оформился окончательно к августу 1960 года, и только тогда, если верить внутренним документам ЦРУ, представленным комиссии Черча, о нем доложили Аллену Даллесу. Матерый разведчик и пальцем не пошевелил, чтобы хотя бы пожурих инициаторов такого альянса. Преимник Аллена Даллеса, если верить опять же внутренним документам ЦРУ, не был посвящен в шашни разведки и преступного мира. Джон Маккоун проведаль об этом якобы из газет, сообщивших намеком лишь об участии в таких операциях Сэма Джианканы.

Версия, с кого и с чего начиналось сотрудничество ЦРУ и гангстерского мира в борьбе против революционной Кубы, в конце 70-х годов обросла некоторыми новыми подробностями. Выяснилось, что, помимо Р. Мэхью, Дж. Роселли, С. Джианканы и С. Траффиканте, мафия поставила под знамена ЦРУ Сальваторе Гранелло, Джеймса Пламери, Дейва Яраса, Чарльза Николетти и др. Но, что еще более существенно, стали проступать наружу еле заметные следы участия во всей антикубинской операции Джимми Хоффы.

В июле 1975 года Джимми Хоффа бесследно исчез с поверхности земли (и такой способ расправ практикуется в США). В ходе расследования этого исчезновения бывший мафиози Чарльз Крималди, получивший ранее прощение в обмен за обязательство выполнять в течение определенного времени роль осведомителя в среде организованной преступности, сообщил, что Хоффа был «пер-

воначальным связным» между ЦРУ и мафией и что его ликвидировали, дабы он не проговорился (!) о тайнах этого сотрудничества. «Оказывается, — пишет английский журналист Энтони Саммерс в книге «Заговор», — Роберт Кеннеди... подозревал, что Хоффа приложил руку к трагедии в Далласе». Но как?

В 1975—1976 годах, когда в конгрессе США работали специальные комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов, сенаторы решили допросить и членов антикубинской команды мафии. Неожиданно сходное желание появилось и у неких правительственных агентов. «Как сообщают, — пишет Э. Саммерс, — Роселли информировал правительство, что его сподвижники по заговорам против Кастро переключились на убийство президента Кеннеди». Вскоре Роселли тоже исчез. В отличие от Хоффы, однако, его труп был найден в июле 1976 года в майамском заливе. Годом раньше был убит Сэм Джианкана, за несколько дней перед тем, как он должен был давать показания в сенатской комиссии по разведке. Кто-то опасался, что он может сказать лишнее, и решил запечатать ему рот. Об этом говорил даже ритуальный характер расправы: пять пуль аккуратно вокруг рта и одна пуля в лоб. Гранелло и Пламери убили еще раньше — в 1970 и 1971 годах. Дейв Ярас — близкий человек Хоффы и дружок Руби — был убит в 1974 году. Чарльз Николетти застрелили в его автомобиле в тот день, когда специальная комиссия конгресса по расследованию убийств предприняла первые шаги по его розыску.

Любопытная деталь из биографии Роселли проливает свет на то, как ценится молчание в кругах ЦРУ и мафии и, наоборот, как карается что-то похожее на исповедь отчаяния. Весной 1967 года с Джоном Роселли встретился проводивший тогда независимое расследование убийства Джона Кеннеди окружной прокурор Нового Орлеана Джим Гаррисон. Об этом мало кто знал, встреча осталась вне поля зрения даже наиболее близких к Гаррисону журналистов. Судя по всему, Роселли ничего не сказал. О встрече стало известно лишь в 1979 году из доклада специальной комиссии по расследованию убийств. Молчание продлило жизнь авантюриста, мафиози и полутатного сотрудника ЦРУ. Но о встрече Роселли с Гаррисоном сразу же (!) стало известно в ЦРУ, где она, согласно докладу генерального инспектора Центрального разведывательного управления, «вызвала особое беспокойство».

За месяц до этой встречи при загадочных обстоятельствах ушел из жизни сотрудник ЦРУ, подручный босса новоорлеанской мафии Карлоса Марчелло, дружок Освальда и Руби — Дэвид Ферри. Он в отличие от Роселли многое порассказал Гаррисону и согласился повторить на суде признание о своем участии в покушении на Джона Кеннеди, а также об участии в нем новоорлеанского бизнесмена Клея Шоу и других лиц. Через несколько часов после смерти Ферри был застрелен его ближайший сообщник Эладио дель Валле, которого разыскивал Джим Гаррисон. Дель Валле работал на Сантоса Траффиканте, который тоже, видимо, умеет хранить молчание, ибо жив по сей день.

«Хранить молчание до последнего вздоха и не говорить ни с кем ни о чем» — с таким устным завещанием жене умер в 1976 году уже знакомый нам сотрудник ЦРУ Уильям Харвей, возглавлявший аппарат, которому было поручено проводить «операции по уничтожению».

Нужно сказать, что в то время, как генеральный инспектор ЦРУ выражал беспокойство по поводу встречи Роселли с Гаррисоном, директор ЦРУ Ричард Хелмс проявлял тревогу за судьбу Клея Шоу, выполнявшего, судя по различным источникам, многочисленные и ответственные поручения американской разведки как в Западной Европе и Центральной Америке, так и внутри США. Бизнесмен Клей Шоу, босс мафии Карлос Марчелло, офицер ЦРУ Уильям Харвей и другие стоящие за ними фигуры старались осуществить свои задачи, а также общие планы. И в этом сцеплении интересов разношерстных сил, как видно из всех известных фактов, цементирующая роль принадлежала ЦРУ. Примат разведки был неоспорим так же, как неоспоримой становилась

ВТОРОЕ
АПРЕЛЯ

Лошаков проснулся в отличном настроении от щекоочущих нос лучей солнца, а вспомнив, что сегодня первое апреля, и вовсе развесялился. Жила в нем неумная готовность смеяться в любое время и в любом месте, а этот день был словно придуман для него.

Он шел на работу и во всех встречных-поперечных видел соучастников веселых розыгрышей.

— Скажите, пожалуйста, который час? — обратился к нему толстый мальчик с портфелем.

— Полвосьмого, — ответил Лошаков, хотя было уже начало девятого. Он представил явление этого пузана в классе посреди урока и засмеялся.

На службе Лошаков, как никогда, был полон энергии и неистощим. Не своим голосом он гонял сотрудников по телефону из одного отдела в другой, в приемную директора и в кассу за премией. У экономиста Быковского спрятал министерскую бумагу «для служебного пользования». Тот искал ее весь день, а потом решил, что потерял, и страшно испугался...

Перед звонком Лошакову неожиданно встретился его начальник, который две недели был на больничном и сейчас, тяжело дыша, поднимался по лестнице, останавливаясь через каждые несколько ступенек.

— Здравствуйте, Владислав Михалыч! — обрадовался Лошаков. — Как здоровьице?

— Благодарствую, уже лучше. Вот соскучился по отделу.

— Да не стоит волноваться, Владислав Михалыч. Зачем вам себя утруждать — даром подниматься. У нас все в полном порядке. А на вашем месте сидит Быковский.

Начальник поблелел и обеими руками схватился за перила...

Придя вечером домой, Лошаков неумоимо продолжал шутить. Он застопорил на своем девятом этаже лифт, а потом перекрыл вентиль на чердаке и с живым интересом наблюдал с балкона, как соседи, чертыхаясь, таскают ведрами воду.

Ровно в одиннадцать он спокойно уснул с чувством честно выполненного первоапрельского долга.

А второго апреля хоронили Владислава Михалыча.

— Кто б мог подумать? — вслух удивился Лошаков, неся венок. — Ведь только вчера я с ним разговаривал. Шутит...

приобретаемая ЦРУ роль опекуна мафии.

Вот почему, когда в октябре 1963 года Роберт Кеннеди запросил у конгресса новые полномочия для борьбы с организованной преступностью, то возникла новая ситуация. Член специальной комиссии по расследованию убийств Флорид Файзиан говорит: «У организованной преступности возник практический мотив добиваться быстрого конца администрации Кеннеди... Ибо если бы Джон Кеннеди перестал существовать, то не стало бы дело и за удалением его брата из министерства юстиции. Вражда между Бобби Кеннеди и вице-президентом Линдоном Джонсоном была хорошо известна. Организованная преступность имела средства убить Джона Кеннеди. У нее был мотив. И она имела возможность».

Она имела также союзника и опекуна в лице «невидимого правительства» — ЦРУ. Как и в других случаях, Роберту Кеннеди не хватило то ли силы, то ли инстинкта разорвать этот порочный и опасный круг. Когда в начале 1962 года Роберт Кеннеди узнал из печати о том, что ЦРУ оказывало услуги Сэму Джианжане в Лас-Вегасе, он потребовал объяснения причин такого заботливого отношения разведки к гангстеру. Позднее Роберт Кеннеди утверждал, что он немедленно запретил планы покушений на Фиделя Кастро. Но если верить юрисконсульту ЦРУ Лоуренсу Хьюстону, министр юстиции бросил фразу: «Я верю, что, если вы вновь задумаете иметь дело с организованной преступностью — с гангстерами, вы поставите об этом в известность своего министра юстиции». Такая фраза не была четким приказом, запрещающим использование организованной преступности «разведывательным сообществом». Даже если она выдумана Л. Хьюстоном, отсутствие письменного распоряжения Р. Кеннеди на этот счет, несомненно, могло воодушевить партнеров на продолжение чудовищного альянса.

Односторонние заговоры американской разведки и ее совместные усилия с мафией, направленные против жизни вождя кубинской революции, не прекратились и после запрета Р. Кеннеди. Комиссия Черча насчитала в общей сложности 8 покушений на жизнь Фиделя Кастро. Сам Фидель Кастро на встрече с американским сенатором Джорджем Макговерном в 1975 году передал ему список 24 попыток покушений на его жизнь за период с 1960 по 1965 год.

Ображают на себя внимание планомерные усилия ЦРУ, начавшиеся еще в годы, когда был жив Джон Кеннеди, и продолжающиеся поныне — во что бы то ни стало «пригвоздить» братьев к столбу позора, доказать, что они знали и одобряли планы уничтожения иностранных государственных лидеров. Считается неоспоримым, что соответствующие планы родились в годы администрации президента Дуайта («Айка») Эйзенхауэра. Их мишенями были в 1955 году Чжоу Энлай, в 1960—1961 годах Патрис Лумумба, далее Фидель Кастро и другие.

Одним из главных специалистов по организации убийств числился уже упоминавшийся нами Уильям Кинг Харвей, который так «страстно и неистово ненавидел Бобби Кеннеди». Это была весьма колоритная личность. Описывая Харвея в своих мемуарах «Благородные люди. Моя жизнь в ЦРУ», бывший директор ЦРУ Уильям Колби выделил его пристрастие «никогда не расставаться со своим пистолетом». В январе 1961 года еще до инаугурации президента Кеннеди Ричард Биссел, возглавлявший директорат тайных подрывных операций ЦРУ, поручил Харвею создать «возможности проведения операций по уничтожению» иностранных лидеров, включая «превращение их в физически непригодных людей» и «убийство как последнее средство». В апреле 1962 года сменивший Биссела Ричард Хелмс повторил Харвею, возглавившему аппарат ЦРУ, наделенный функциями «операций по уничтожению», этот приказ применительно к Фиделю Кастро.

Хотя братья Кеннеди не ставились в известность о зловещих замыслах, ЦРУ не прочь было пустить слух о том, что они в курсе дела. Загадочный характер носит история с агентом ЦРУ, носившим кодовую кличку Эм-Лэш. Под ней скрывался кубинский контрреволюционер Роландо Кубела Секадес. Он был центральной

фигурой в одном из проектов покушения на Фиделя Кастро. Кубела запросил встречи с Робертом Кеннеди. На что Хелмс уполномочил нового начальника кубинской оперативной группы «W» Десмонда Фитцджеральда говорить с Кубелой «от имени Роберта Кеннеди», которому ничего не было известно о такой вольности начальника директората тайных подрывных операций («грязных трюков»). Через три недели Фитцджеральд и Кубела встретились снова. На сей раз в Париже, и в тот самый день, 22 ноября 1963 года, когда в Далласе было совершено убийство Джона Кеннеди. И вновь Фитцджеральд говорил и действовал так, как будто он представлял министра юстиции США. Он передал Кубеле шариковую ручку с иглой, содержащей яд. Фитцджеральд пообещал вскоре передать убийцам бесшумное оружие с оптическим прицелом и большие суммы денег.

Биограф агента ЦРУ Говарда Ханта вашингтонский журналист Тэд Шульц высказывает мнение, что непосредственным руководителем Кубелы был Хант. Начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон, назначенный связным между ЦРУ и комиссией Уоррена, тщетно пытался включить в список для допросов по далласскому преступлению Кубелу. Он, видимо, подозревал, что Эм-Лэш может что-то знать о причастности кубинских эмигрантов, состоявших на службе у Фитцджеральда и Ханта, к «операции по уничтожению» не только иностранных, но и американских лидеров.

Незадолго до покушения на Джона Кеннеди Говард Хант около двух месяцев провел в Мексике. Тогда же там «всплывал» и Освальд. Назначение мексиканской командировки было в том, чтобы инсценировать бурное стремление Освальда попасть на Кубу. Соответствующая сцена и была разыграна Освальдом в кубинском посольстве в Мехико.

О том, что Освальд действовал в тот период под неусыпным оком Ханта, свидетельствует письмо Освальда, которое он написал сотруднику ЦРУ. Приведем его здесь дословно: «Дорогой мистер Хант. Жду сведений относительно моего положения. Прошу лишь об информации. Я прошу, чтобы мы обсудили это дело полностью, прежде чем я или кто-то другой предпримем какие-либо шаги. Благодарю вас, Ли Харви Освальд».

Три эксперта, изучавшие почерк Освальда, подтвердили аутентичность письма, которое было прислано каким-то анонимом из Мехико нескольким американским независимым следователям убийства Джона Кеннеди.

Специальная комиссия по расследованию убийств не проявила, однако, настойчивости в выяснении роли Ханта, Филиппса и других сотрудников ЦРУ в «преступлении века». И вряд ли ей это было по зубам, если учесть могущество сил, которые горой стоят за сокрытие правды о причастности ЦРУ к убийству президента. Прав был, видимо, Роберт Кеннеди, который за два дня до своей смерти сказал: «Теперь я полностью понимаю, что лишь вся сила президентской власти может привести к раскрытию секретов смерти моего брата».

Много раз за последние 15 лет звучало как это обвинение против братьев Кеннеди, что они вдохновляли «операцию по уничтожению», направленную против Фиделя Кастро.

Весной 1967 года вашингтонский «разгребатель грязи» Дрю Пирсон, который порою не брезговал подсовываемой ему сомнительной информацией, писал с чьих-то слов: «Президент Джонсон сидит на политической водородной бомбе — неподтвержденной докладной, что сенатор Р. Кеннеди мог в свое время одобрить заговор с целью убийства, который затем как бумеранг ударил по его ныне покойному брату. Высокопоставленные официальные лица, запрошенные автором, согласны, что заговор с целью убийства кубинского лидера «рассматривался» на высших уровнях ЦРУ в период, когда Роберт держал бразды правления этого ведомства в своих руках».

И далее какой-то анонимный источник развивал идею, что «без Бобби» заговор не мог бы сдвинуться с места, что «Бобби стремился отомстить за поражение в Заливе свиней и играл ключевую роль в планировании».

Продолжение следует.

СКАМЬЯ ШТРАФНИКОВ

Рис. Е. Милутки

Рис. В. Левонюка

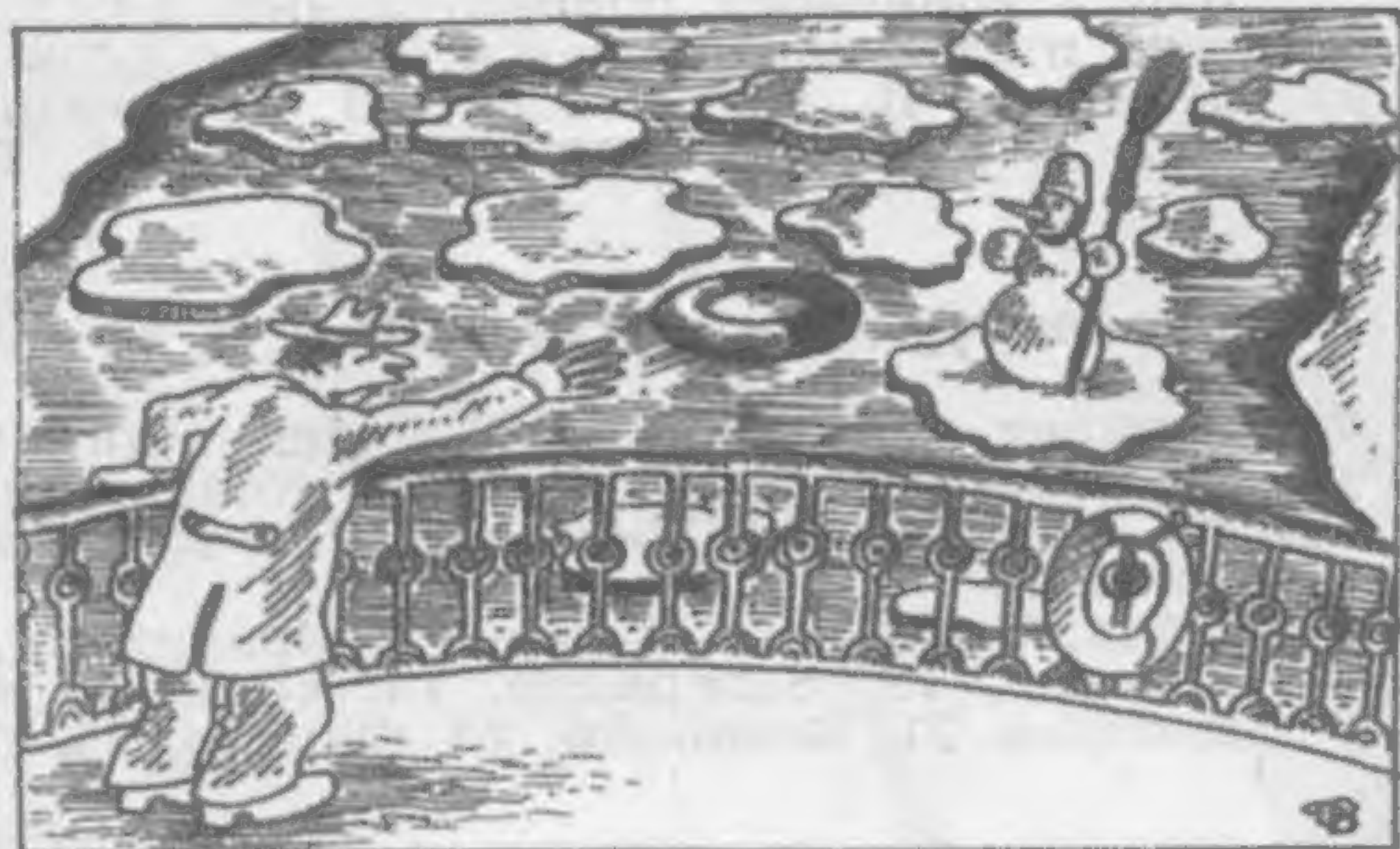

Рис. В. Дубова

Рис. С. Тюнина

Так Боря пытался нас согреть, когда мы занимались «моржеванием».

Фото Е. Облезова

МОЙ ЗНАКОМЕЦ БОРЯ

Два года я работал в пресс-центре штаба ЦК ВЛКСМ на Бурятском участке БАМа. А когда недавно вернулся в Москву, мой маленький сын вдруг спросил меня: «Какие на БАМе собаки?» Я задумался: в самом деле, какие? Да такие же, как и везде. Большие и маленькие, лохматые и гладкие, вежливые и задиристые, верные сторожа и избалованные домашним теплом любимицы хозяев... Во дворе моего дома жила целая стая собак. Когда проходил по двору, они вежливо уступали дорогу, очень редко какая-нибудь из них лаяла на людей.

Об одной моей знакомой собаке я хочу рассказать коротенькую историю.

Боря — самый большой и самый главный пес в стае. Я никогда не слышал его голос — ему достаточно только посмотреть на расшалившуюся, неприлично ведущую себя собаку, и та сразу, поджав хвост, виновато опускает к земле морду и успокаивается.

Познакомился я с Борей у двери моей квартиры, куда я недавно въехал. Вечером я сел за свой стол и вдруг слышу, кто-то стучится. «Кто бы это мог прийти?» — подумал я и пошел открывать. За дверью, почти на уровне своей груди, я увидел большую, как у теленка, собачью морду. Боря, а это был он, очень удивился, увидев незнакомого человека, и даже сел, разглядывая меня. Я тоже удивился необычному гостю, но спросил: «Зачем ты пришел?» Боря наклонил набок свою голову — голос мой тоже был незнаком ему, и ничего не ответил. «Тебе дать косточку?» — спросил я. — Так заходи, давай познакомимся. Распахнув дверь пошире, жестом пригласил его войти. Огромный пес вопросительно посмотрел на меня, как бы проверяя, действительно ли его приглашают в дом, и, убедившись, что я не шушу, степенно вошел в квартиру и сел в углу около входа. Я стал рыскать по кастрюлям, а он чинно сидел и ждал обещанного угощения. Наконец достаточно большая кость нашлась, и я протянул ее Боре, но он не двинулся с места.

И только по тому, как нетерпеливо переступали его передние лапы, можно было понять, что кость ему очень нравится.

— Так что же ты, бери, — сказал я ему, но он остался сидеть, лишь выразительно глядя на меня и покусывая с досады, что я не понимаю его. И тут меня осенило: пол-то в квартире был чистым, а на лапах пса налипли комья грязи, и он не мог, придя в гости, да еще к незнакомому человеку, позволить себе насвинячить.

Тогда я открыл дверь, и мы вышли на лестницу. Только там Боря осторожно взял зубами из моих рук душистую кость и, благодарно взглянув на меня, пошел на улицу.

Наступил следующий вечер. Я приготовил для Бори новое угощение и стал ждать, когда он постучит в дверь. Но он не постучал. Не пришел он и на завтра. Только потом я узнал от соседей, что Боря приходит за своим ужином во все квартиры нашего дома по очереди. Сегодня — в одну, завтра — в другую, послезавтра — в третью. И никогда не путает номера квартир. Их у нас в доме двадцать, значит, теперь Боря должен был прийти ко мне только через двадцать дней. Так и случилось: через три недели Боря снова пришел ко мне за ужином. И все время до моего отъезда исправно меня навещал.

Александр МАРКОВИЧ

А это самый маленький пес нашей дворовой стаи, Фимка, со своими друзьями.

Фото С. Власова

Вынужденная скромность

Владимир СВИРИДОВ

Каких только конкурсов у нас не придумали: «А ну-ка, девушки», «Вместе дружная семья», «Лучший парикмахер», «Лучший продавец»...

Вот и в нашем доме отдыха «Лазурная щель» решили провести конкурс «А ну-ка, мальчики». Узнав об этом, многие мужчины, которым предстояло демонстрировать свое мастерство в ведении домашнего хозяйства, заметно приуныли.

Один только Горячкин воспринял сообщение о конкурсе с олимпийским спокойствием.

«Сами напросились, и нечего теперь дергаться», — сказал он сам себе твердым внутренним голосом. — А то как спросили, кто из них помогает женам в домашнем хозяйстве, так все до одного к потойку руки протянули. Не знали, чем это закончится.

Зато среди болельщиков ажиотаж стоял небывалый. Даже из других учреждений поступали заявки. Прямо скажем, не каждый день мужчину у плиты увидишь. А тут на тебе — сразу целый десяток в фартуках.

Участники ходили, как кинозвезды, и буквально лопались от важности.

И вот долгожданный день наступил.

С заданием «кто быстрее пришьет пуговицу» Горячкин справился первым. Орудуя иглой, как д'Артаньян шпагой, он намертво пришил друг к дружке трюих своих коллег. Так пришил, что бульдозерами не растащишь, автогеном не возьмешь. Для себя шил. На совесть.

Судьи волновались за жизнь участников. И после того, как один деятель поставил варить суп в дуршлагае, а другой вместо томатной пасты полез за зубной и уронил в компот мясорубку, решили упростить задания до примитива.

Председатель жюри велела отобрать у соревнующихся ножи и вилки и, показав им веник, спросила: что это такое?

Мужчины, и без того, бедняги, обескураженные, опасаясь подвоха, растерянно переглядывались.

И пока остальные соображали, как лучше отреагировать, Горячкин осмелел и тихо пискнул:

— Веник вроде...

В зале зааплодировали. Кто-то даже «браво» выкрикнул.

Горячкин вышел в лидеры и победил.

Потом появился корреспондент местной газеты. И Горячкин, млея от удовольствия, охотно делился воспоминаниями о своей замечательной жизни.

На прощание корреспондент пообещал выслать газету ему домой — пусть и семья порадует.

Горячкин поначалу обрадовался, а потом побледнел, как шеф-повар во время ревизии, и сказал: — Спасибо, но писать обо мне, к сожалению, нельзя.

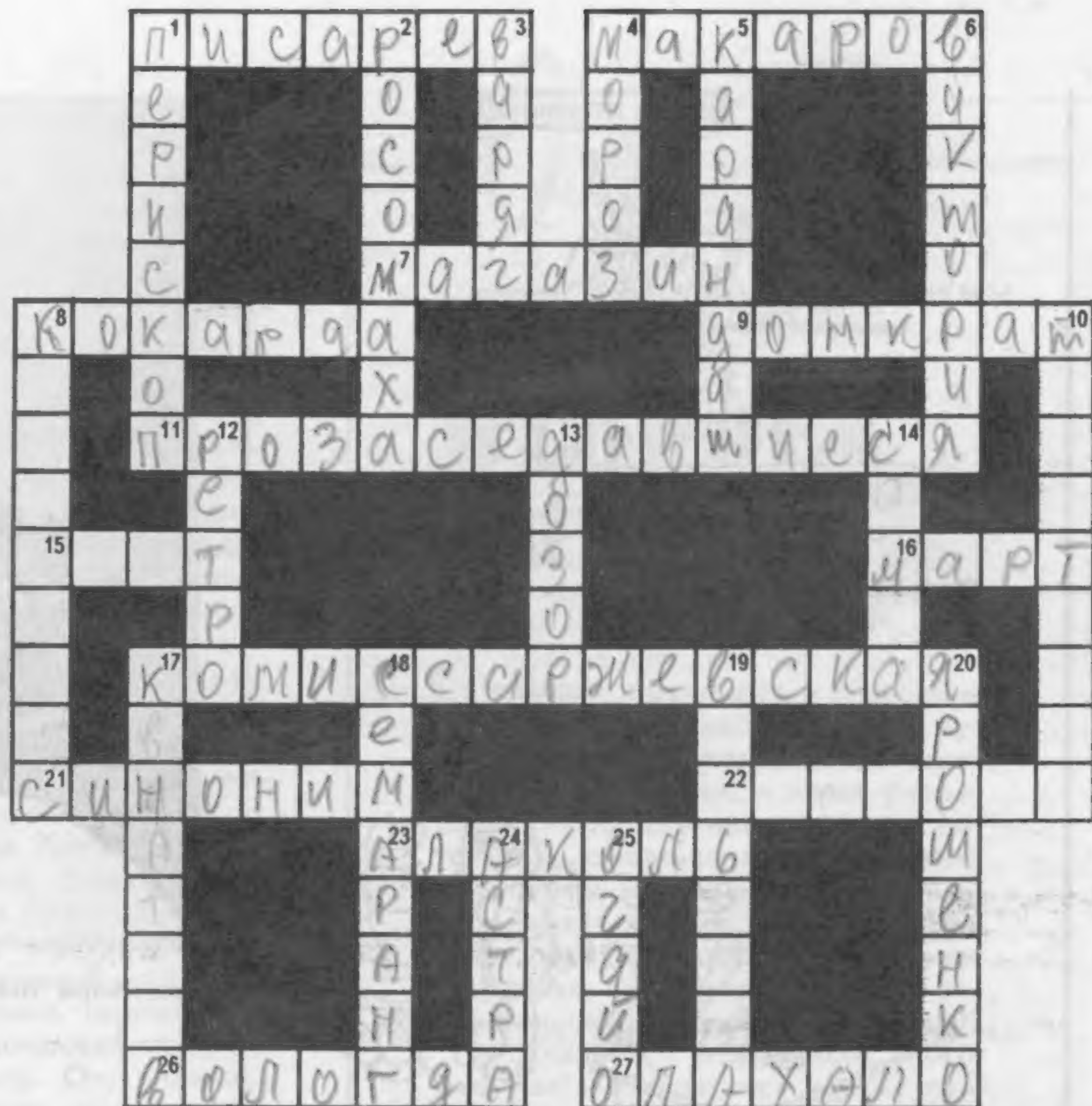
— Почему? — удивился корреспондент.

Горячкин выразительно кивнул в небо и таинственно произнес: — Космос, понимать надо.

После ухода репортера сосед Горячкина покотился со смеху.

— Ну, ты даешь! Артист. Чего это ты ему про космос вправлял? Ты ведь таксистом работаешь.

— Таксистом, — подтвердил Горячкин, — а если бы ту газету жена моя прочла? Представляешь, какая б жизнь началась? От жены и в космосе не спрячешься. Все самому делать пришлось бы!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Русский публицист и литературный критик, революционный демократ. 4. Советский космонавт. 7. Предприятие розничной торговли. 8. Значок на форменном головном уборе. 9. Грузоподъемный механизм. 11. Стихотворение В. В. Маяковского. 15. Немецкий писатель-антифашист. 16. Картина А. А. Пластова. 17. Русская актриса. 21. Слово, противоположное по значению другому слову. 22. Молочный сахар, углевод. 23. Озеро в Казахстане. 26. Областной центр в РСФСР. 27. Вид веера.

По вертикали: 1. Оптический прибор для наблюдения из подводных лодок, блиндажей. 2. Пушной зверь. 3. Русская народная песня. 4. Холод, стужа. 5. Стержень в оправе, для письма, рисования, черчения. 6. Остров в Канадском Арктическом архипелаге. 8. Украинская народная песня. 10. Отрасль геологии. 12. Музыкальная форма. 13. Разведывательная группа воинского подразделения. 14. Река на Среднем Урале. 17. Большая птица, обитающая в болотах Африки. 18. Порт на острове Ява. 19. Васня И. А. Крылова. 20. Художник-переводчик. 24. Садовое декоративное растение, цветок. 25. Приток Миссисипи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 7. Препарат. 8. Трапеция. 10. Подшипник. 11. Вотва. 13. Сплав. 15. Рерих. 16. Глебов. 18. Сидней. 19. Крашенинников. 22. Пинега. 23. Астров. 24. «Фронт». 26. Дойра. 28. Скань. 29. Максимова. 30. Гардероб. 31. Столетов.

По вертикали: 1. Гренобль. 2. Пампа. 3. Гайдар. 4. Кранах. 5. Апенс. 6. Цикламен. 9. Гидробиология. 12. Веберметр. 14. «Подросток». 17. Вышка. 18. Слика. 20. Дикобраз. 21. Волнолом. 24. Фактор. 25. Трость. 27. Ампер. 28. Сабля.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Будь здорова, малышка! Сельский врач, заведующий Каменской врачебной амбулаторией Васильковского района, Киевской области, Петр Лаврентьевич Ящук за профилактическим осмотром. (См. в номере материал «Без романтики».)

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Шагающая буровая вышка, разработанная учащимися ПТУ № 33 Ленинграда, и ее авторы Дима Белик и Саша Фомичев * Снегоход тульских умельцев * Модель паровой турбины * Действующая модель фрезерного станка (автор Иосиф Калман) * Космодром на Луне. Работа юных техников Калининграда * Один из залов выставки технического творчества молодежи. (См. в номере материал «И мастерство и вдохновение».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.03.81. Подписано к печати 24.03.81. А 00351. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 780. Заказ № 212.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Беспрецедентно растут военные расходы. В США они достигли ста пятидесяти миллиардов долларов в год. Но и такие астрономические цифры не устраивают военно-промышленный комплекс, он требует большего.

Из газет

Современный молох...

Рис. М. АБРАМОВА

